

ISSN 2077-5911

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2018
4 (38)

Ψλ

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2018
4 (38)
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2018
4 (38)
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ»
Регистрационный ПИ № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911
DOI: 10.30982/2077-5911
Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, доктор филологических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова, Москва (Россия)

Маховиков Денис Викторович, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора общей психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Чимкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин Тверского института экологии и права, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения лиц с ограниченными возможностями, Хайфский университет, Хайфа (Израиль)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Чжао Цюэ, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Черниговская Татьяна Владимировна, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующая лабораторией когнитивных исследований и кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ, Санкт-Петербург (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2018

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2018

© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2018

© Авторы, 2018

Подписано в печать 11.12.2018. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14,5 Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INTERNATIONAL ACADEMY

Registration number № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911

DOI: 10.30982/2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, chief editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, deputy editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, Rector of the Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, executive secretary, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

Denis V. Makhovikov, Candidate of Philology, Researcher, Department of General Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Lubov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, professor, deputy director of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical Institute, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow International academy, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Humanities, Social and Natural Sciences, Tver Institute of Ecology and Law, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Learning Disabilities, Haifa University, Haifa, (Israel)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Stylistics, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language as a Foreign, South Ural State University (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Tatiana V. Chernigovskaya, Doctor of Philology and Biology, Professor of St. Petersburg State University, Head of Laboratory for Cognitive Studies, Deputy Director-Coordinator of the Cognitive Branch of Kurchatov Institute, Saint-Petersburg, Moscow (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Typology of Languages and Cultures, Novosibirsk National Research State University, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovsky, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Scientific journal of theoretical and applied research.

4 issues per year. The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Moscow, 2018

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2018

© Moscow International Academy, 2018

© Authors, 2018

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К юбилею В.З. Демьянкова 10

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Балясникова О.В. , Уфимцева Н.В. (*Москва, Россия*)

Стратегии актуализации категории *эго* в языковом сознании русских
(по данным ассоциативного эксперимента) 14

Вашунина И.В., Матвеев М.О., Тарасов Е.Ф. (*Москва, Россия*)

Влияние качеств креолизованного текста на его смысловое восприятие 34

Маховиков Д.В. (*Москва, Россия*)

Особенности вербализации в процессе восприятия абстрактной живописи 54

Степанова А.А. (*Москва, Россия*)

Особенности восприятия живописных портретов 64

Стернин И.А., Фененко Н.А. (*Воронеж, Россия*)

Импрессивная эквивалентность текста и языковое сознание носителей языка 72

Цзинь Тао (*Москва, Россия*)

Роль прототипов в формировании полисемии (на примере полисеманта *qi*
в китайском языке) 82

Нистратов А.А., Тарасов Е.Ф. (*Москва, Россия*)

Восприятие текста в зависимости от коммуникативной позиции испытуемого 98

Петроченко Е.В. (*Воронеж, Россия*)

Музыкальный компонент интонационных единиц языка
(психолингвистическое исследование) 112

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Зельдин А.Е. (*Реховот, Израиль*)

Звуковой символ «Мама» в синхроническом и диахроническом аспекте 120

Яковлев А.А. (*Красноярск, Россия*)

Язык как предмет психолингвистики в свете идей Э.С. Бауэра 137

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Голигузова О.А. (*Москва, Россия*)

Формирование лексических концептов у поздних субординативных
билингвов как основа их двуязычной компетенции 150

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Рогожникова Т.М. (*Уфа, Россия*)

Проект «Суггестивные ресурсы вербальных моделей» 163

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

Кони́на А.А., Черниговская Т.В. (*Санкт-Петербург, Россия*)

Синхронный перевод как экстремальный вид когнитивных процессов (обзор экспериментальных исследований) 178

Романова Т.В. (*Нижний Новгород, Россия*)

Информационный обзор: категории толерантность/политкорректность как объект лингвистического осмысления 204

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Дьяченко Г.В. (*Москва, Россия*) Круглый стол «Смыслообразование в коммуникации-2» 220

Казаков Г.А. Конференция полиглотов 2018 г. в Любляне 228

IN MEMORIAM

Памяти В.И. Батов 232

OUR ANNIVERSARIES

Valery Z. Demyankov 10

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

- Olga V. Balyasnikova, Natalya V. Ufimtseva** (*Moscow, Russia*)
The Strategy of Actualization of *Ego*-Category in the Russian Language
Consciousness (an Associative Experiment Data Analysis) 14
- Irina V. Vashunina, Mikhail O. Matveev, Evgeniy F. Tarasov**
(*Moscow, Russia*)
Impact of Creolized Text on Its Significant Perception 34
- Denis V. Makhovikov** (*Moscow, Russia*)
Peculiarities of Verbalization in Abstract Painting Perception 54
- Anna A. Stepanova** (*Moscow, Russia*)
Perception of People in Paintings 64
- Isif A. Sternin, Natalia A. Fenenko** (*Voronezh, Russia*)
Equivalence of Impression of a Text and Verbal Consciousness
of Native Speakers 72
- Tszin Tao** (*Moscow, Russia*)
The Role of Prototypes in the Formation of Polysemy (Qi, the Example
of Polysemous Word in the Chinese Language) 82
- Alexandr A. Nistratov, Evgeniy F. Tarasov** (*Moscow, Russia*)
A Correlation Between Text Perception and Person's Communicative Attitude 98
- Elena V. Petrochenko** (*Voronezh, Russia*)
The Musical Component of Intonation Units in Language
(A Psycholinguistic Study) 112

DISCUSSION PANEL

- Anatoly E. Zeldin** (*Rehovot, Israel*)
"Mama" Sound Symbol Viewed Synchronically and Diachronically 120
- Andrey A. Yakovlev** (*Krasnoyarsk, Russia*)
Language as the Object of Psycholinguistics From the Perspective
of E.S. Bauer's Ideas 137

YOUNG SCHOLARS' STUDIES

- Olga A. Goliguzova** (*Moscow, Russia*)
Lexical Concepts Formation in Late Subordinate Bilinguals as the Core of Their
Bilingual Competence 150

PSYCHOLINGUISTIC STUDIES IN THE REGIONS OF RUSSIA

- Tatiana M. Rogozhnikova** (*Ufa, Russia*)
The Project "Suggestive Resources of Verbal Models" 163

SCIENTIFIC REVIEW

- Alena A. Konina, Tatiana V. Chernigovskaya** (*St. Petersburg, Russia*)
Simultaneous Interpreting as an Extreme Cognitive Activity (Experimental Studies Review) 178
- Tatiana V. Romanova** (*Nizhny Novgorod, Russia*)
Informational Review: Categories Tolerance / Political Correctness as an Object of Linguistic Study 204

SCIENTIFIC LIFE

- Dyachenko G.V.** (*Moscow, Russia*)
Roundtable Discussion ‘Sense Production in Communication – 2 ’ 220
- Kazakov G.A.** (*Moscow, Russia*)
Polyglot conference 2018 in Ljubljana 228

IN MEMORIAM

- To The Memory of Vitaly I. Batov 232

**Поздравляем
Валерия Закиевича Демьянкова
с юбилеем!**

1 ноября 2018 года исполнилось 70 лет нашему коллеге, замечательному лингвисту, профессору, доктору филологических наук Валерию Закиевичу Демьянкову.

Путь В.З. Демьянкова в лингвистике начался с работы в лаборатории по обработке японской патентной документации (ЦНИИ патентной информации при комитете по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР), а также в Лаборатории структурной типологии языков и лингвостатистики при МГУ. Долгие годы он работал в этой лаборатории, а в 1993 г. стал ее заведующим; к этому времени она имела название Лаборатория автоматизированных лексикографических систем при факультете вычислительной математики и кибернетики МГУ. В 1978 г. была выпущена брошюра по материалам кандидатской диссертации «Метод построения системы автоматического лингвистического анализа наименований экономических показателей в ИПС, использующей естественный язык», а годом позже – первый том новаторского словаря «Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста», включавший около 300 терминов порождающей грамматики.

С начала 1980-х гг. Валерий Закиевич публикует работы по теории интерпретации. В 1982 г. выходит второй том словаря англо-русских терминов, посвященный методам анализа и интерпретации текста. За этим следует целый ряд монографических изданий: «Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике» (1985); «Специальные теории интерпретации в вычислительной лингвистике» (1988); «Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ» (1989); «Морфологическая интерпретация текста и ее моделирование» (1994). Под его авторством публикуются статьи в энциклопедических изданиях «Лингвистический энциклопедический словарь», «Современная западная философия». Итогом занятий генеративной и интерпретативной лингвистикой стала защищенная в 1986 г. в Институте языкознания АН СССР докторская диссертация «Общая теория интерпретации и ее приложение к критическому анализу метаязыка американской лингвистики 1970-80-х гг.».

Среди научных областей, в которые внес вклад В.З. Демьянков, - философия языка и лингвистическая философия, лингвопрагматика, теория речевых актов, дискурс-анализ, теория коммуникации и многие другие. Отдельный эпизод его научной деятельности связан с когнитивным поворотом в языкознании, произошедшим в 1970-80-е гг. в мировой науке. В 1996 г. в свет вышел сегодня уже легендарный «Краткий словарь когнитивных терминов», значительная часть статей которого была написана Валерием Закиевичем. В 1994 г. была опубликована программная его статья «Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода». Он стал не только тонким и глубоким когнитивистом от языкознания, но и успешным популяризатором этой новой сверхпопулярной дисциплины.

С 1988 г., после защиты докторской диссертации, В.З. Демьянков работает в Институте языкознания АН СССР (затем РАН) сначала ведущим, а позднее главным научным сотрудником Отдела теоретического языкознания. Участвует в семинарах Ю.С. Степанова по философии языка и Н.Д. Арутюновой по логическому анализу языка (а также в сборниках материалов этих мероприятий). Реализует крупный проект «Доминирующие лингвистические теории в конце XX века», результаты которого, в частности, вошли в известную коллективную монографию «Язык и наука конца 20 века» (1995) в виде обширной главы. В 2001 г. становится заведующим, а в 2004 – штатным сотрудником и руководителем Отдела теоретического и прикладного языкознания ИЯз РАН. С 2005 по 2017 гг. являлся заместителем директора Института. В сфере его научно-организационного руководства находились отделы теоретического и прикладного языкознания, кафедра иностранных языков, а также международные научные связи Института с Западной Европой и США. В 2012 г. он возглавил Научно-образовательный центр теории и практики современной коммуникации им. акад. Ю.С. Степанова. Являлся руководителем нескольких проектов, поддержанных научными фондами, под эгидой лингвосомиотической научной школы Ю.С. Степанова.

В первые десятилетия XXI в. у В.З. Демьянкова возникают новые интересы, которые воплощаются в фундаментальных научных работах. Среди таких новых направлений: лингвистическая политология, язык СМИ, лингвopsихология, лингвистическая эстетика, языковые техники трансфера знаний. Значителен его вклад в образовательную деятельность. С 1988 г. он преподавал в МГПИ им. В.И. Ленина (затем МПГУ). Позже он стал завкафедрой контрастивной лингвистики МПГУ и многие годы профессорствовал на ней. Впоследствии возглавлял кафедру западноевропейских языков факультета славянских и западноевропейских языков МПГУ. В 2004 г. ВЗД был удостоен звания «Почётный работник высшего профессионального образования РФ».

Обширна и организационно-экспертная деятельность В.З. Демьянкова. Он является главным редактором журнала «Социальные и гуманитарные науки. Языкознание» (ИНИОН РАН), а также входит в состав редколлегий журналов «Вопросы языкознания», «Вопросы когнитивной лингвистики», «Вопросы филологии», «Language and Dialogue». Занимает посты заместителя председателя экспертного совета ВАК по филологии и искусствоведению, председателя совета по международным и целевым конкурсам Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), члена советов по научным проектам (координатора секции социальных и гуманитарных наук) и по научным программам Российского научного фонда (РНФ), председателя президиума Российской ассоциации лингвистов-когнитологов, члена бюро Международной ассоциации анализа диалога (IADA). Постоянно участвует в подготовке и организации научных мероприятий. В.З. Демьянков является автором более 400 научных трудов, будучи одним из самых цитируемых российских лингвистов. Поистине безгранична его языковая (он владеет более чем пятьюдесятью

языками) и научно-лингвистическая эрудиция. Языки естественные, искусственные (в том числе языки программирования) и, можно сказать, сверхъестественные (имея в виду метаязыки наук) сосуществуют в его ментальном мире настолько органично, что трансфер знаний происходит здесь без каких-либо когнитивных барьеров и диссонансов.

Поздравляем Валерия Закиевича с замечательным юбилеем и желаем неиссякаемой творческой энергии в реализации научных планов!

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'23

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-4-14-33

СТРАТЕГИИ АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ЭГО В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ (ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Балясникова Ольга Вениаминовна

старший научный сотрудник
сектора этнопсихолингвистики

Института языкознания РАН

Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д 1 стр. 1

bn.post@yandex.ru

Уфимцева Наталья Владимировна

зав. сектором этнопсихолингвистики

Института языкознания РАН

Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д 1 стр. 1

nufimtseva@yandex.ru

В статье на материале ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями русского языка в регионах России (Республике Коми (г. Сыктывкар), Республике Татарстан (г. Казань), Республике Бурятия (г. Улан-Удэ), Республике Саха (Якутия) (г. Якутск)), рассматриваются стратегии актуализации категории «эго» в связи с эгоцентричностью стимульного слова, устанавливается сходство и различие в содержании и структуре ассоциативных полей стимулов-местоимений в зависимости от региона проживания испытуемых. Описывается содержание и структура ассоциативного гештальта каждого стимульного слова. Ассоциативный гештальт – модель представления ассоциативного значения слова, предложенная Ю.Н. Карауловым и модифицированная нами в соответствии с задачами исследования. В частности, в структуру гештальта входят семантические зоны **Субъект, Объект, Характеристика**, содержащие основное количество ассоциатов, а также зона **Эго**. Устанавливается, что появление эгоцентриков в ассоциативном поле стимула-местоимения происходит неравномерно в зависимости и от языковых, и от социальных факторов; действие территориального фактора выражается прежде всего количественно, а в целом ассоциативное значение местоимений оказывается содержательно сложным.

Предварительно на материале ЕВРАС было выявлено несколько ассоциативных стратегий реагирования испытуемых на стимулы. Для исследуемой категории слов основными стратегиями являются идентификация, характеристика и индексация. В двух первых случаях актуализируется социальная категория *эго*, в последнем – воспроизводятся элементы местоименной системы. Обратный ассоциативный словарь ЕВРАС демонстрирует значимость стратегии характеристики; стимулы-характеристики составляют в данном случае около 70%.

Ключевые слова: категория *эго*, семантическая зона *эго*, ассоциативный эксперимент, семантический гештальт, региональное языковое сознание, носители русского языка

Не нужно слишком долго сосредотачиваться на теме «я», чтобы сделать простейшее наблюдение: к «я» мы относим жизненный центр своего внутреннего мира и вместе с тем едва ли не все с нами происходящее. В первом случае наглядно «я» проще всего изобразить как точку в центре круга, окружность которого очерчивает собой внутренний мир человека. Второй же случай скорее предполагает, что окружность – это «я», объемлющее собой круг – человеческую жизнь... Оно пульсирует, то вмещая в себя пространство, то сжимаясь до точки.

П.А. Сапронов. «Я»: онтология личного местоимения. СПб.: «Церковь и культура», 2008. С. 187, 188.

Традиционное понимание местоимений как дейктических знаков или субститутов знаменательных слов (в указательной и заместительной функции¹) предполагало, с одной стороны, описание характера их связей с элементами языкового контекста – антецедентами (см., например, об анафоре) и акта речи (ситуативно актуализованный дейксис) (напр., [Маловицкий 1989]), а с другой – сравнение с другими элементами как системы местоимений, так и системы знаменательных слов. При этом принципы классификации местоимений, как правило, признавались иными, нежели для остальных классов слов, чему способствовало, в частности, отсутствие у данного класса слов т.н. дифференцирующего значения, которое, по А.Я. Баудеру, является первой ступенью лексического значения (см. об этом [Петрова 1989]). Местоимение признавалось языковой единицей, функциональные особенности которой «проявляются не в пределах предложения, а лишь в текстовом окружении» [Юсупова 2014: 7].

Системный фактор, особенно на материале разных языков [Федюнева 2008, Аюшеева 2017², Юсупова 2014³], позволил говорить об особой роли личных местоимений, а внутри этого подкласса – о противопоставленности местоимений 1 и 2 лица (указывающих на лиц) местоимениям 3 лица (указывающих на лиц и неодушевленные объекты, либо только на последние). Иное противопоставление обусловлено способностью местоимений выполнять дейктическую – или дейктическую и анафорическую функции. По замечанию К.Е. Майтинской, посвятившей исследованию местоимений множество своих работ, «личным местоимениям (в широком понимании термина), как и указательным, свойственно указание с ориентацией на говорящего... Личные местоимения, как и указательные, объединяются в осложненную систему типов указания на степень удаленности от говорящего. Более того, личные местоимения в данной системе распределяются более

¹ Различается парадигматическое замещение (отношение местоимения ко всем языковым выражениям, способным находиться в той же позиции) и синтагматическое замещение (к антецеденту – анафора) [Крылов 1989]. Парадигматическое замещение характерно для любых знаменательных слов по отношению к словам того же лексико-грамматического разряда: уточнение апеллирует к оппозиции: широкий экстенционал – бедный интенционал [Там же].

² В бурятском языке личные местоимения 3 лица вообще не выделяются, их функцию выполняют указательные местоимения [Аюшева 2017: 15].

³ В татарском языке местоимение 3 лица называется лично-указательным [Юсупова 2014: 55].

стройно, чем указательные: «сфера говорящего»... более четко представлена местоимением, обозначающим «я»..., чем местоимением типа русских *этой, здесь, сюда, теперь*; «сфера собеседника»... более четко представлена местоимением, обозначающим «ты»..., чем местоимением типа латинского *iste* «тот» (близкий к собеседнику, относящийся к собеседнику)» [Майтинская 1969: 141].

Оппозиция местоимения 1 лица, с одной стороны, и местоимений 2 и 3 лица – с другой) связана с категорией принадлежности и ее центром – категорией *эго*. Поскольку именно она является объектом нашего внимания, мы обозначим ее границы с помощью посессивов *мой и наш*.

Неоднозначность сущности местоимений, которая очевидно стала более осознаваться в антропоцентрически ориентированной лингвистике, в связи с такими факторами как говорящий и его картина мира, привели к признанию того, что «сущностной характеристикой местоимения является способность одновременно отражать область высших абстракций и множество конкретных реалий. Они обладают гибкостью, непостоянством, изменчивостью значений, незакрепленностью смысловых нюансов; способность к зеркальному отражению значений назывных слов обеспечивает им гибкое функционирование в языковой системе» [Федюнева 2008: 7-8]. Речь идет, однако, здесь также в значительной мере о традиционной функции местоимений. По замечанию того же автора, недооценка местоимений как выразителей глобальных языковых смыслов, понимание их как смыслообразующей категории, содержание форм которых выражает «глобальные понятия о реалиях окружающего мира» [Там же: 8] и значения которых «как бы аккумулируют множество типовых языковых значений» [Там же: 9] предполагает рассмотрение значений местоимений в категории «общее – конкретное», где первое определяет предельно общее, а второе – непостоянно конкретное, ситуативное.

В дальнейшем появляется тенденция учитывать особую семантику местоимений, в частности их способность «интерпретировать как исходное, так и актуальное множество» в том числе «индивидуально», без противопоставления интенционала и экстенционала... «как представляющее собой уникальный класс, состоящий из особенных, единственных в своем роде элементов» [Шувалова 2007: 3].

Данные проведенного исследования подтверждают, что местоимение не просто субститут имени, а особый, наделенный значением, социально ориентированный языковой знак: его «шифтерность» выявляется только в плоскости языкового или ближайшего ситуативного контекста, который обнаруживается в определенном пласте ассоциативных реакций.

Исследование проводилось с участием носителей русского языка (2015-17 гг.) в четырех регионах России: Республиках Коми, Татарстан, Бурятия и Саха (Якутия). Каждая выборка составляла 200-300 человек. Свободный ассоциативный эксперимент проводился традиционным способом: испытуемым были предложены анкеты, содержащие список из 116 стимульных слов, среди которых были как местоимения, так и существительные, глаголы, прилагательные и наречия, причем последовательность предъявления стимулов была неповторяющейся (см. подробное описание процедуры исследования в: [Региональное языковое созна-

ние... 2017]). Испытуемые должны были записать первое слово, пришедшее на ум после прочтения стимула.

Мы исходили из того факта, что местоимение, как будто привычно зависимое от языкового контекста, оказывается принципиально лишенным такового. Автономное предъявление местоимений определяло характер того «смыслового пространства» [Шведова 1998], фрагмент которого актуализировался в эксперименте. В этом смысле оно продемонстрировало значимость местоимений как знаков одновременно в двух системах: языковой и социокультурной.

В Таблице 1 приведен фрагмент ядра языкового сознания, по материалам РАС [Караулов и др. 2002] и ЕВРАС [Черкасова, Уфимцева. Электронный ресурс], включающий местоимения.

Таблица №1

Местоимения в составе ядра языкового сознания носителей русского языка (по данным ассоциативных словарей)

1 этап РАС (1988-1991)			2 этап РАС (1992-1995)			3 этап РАС (1995-1997)			ЕВРАС (2008-2011)		
Ранг	Ассоциат	Кол-во	Ранг	Ассоциат	Кол-во	Ранг	Ассоциат	Кол-во	Ранг	Ассоциат	Кол-во
9	все	192	20	все	138	36	я	103	10	я	215
31	он	136	26	мой	130	68,5	мой	83	53,5	мой	115
35	мой	125	28,5	я	120				61,5	все	112
37,5	я	124									

Из таблицы видно, что стабильными во времени оказываются эго-центр и ближайшая эго-зона, а также что, за исключением определительного местоимения *все* и местоимений 1 и 3 лица мужского рода, местоименная система в ядре языкового сознания не представлена.

Приведем далее ассоциативное поле местоимения *я* (прямой словарь) и стимулы, вызвавшие реакцию *я* (обратный словарь) по данным ЕВРАС с частотностью больше 1.

Я: человек 98; личность 48; ты 20; девушка 17; студент 16; я 10; студентка 9; люблю, молодец, хороший 8; лучший, он 7; есть, мы, хорошая 6; бог, красивая, лучшая, умный 5; буква, добрый, сок, эго 4; крут, курсант, любимая, парень, сам, самая, супер, умная 3; десантник, друг, женщина, живу, жизнь, и ты, индивид, индивидуальность, король, красавица, кто, лучше всех, любимый, мама, местоимение, не знаю, один, свободен, сплю, спортсмен, такая, умница 2.

При реагировании на данный стимул выявляются следующие стратегии.

Стратегия идентификации:

- по общей категории (*человек*) 24,8%;
- по роду деятельности (*студент, курсант, мама*) 9,9%;
- по полу (*девушка, парень, женщина*) 5,8%;
- по формальным признакам (*буква, местоимение, сок*) 2,7%.

В первых трех случаях *я* соотносится с социальным центром *эго*, в последнем *я* по своему означаемому определяется как элемент определенной системы (категории).

Стратегия Характеризации реализуется как приписывание объекту признака, обозначенного прилагательными или существительными с характеризующим значением:

- по качеству (*добрый, супер, лучше всех*) 17,4%;
- по социальной значимости (*личность*) 12,7%;
- по центральной или отдельной позиции (*индивидуальность, свободен, один, эго*) 3,1%;
- по вертикальному (социальному) положению (*бог, король*) 1,8%.

Стратегия предикации – испытуемый предикарует **я** определенное действие или состояние. Стратегия реализуется с помощью немногочисленных глаголов, преимущественно состояния (*живу, сплю, люблю*), благодаря чему **я** мыслится статичным 5,2%.

Репродуктивная стратегия – воспроизводится прецедент (*сам, самая, такая*) 2,1%.

Рефлексивная стратегия – испытуемым оценивается собственная способность выполнить инструкцию (*не знаю*) 0,5%.

Стратегия индексации – испытуемый воспроизводит иные элементы местоименной системы (*ты, и ты, я, он, мы*), ориентирована на дейктическую «разметку» пространства. Частотность реакции *ты* демонстрирует устойчивость связи **я-ты** в отличие от **я-мы** и **я-он**. Характерной стратегией здесь является повтор (**я-я**), которая составляет 2,6%.

Иерархия стратегий испытуемых для стимула **я** следующая:

- идентификация по общей категории 24,9%;
- характеристика по качеству 17,4%;
- дейктическая стратегия 15,4%;
- характеристика по социальной значимости 12,7%;
- идентификация по роду деятельности 9,9%;
- идентификация по полу 5,8%;
- стратегия предикации 5,2%;
- характеристика по центральному или отдельному положению 3,1%;
- идентификация по формальным признакам 2,7%;
- репродуктивная стратегия 2,15%;
- характеристика по вертикальному положению 1,8%;
- рефлексивная стратегия 0,5%.

Ниже представлен фрагмент обратного ассоциативного словаря ЕВРАС.

Я ← вы 77; личность, эгоист 40; эгоизм 38; студент 28; ленивый 27; лодырь 22; **мы*** 21; бездельник, умный 19; лидер 16; романтик 13; здесь*⁴, красивый, человек 12; непредсказуемый 11; зеркало, лучший, он, **я*** 10; гордый, дочь 9; дурак, мужчина, уверенный, упрямый 8; авторитет, активный, мужик, независимый, стеснительный, талантливый, хороший, честный 7; веселый, добрый, застенчивый, имя, инициативный, лень, неудачник, общительный 6; безответственный,

⁴ Звездочкой отмечены упоминаемые далее стимулы.

Бог, доктор, здоровый, интеллигент, карьерист, милый, настойчивый, сильный 5; безрассудный, богатый, гармоничный, гордость, девушка, доброта, единственный, изменчивый, король, лев, мудрый, оптимизм, решительный, семья, смелый, стремительный, сын, хитрый, хозяин, царь 4; великодушный, военный, врач, высокомерный, дитя, жадный, живой, изобретательный, искренний, мастер, мнение, молодой, напористый, настырный, несчастный, одинокий, подлец, талант, тщеславие 3; агрессивный, великий, весь*, взрослый, владелец, высокий, гладкий, деятельный, злой, коварный, конечно, культурный, мрачный, муж, нарядный, начальник, одиночество, осторожный, парень, предприимчивый, просто, простой, разный, расчетливый, робкий, русский, рыба, свободный, сейчас*, современный, странный, тема, теперь*, энергичный, ярость 2.

Данные указывают на реализацию общей стратегии эго-центрирования. Местоимение **вы** в 77 случаях (составляющих 9%) вызывает ассоциат **я**, местоимение **мы** – в 21 случае (2,5%), местоимение **он** и **я** – в десяти случаев, а **весь**⁵ – в двух (0,2%) случаях из 853-х (1,2%). Таким образом, на долю других местоимений приходится 12,9% появления **я**, не считая дейктиков **здесь** (1,4%), **сейчас** (0,2%) и **теперь** (0,2%)⁶. Однако существенно возрастает роль характеристики, заключенной в семантике стимула, т.е. наблюдается обратный процесс – актуализация эго через актуализацию качества. Такие характеристики составляют около 70%.

Другое направление анализа ассоциативных стратегий испытуемых может быть задано с использованием метода моделирования. Модель – ассоциативный гештальт, по Ю.Н. Караулову [2000] – была применена ранее для изучения регионального языкового сознания (описание модели и данные экспериментов см. в [Региональное языковое сознание... 2017]). В числе стимулов, предъявленных в ассоциативном эксперименте испытуемым – носителям русского языка, проживающим в Республиках Коми, Татарстан, Бурятия и Саха (Якутия), были местоимения **я**, **мы**, **мой**, **наш**, **наши**, **он** и **они**. В структуре модели были выделены семантические зоны (см. Таблицу 2 в Приложении), дифференцированные на несколько субзон. Ниже представлены результаты анализа.

В Таблице 2 и описаниях приняты сокращенные обозначения выборок испытуемых: РК (русские, проживающие в Республике Коми), РТ (русские, проживающие в Республике Татарстан), РБ (русские, проживающие в Республике Бурятия), РЯ (русские, проживающие в Республике Саха (Якутия)).

Стимул Я

Зона Субъект включает несколько субзон, при этом максимальное их число выделяется в выборке РК и РЯ (7 субзон). Наполненность зоны **Субъект** обусловлена преобладанием идентификации над другими стратегиями. Во всех выборках, кроме РК, число ассоциатов в этой зоне занимает больше половины всех других

⁵ **Весь** только формально может быть включен в данный перечень, поскольку является прецедентной синтагматической реакцией.

⁶ Наличие единиц пространственного и временного дейксиса показательно, особенно наречия **здесь**, локализирующую **я** в эгопространстве.

реакций. Указание на общность наиболее часто встречается у РЯ. Указанная зона наиболее дифференцирована у всех информантов, и основное число ассоциатов приходится на субзону **Человек** – во всех выборках наиболее частотными являются ассоциаты *человек* и *личность*. На втором месте по частотности в разных выборках оказываются различные номинации: РК приводят много наименований лиц по роду деятельности, среди которых самое частотное слово – *студент*. Во всех выборках зафиксированы слова, обозначающие национальность. Слова, обозначающие человека по его полу и возрасту, чаще встречаются у РЯ.

Таким образом, идентификация происходит сначала через соотнесение **я** с родовым понятием, далее – с социальной функцией, полом и возрастом. Положительно-маркированная лексика встречается как в зоне **Субъект**, так и в зоне **Характеристика**. Много положительно-оценочных слов: *Бог, красавчик, творец* (РБ), *босс, красавчик* (РЯ). Положительная характеристика преобладает во всех выборках, частотные характеристики – *хороший, красивый* и *добрый*.

Стратегии идентификации и характеристики в указанных зонах могут пересекаться.

Зону **Действие, состояние** заполняют глаголы, как правило, в форме настоящего времени, из которых наиболее частотными является *люблю* (РТ, РК), *есть, живу* (РБ), *смогу, люблю* (РЯ).

Реакции, входящие в зону **Объект**, более выражены у РТ, менее – у РБ. В этой зоне почти не встречается наименований конкретных объектов, за исключением их небольшого количества у РТ – *дом* (0,8%), которые можно считать и характеристиками. Качественно объекты разнообразны, у всех респондентов совпадают только слова *всё* и *жизнь*. Почти все реакции зоны **Объект** – номинации абстрактных объектов.

Стимул **Я** вызывает появление и дейктических реакций-коррелятов, причем у РТ упоминаются сначала местоимения 2 и 3 лица, а у РК – 2 и 1 лица множественного числа. В целом образ **я** оказывается положительным у всех респондентов.

Стимул МОЙ

Основными семантическими зонами являются **Объект, Субъект** и **Характеристика**. Большая часть ассоциатов располагается в двух первых зонах. Распределение реакций по разным зонам количественно различается в разных выборках. Зона **Субъект** распадается на несколько субзон, из которых наиболее значимыми являются *друг* (РК), и обозначение лиц мужского пола (РТ). Зона **Субъект** наиболее выражена и дифференцирована у респондентов Бурятии. У РБ в этой зоне первой по значимости остается реакция *друг*, второй – *родственник* и *человек*.

Указание на **Объект** и **Субъект** задано стратегией приписывания признака, обозначенного словом-стимулом, и формирует «объектную» релятивно-посессивную эгосферу. Имеется расхождение в количестве номинаций конкретных и абстрактных объектов: разница между субзонами больше у РТ. У РК и РБ эта зона является особенно весомой и разнообразной.

Все информанты называют больше конкретных объектов обладания (*дом, собственность, телефон*), чем абстракций (*выбор* и *день* – две самые частотные реакции), за исключением РЯ.

В зоне Эго общей стратегией является указание на второе лицо (*твой*) и на множественное число (*наш*) в рамках той же категории.

Зона Эго менее всего выражена у РЯ: в этой зоне встречаются местоимения второго и третьего лица, а также посессивы.

Слово-стимул МОИ

Основные зоны ассоциативного гештальта – **Субъект** и **Объект**. Первая распадается на несколько субзон, количество и наполнение которых примерно одинаково во всех выборках. Субзона *родственник* выражена у РК, у РТ она количественно сближается с другой субзоной – *друг*. Зона **Объект** также статистически значима и наиболее выражена у РК и РТ (39,3%). Во всех выборках названия абстрактных объектов встречаются чаще, чем названия конкретных.

Наиболее часто стимул **мой** вызывает реакцию-существительное, обозначающее родственника или друга. В числе первых упоминаются *родные, близкие, родители* или *дети*. Особенно разнообразной данная зона является у РТ. Реакции в семантической зоне **Объект** содержательно сходны во всех выборках. В целом здесь отражено системное представление о местоимениях. РТ указывают на Субъекты субзоны родственник почти так же часто, как на друга. Зафиксировано более частое упоминание абстрактных объектов, чем конкретных; в числе наиболее частотных ассоциаций такого типа – *мысли*. Конкретные объекты – это обычно *собственность* (РТ), *деньги* (РК). В Татарстане несколько больше, чем в других выборках, испытуемые указывают на части тела, обычно это *глаза*.

Ассоциаты в зоне **Характеристика** различаются в выборках количественно. Все респонденты дают чаще нейтральные оценки объекта. Обычно эти слова (*личные, собственные* и т.д.) повторяют значение слова-стимула и составляют с ним частотную в речевой практике синтагматическую ассоциативную пару. Из положительных характеристик преобладает ассоциат *любимые* (также образует со стимулом частотную синтагматическую связь).

Слово-стимул МЫ

Распределение реакций на слово-стимул формирует две основные семантические зоны: **Субъект** и **Характеристика**. Зоны **Эго** и **Объект** содержат сходное количество реакций. Зона **Субъект** включает разнообразные обозначения лиц и оценочные номинации. На первом месте по количеству ассоциатов – обобщенные номинации. Зона **Субъект** содержит оценочные номинации. На национальность Субъекта указывают только РК (менее 1%). Все информанты дают ассоциации со значением целостности, более всего таких реакций у РК и РБ.

Как и другие стимулы-местоимения, **мы** инициирует две основные стратегии ассоциирования: идентификацию и характеризацию. Первая стратегия, представленная в ассоциациях семантической зоны **Субъект** – это идентификация, характер которой определяется тем, кто мыслится референтом слова-стимула. Зона **Характеристика** распадается на несколько значимых субзон. Одна из них характеризует объект, называемый стимулом, как целостность (*вместе, все, едины*). Наполнение **Эго**-зоны во многом определяется формой стимула: в ней актуализируются элементы местоименной системы – личные местоимения 2 и 3 лица.

У РК в соответствующей зоне присутствует большое разнообразие местоимений: *вы, они, ты, я, свои*. Зона **Действие, состояние** содержит частотные реакции можем / сможем.

Субъектная зона содержит как обобщенные номинации, частотные во всех группах (*люди*), так и слова, указывающие на родственные отношения (*семья, дети*), общность (*общество, команда, группа*), а также названия лиц по роду деятельности (*студенты*), присутствуют также положительно-оценочные (*герои, молодцы*) и отрицательно-оценочные (*тупые*) номинации. Таким образом, содержание данной ассоциативной зоны в целом сходно во всех выборках. Зона **Характеристика** представлена в основном положительными характеристиками, кроме нечастотной реакции *тупые*, данных РЯ.

Слово-стимул НАШ

Объект является основной семантической зоной, в которой сосредоточены реакции на данный стимул. На втором месте по количеству ассоциатов – зона **Локус** и **Эго** с неравнозначным распределением реакций в выборках. Зона **Субъект** более дифференцирована у РК. Среди прочих здесь преобладает субзона **человек**, далее **родственник**. Зона **Субъект** представлена разнообразными ассоциатами, в том числе выделяется субзона оценочных реакций, малочисленная, но включающая в выборке РК – только положительно-оценочные (*герой, кумир*). Состав зоны **Эго**, отличающейся неоднородностью, показывает, что стимул-посессив инициирует появление парадигматических реакций-посессивов.

Обращает на себя внимание особенность наиболее частотных реакций в каждой выборке: если у РТ это ребенок, то у РК – *отец* (в этой выборке зона **Субъект** очень разнообразна и включает ассоциаты *брат, ребенок, дед, тесть*). Среди прочих здесь преобладает субзона **человек**, затем **родственник**.

Все информанты упоминают конкретные объекты чаще, чем абстрактные. **Объект** является основной семантической зоной, в которой сосредоточено больше всего реакций на стимул. В числе конкретных номинаций зоны **Объект** самая частотная – **дом** – сходна во всех выборках. Среди абстрактных объектов наиболее частотными являются *долг, выбор*.

Зона **Характеристика** распадается на две основные субзоны – чаще всего **наш** ассоциируется или с *общим*, или с *близким, родным*. Несмотря на то, что **Локус** наименее выражен, в семантическую зону входят одинаковые частотные реакции: *город, мир, край*, а также *Крым*. Указание на локус, связанный с местом проживания респондентов, не зафиксировано.

Слово-стимул НАШИ

Основной в ассоциативном гештальте стимула является зона **Субъект**, держащая номинации лиц по различным критериям. Эта зона является разнообразной; чаще всего информанты называют какого-либо родственника, а затем – человека, за исключением РТ. Субзона **общность** выделяется у испытуемых, проживающих в Татарстане. Зона **Объект** совпадает у информантов, основное количество реакций приходится на **абстрактные** объекты. В числе конкретных **Объектов** информанты чаще всего указывают *вещи и деньги*. В целом содержа-

ние субзоны демонстрирует частотную встречаемость в речи слова-стимула и слова-реакции. Испытуемые называют преимущественно абстрактные объекты: дни, мысли, достижения. Третьей по значимости является зона **Эго**, количество ответов в ней в разных выборках варьируется. Данная зона включает посессивы, наиболее частотные реакции – это *ваши* и *свои*. Зона **Локус** содержит небольшое количество ассоциатов и пересекается с зоной **Эго**: *земли, края, просторы*. Зона **Характеристика** и зона **Субъект** имеют общую субзону – *национальность*.

Слово-стимул **ТЫ**

В ассоциативном гештальте слова-стимула наиболее выраженные количественно зоны – **Субъект**, **Эго** и **Характеристика**. Распределение реакций по субзонам в разных выборках неоднородно, за исключением преобладающей субзоны **человек**, содержащей общие номинации. Содержание зоны **Субъект** указывает на идентификацию **ты** как лица; более частотна связь **ты** – *человек (личность)*, как и для стимула **я**. Второй по значимости оказывается субзона **друг**. Реакции *подруга, товарищ* – среди малочастотных реакций у РК. В зоне **Субъект** имеются слова с положительной (*молодец, герой*) и отрицательной (*дурак, идиот*) оценочностью. Реакции субзоны **родственник** для стимула **ты** не характерны. Значительное количество характеризующих ассоциаций дают РТ и РЯ, у последних зафиксированы отрицательные характеристики: *плохой* и др. Такие ассоциаты характеризуют **ты** по качествам ума или поведения, а РЯ – по общей оценке.

Зона **Эго** указывает преимущественно на первое лицо, причем формы ассоциатов разнообразны, что обуславливает значительный вес субзоны, однако содержательно она довольно однообразна: **ты** определяется через **я** (*мы, мой*). Среди **Характеристик** во всех выборках преобладают положительно-оценочные слова. Чаще всего все информанты оценивают **ты** как *лучший* и *хороший*, а также *красивый (красив)*, у РТ не встречается вообще. Стимул **ты** осознается как находящийся *рядом (Локус)* – реакция нечастотна, но одинакова в данной зоне у всех информантов. В зоне **Действие, состояние** наиболее частотны у всех реакции *можешь / сможешь (всё)*.

Слово-стимул **ОН**

В ассоциативном гештальте стимула по значимости зон выделяются **Эго**, **Характеристика** и **Субъект**. Последняя отличается большой дифференцированностью. Содержание ассоциативного гештальта. Значимость субзон в зоне **Субъект** оказывается неодинаковой у разных информантов. Так, судя по количественному содержанию субзон, для РК и РБ **он** мыслится прежде всего как лицо определенного пола (*мужчина, парень, мальчик*), а РТ чаще указывают на общую категорию (*человек*). Упоминание о родственнике (*муж*) встречается в этой зоне только у РБ. Зона **Объект** наиболее выражена количественно у РТ, менее всего – у РК, а у РЯ не выражена совсем. Ее составляют, как правило *абстрактные* слова. Нечастотная отрицательная реакция *ненависть* зафиксирована у РТ.

Зона **Эго** содержит значительное число ассоциатов, сходных по значимости.

В зоне **Характеристика** в целом фиксируется преобладание положительно-оценочных слов над отрицательно-оценочными. Здесь самые типичные реак-

ции – *хороший, любимый, красивый и добрый*. **Отрицательная** оценка в данной зоне зафиксирована только у РЯ: *плохой, тупой*.

Слово-стимул Они

В ассоциативном гештальте выделяется множество субзон, составляющих зону **Субъект**, и значительное количество ассоциатов. Испытуемые РК, РТ дают большое количество разнообразных ассоциаций – наименований Субъекта. Ядро зоны составляют субзоны *человек* и *друг*. Характерно упоминание лиц по общности (*группа, общество*), у РТ и РК положительные номинации (*молодцы*) преобладают над отрицательными (*враги, стадо*). Зона Эго содержит много частотных реакций, количество которых различно в разных выборках. Менее разнообразны реакции РЯ, а более – реакции РБ. **Характеристика** включает субзоны, из которых наиболее значимой для всех информантов оказывается целостность, особенно у РЯ.

Зона **Действие, состояние** содержит наименование активных действий, называемых чаще всего глаголами движения *пришли, придут, идут*. На стимул они в зоне **Эго** даются реакции *мы* и *чужие*. Местонахождение **они** – это ближний **Локус** (*здесь, рядом*), а также *вокруг, везде*.

Подводя итог исследованию, отметим, что, разумеется, экспериментальная ситуация отличается от обычной: в ней отсутствует естественный мотив речевой деятельности, а свобода испытуемого во времени реагирования ограничена значительно больше, нежели в условиях реальной коммуникации. Однако в любом случае имеет место актуализация типовых частотных связей стимула и реакции, очевидным образом обусловленная характеристиками лексико-грамматического этапа речепроизводства.

В целом предсказуемо осуществляется актуализация либо системы местоимений (дейктиков) в ответ на стимул-эгоцентрик, либо наиболее типичных, в условиях ограниченного времени, синтаксических связей стимула-местоимения. Оба случая вписываются в обычную классификацию парадигматических и синтагматических ассоциативных структур, однако важно, какие именно компоненты местоименной системы актуализируются (и почему) и какие связи оказываются наиболее частотными. Данные ассоциативные структуры образуют первый, поверхностный пласт ассоциативного поля местоимений, и он оказывается принципиально иным по сравнению с тем, который может быть представлен в конкретном тексте.

Стимул может обозначать и самого говорящего (испытуемого), т.е. обозначать внешний эго-центр (референт), побуждая его, с одной стороны, преодолевать неопределенность стимула указанием на внешнее *эго* (стратегия идентификации (общая), или конкретизации (частная): структуры типа **я** – *девушка*), а с другой – оставляя стимул референтно-неопределенным (для не-*эго*), осуществлять чистую предикацию (общая стратегия), или характеристику (частная стратегия): структуры типа **я** – *супер*. На наш взгляд, это наиболее типичный случай «присвоения языка» говорящим [Бенвенист 1974].

Литература

- Аюшева Л.В.* Местоимения бурятского языка: теоретические и практические аспекты. Улан-Удэ: Издательство бурятского госуниверситета, 2017. 124с.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448с.
- Караулов Ю.Н.* Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 191-206.
- Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Русский ассоциативный словарь (РАС). Т.1, 2. М.: АСТ-Астрель, 2002. 991 с.
- Крылов С.А.* О семантике местоименных слов и выражений // Русские местоимения: семантика и грамматика. Межвузовский сборник научных трудов. Владимир: ВГПИ, 1989. С. 5-12.
- Майтинская К.Е.* Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969. 308с.
- Маловицкий Л.Я.* Личные местоимения современного русского языка в коммуникативном аспекте // Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир, 1989. С.103-111.
- Петрова О.В.* Местоимения в системе функционально-семантических классов слов. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1989. 158с.
- Региональное языковое сознание коми, русских и татар: проблемы взаимодействия. Уфимцева Н.В. Черкасова Г.А., Балясникова О.В., Разумкова А.В., Степанова А.А. Коллективная монография / Под ред. Н.В. Уфимцевой. М.-Ярославль: Издательство Канцлер, 2017. 240 с.
- Сапронов П.А.* «Я»: онтология личного местоимения. Спб.: «Церковь и культура», 2008. 326с. (Институт богословия и философии. Исследования и публикации).
- Федюнева Г.В.* Первичные местоимения в пермских языках. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 427с.
- Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В.* Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras>.
- Шведова Н.Ю.* Местоимение и смысл: Класс рус. местоимений и открываемые ими смысловые пространства. Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и яз. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
- Шувалова И.Е.* Семантика русских местоимений. Курск: Изд-во Курск.гос. ун-та, 2007. 143с.
- Юсупова З.Ф.* Местоимения русского языка: теория и практика. Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2014. 196с.

THE STRATEGY OF ACTUALIZATION OF EGO-CATEGORY
IN THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS (AN ASSOCIATIVE
EXPERIMENT DATA ANALYSIS)

Olga V. Balyasnikova

Senior Researcher

Ethnopsycholinguistics Sector

Russian Academy of Sciences

1/1 Bol'shoy Kislovsky per., Moscow, 125009 Russia

bn.post@yandex.ru

Natalya V. Ufimtseva

Head of Ethnopsycholinguistics Sector

Russian Academy of Sciences

1/1 Bol'shoy Kislovsky per., Moscow, 125009 Russia

nufimtseva@yandex.ru

The article speculates on the material of the associative experiment conducted with native speakers of the Russian language in the regions of Russia (the Republic of Komi (Syktyvkar), the Republic of Tatarstan (Kazan), the Republic of Buryatia (Ulan-Ude), the Republic of Sakha (Yakutia) (Yakutsk). The paper considers the strategies of updating the category of "ego" due to the egocentricity of the stimulus word, establishes the similarity and difference in the content and structure of the associative fields of stimuli-pronouns depending on the region of residence of the subjects. The content and structure of the associative Gestalt of each stimulus are described. The associative Gestalt model is a representation of the associative meaning of a word. In particular, the structure of the Gestalt includes semantic zones Subject, Object, Characteristic, containing the main number of associates, as well as the Ego zone. It is established that the emergence of egocentric in the associative field of the stimulus-pronoun occurs unevenly depending on both linguistic and social factors; the action of the territorial factor is expressed primarily quantitatively, and in general the associative meaning of pronouns is substantially complex.

Previously, several associative strategies for the response of subjects to stimuli were identified on the material of EURAS. For the studied category of words, the main strategies are identification, characterization and indexing. In the first two cases, the social category of ego is actualized, in the latter – the elements of the pronominal system are reproduced. The EVRAS inverse associative dictionary demonstrates the importance of the characterization strategy; the stimuli-characteristics are about 70% in this case.

Keywords: ego-category, semantic ego-zone, associative experiment, semantic gestalt, regional linguistic consciousness, native speakers of the Russian language.

References

Ajusheva L.V. (2017) Mestoimenija burjatskogo jazyka: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [Pronouns of the Buryat language: theoretical and practical aspects]. Ulan-Udje: Izdatel'stvo burjatskogo gosuniversiteta. 124 P. Print. (In Russian)

Benvenist Je. (1974) *Obshhaja lingvistika* [General Linguistics]. M.: Progress. 448 P. Print. (In Russian)

Karaulov Ju.N. (2000) *Pokazateli nacional'nogo mentaliteta v asociativno-verbal'noj seti* [Indicators of national mentality in the associative-verbal network] // *Jazykovoje soznanie i obraz mira* [Language Consciousness and Image of the World]: 191-206. M.: Institut jazykoznanija RAN. Print. (In Russian)

Karaulov Ju.N., Cherkasova G.A., Ufimceva N.V., Sorokin Ju.A., Tarasov E.F. (2002) *Russkij asociativnyj slovar' (RAS)* [Russian associative dictionary (RAS)]. T.1, 2. M.: AST-Astrel', 2002. 991 P. Print. (In Russian)

Krylov S.A. (1989) *O semantike mestoimennyh slov i vyrazhenij* [On the semantics of pronominal words and expressions] // *Russkie mestoimenija: semantika i grammatika. Mezhhuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Russian Pronouns] 5-12 Vladimir: VGPI. Print. (In Russian)

Majtinskaja K.E. (1969) *Mestoimenija v jazykah raznyh sistem* [Pronouns in Languages of Different Systems]. M.: Nauka. 308 P. Print. (In Russian)

Malovickij L.Ja. (1989) *Lichnye mestoimenija sovremennogo russkogo jazyka v kommunikativnom aspekte* [Personal pronouns of the modern Russian language in the communicative aspect] // *Russkie mestoimenija: semantika i grammatika* [Russian Pronouns]: 103-111. Vladimir. Print. (In Russian)

Petrova O.V. (1989) *Mestoimenija v sisteme funkcional'no-semanticheskikh klassov slov* [Pronouns in the system of functional-semantic classes of words]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. 158 P. Print. (In Russian)

Regional'noe jazykovoje soznanie komi, russkih i tatar: problemy vzaimovlijanija (2017) [Regional linguistic consciousness of Komi, Russians and Tatars: problems of mutual influence]. Ufimceva N.V., Cherkasova G.A., Baljasnikova O.V., Razumkova A.V., Stepanova A.A. *Kollektivnaja monografija / Pod red. N.V. Ufimcevoj*. M.-Jaroslavl': Izdatel'stvo Kancler. 240 P. Print. (In Russian)

Sapronov P.A. (2008) «Ja»: ontologija lichnogo mestoimenija ["I": The Ontology of the Personal Pronoun]. SPb.: «Cerkov' i kul'tura». 326 P. Print. (In Russian)

Fedjuneva G.V. (2008) *Pervichnye mestoimenija v permskikh jazykah* [Primary pronouns in Permian languages]. Ekaterinburg: UrO RAN. 427 P. Print. (In Russian)

Cherkasova G.A., Ufimceva N.V. *Russkij regional'nyj asociativnyj slovar'-tezaurus EVRAS* [Russian regional associative dictionary-thesaurus EVRAZ]. Web. URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras>

Shvedova N.Ju. (1998) *Mestoimenie i smysl: Klass rus. mestoimenzij i otkryvaemye imi smyslovyje prostranstva* [Pronoun and meaning: Class Rus. pronouns and their semantic space]. Ros. akad. nauk. Otd-nie lit. i jaz. In-t rus. jaz. im. V.V. Vinogradova. M.: Azbukovnik. 176 P. Print. (In Russian)

Shuvalova I.E. (2007) *Semantika russkih mestoimenzij* [Semantics of Russian Pronouns]. Kursk: Izd-vo Kursk.gos.un-ta. 143 P. Print. (In Russian)

Jusupova Z.F. (2014) *Mestoimenija russkogo jazyka: teorija i praktika* [Pronouns of the Russian language: theory and practice]. Kazan': Izd-vo Kazan.un-ta. 196 P. Print. (In Russian)

Приложение

Таблица №2

Распределение реакций на стимулы-местоимения по зонам и субзонам семантических гешталтов (данные в %)

Семантические зоны и субзоны	Регион	Русские в Республике Коми								
	Стимул	я	мой	мои	мы	наш	наши	ты	он	они
	СУБЪЕКТ	63,3	32,2	47,1	40,4	20,9	50,3	37,5	31,2	42,9
	Человек	40,2	9,8	4,5	16,2	5,9	9,9	23,0	8,3	26,7
	Родственник	-	9,0	23,7	9,6	2,8	27,0	-	2,3	2,1
	Друг	-	10,3	18,1	6,4	3,1	5,2	8,2	6,9	6,0
	Враг	-	0,8	-	-	-	-	-	-	-
	Пол/возраст/имя	6,0	1,8	-	-	2,8	-	-	8,6	-
	По деятельности	9,6	-	-	-	0,5	-	1,8	-	-
	По национальности	1,5	-	-	-	0,5	0,9	-	-	-
	Общность	-	-	-	7,2	2,8	5,5	-	-	4,5
	Положительный	4,8	-	-	0,5	-	0,6	2,4	2,9	1,5
	Отрицательный	0,6	-	-	0,5	-	0,6	1,5	0,6	0,9
	Неопределенный	-	-	-	-	-	-	-	1,7	0,6
	Другой	0,6	0,5	0,8	-	3,0	2,0	0,6	-	0,6
	ОБЪЕКТ	1,8	39,2	39,3	12,3	31,8	29,7	0,6	1,7	-
	ХАРАКТЕРИСТИКА	11,4	9,5	4,0	34,6	9,2	4,1	17,3	24,9	19,8
	Положительная	9,3	6,0	1,3	1,8	2,8	-	10,9	21,5	6,0
	Нейтральная	2,1	3,5	2,7	32,0	5,9	3,2	5,8	2,9	11,1
	Отрицательная	-	-	-	-	-	-	0,6	0,6	2,7
	ДЕЙСТВИЕ, СОСТОЯНИЕ	10,5	1,0	-	6,1	-	-	5,8	6,6	14,1
	ЛОКУС	-	7,2	-	0,5	28,2	1,5	3,3	1,2	6,9
	ЭГО	10,8	10,9	8,0	7,2	9,7	14,5	31,5	32,4	15,0
	УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ	0,9	-	1,1	0,8	-	-	1,5	-	-
	ПРОЧИЕ	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	ВРЕМЯ	1,2	-	-	0,5	0,5	-	1,5	2,3	1,5

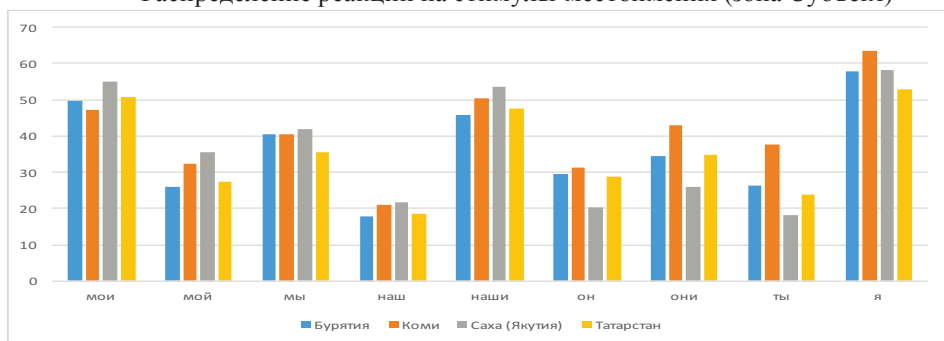
Семантические зоны и субзоны	Регион	Русские в Республике Татарстан								
		я	мой	мои	мы	наш	наши	ты	он	они
	СУБЪЕКТ	52,8	27,4	50,7	35,4	18,6	47,7	23,8	28,9	34,8
	Человек	35,2	5,4	5,4	13,8	6,6	8,1	11,3	9,7	12,7
	Родственник	-	4,7	22,5	7,8	1,5	21,2	-	0,7	2,5
	Друг	-	13,3	22,8	4,7	2,1	10,9	8,0	5,7	7,0
	Враг	-	0,6	-	-	-	-	-	-	-
	Пол/возраст/имя	5,7	2,2	-	-	3,0	3,7	0,4	4,4	-
	По деятельности	4,6	-	-	-	4,2	-	0,4	0,7	-
	По национальности	0,8	-	-	0,6	-	1,2	-	0,7	-
	Общность	-	-	-	8,5	0,6	1,3	-	-	6,3
	Положительный	6,5	-	-	-	-	0,9	2,2	3,0	1,4
	Отрицательный	-	-	-	-	-	0,6	1,1	2,6	0,7
	Неопределенный	-	-	-	-	-	-	-	-	3,5
	Другой	-	1,2	-	-	0,6	-	0,4	1,4	0,7
	ОБЪЕКТ	4,6	53,2	39,3	9,7	36,9	38,9	2,9	3,6	-
	ХАРАКТЕРИСТИКА	14,2	9,5	1,2	36,8	6,3	1,2	20,7	21,5	16,2
	Положительная	13,4	6,0	-	8,8	1,5	-	14,5	11,8	2,1
	Нейтральная	0,8	3,5	1,2	28,3	4,8	-	4,4	7,5	11,6
	Отрицательная	-	-	-	-	-	-	1,8	2,2	2,5
	ДЕЙСТВИЕ, СОСТОЯНИЕ	15,3	-	-	7,5	-	-	8,7	5,4	12,3
	ЛОКУС	0,8	-	-	-	25,2	0,6	1,5	2,5	6,0
	ЭГО	10,7	8,5	5,7	6,3	10,8	10,9	32,0	33,7	25,4
	УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ	0,8	-	1,2	1,9	-	-	3,6	-	0,7
	ПРОЧИЕ	-	-	-	-	-	-	-	0,7	0,7
	ВРЕМЯ	2,7	0,6	0,6	2,5	1,5	0,6	5,5	2,7	3,9

Семантические зоны и субзоны	Регион	Русские в Республике Бурятия								
	Стимул	я	мой	мои	мы	наш	наши	ты	он	они
	СУБЪЕКТ	57,7	26,0	49,5	40,5	17,9	45,7	26,3	29,6	34,3
	Человек	44,8	5,4	2,9	16,1	7,8	6,9	16,5	9,5	22,2
	Родственник	-	7,6	26,0	14,1	2,4	29,4	-	1,6	1,0
	Друг		10,3	20,6	-	-	7,4	5,2	3,7	8,1
	Враг		-	-	-	-	-	-	-	-
	Пол/возраст/имя	4,7	-	-	-	-	-	2,1	10,0	-
	По деятельности	-	-	-	-	-	-	1,5	-	-
	По национальности	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Общность	3,5	9,3	-	9,3	-	-	-	-	-
	Положительный	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Отрицательный	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Неопределенный	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Другой	4,7	2,7	-	1,0	1,9	2,0	1,0	4,8	3,0
	ОБЪЕКТ	5,2	7,8	28,9	7,8	36,9	24,0	1,0	2,1	1,0
	ХАРАКТЕРИСТИКА	9,3	31,8	2,0	31,8	4,4	4,0	13,4	14,8	20,7
	Положительная	8,1	5,9	-	5,9	2,0	-	11,3	11,6	2,0
	Нейтральная	1,2	25,9	2,0	25,9	6,9	4,0	2,1	3,2	18,7
	Отрицательная	-	-	-	-	1,5	-	-	-	-
	ДЕЙСТВИЕ, СОСТОЯНИЕ	2,4	-	-	-	-	-	-	-	4,0
	ЛОКУС	1,2	-	-	-	9,8	1,0	1,0	3,7	3,5
	ЭГО	18,0	19,1	19,6	19,1	25,5	25,5	56,7	47,4	36,4
	УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ	1,7		-	-	-	-	-	-	-
	ПРОЧИЕ	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	ВРЕМЯ	4,7	1,0	-	1,0	-	-	1,5	2,1	-

Семантические зоны и субзоны	Регион	Русские в Республике Саха (Якутия)								
	Стимул	я	мой	мои	мы	наш	наши	ты	он	они
	СУБЪЕКТ	58,1	35,4	55,1	42,0	21,6	53,4	18,1	20,2	26,1
	Человек	36,6	6,9	8,2	17,4	7,6	10,7	9,5	7,5	16,0
	Родственник	-	8,3	19,7	11,6	3,2	26,7	-	-	1,7
	Друг	-	13,9	25,2	8,7	7,0	14,0	6,9	6,0	8,4
	Враг	-	2,1	-	-	-	-	-	-	-
	Пол/возраст/имя	1,8	1,4	-	-	-	-	-	-	-
	По деятельности	-	-	-	1,4	-	-	-	-	-
	По национальности	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Общность	7,1	-	-	2,9	-	-	-	-	-
	Положительный	-	2,8	-	-	-	-	-	-	-
	Отрицательный	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Неопределенный	1,8	-	-	-	-	-	-	-	-
	Другой	10,8	-	2,0	-	3,8	2,0	1,7	6,7	-
	ОБЪЕКТ	-	41,7	26,4	10,1	36,1	4,0	-	-	-
	ХАРАКТЕРИСТИКА	20,6	3,5	-	21,7	3,8	4,0	24,1	35,9	39,3
	Положительная	18,8	3,5	-	6,5	-	-	20,7	29,9	23,4
	Нейтральная	1,8	-	-	13,8	3,8	4,0	-	-	10,9
	Отрицательная	-	-	-	1,4	-	-	3,4	6,0	5,0
	ДЕЙСТВИЕ, СОСТОЯНИЕ	4,5	-	-	2,9	-	-	2,6	-	8,4
	ЛОКУС	-	-	-	-	25,9	-	-	-	5,9
	ЭГО	15,2	18,1	17,0	23,2	12,7	18,7	53,4	42,5	26,9
	УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ	-	1,4	-	-	-	-	-	-	-
	ПРОЧИЕ	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	ВРЕМЯ	1,8	-	1,4	-	-	-	1,7	1,5	-

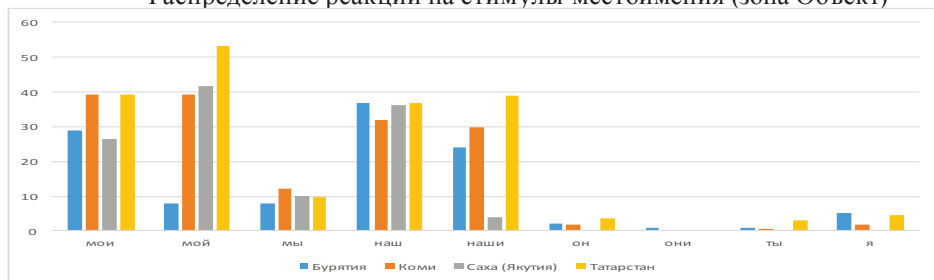
Теоретические и экспериментальные исследования

Диаграмма 1
Распределение реакций на стимулы-местоимения (зона Субъект)

Стимул	Русские в республике				Общий итог
	Бурятия	Коми	Саха (Якутия)	Татарстан	
мои	49,5	47,1	55,1	50,7	202,4
мой	26	32,2	35,4	27,4	121
мы	40,5	40,4	42	35,4	158,3
наш	17,9	20,9	21,6	18,6	79
наши	45,7	50,3	53,4	47,7	197,1
он	29,6	31,2	20,2	28,9	109,9
они	34,3	42,9	26,1	34,8	138,1
ты	26,3	37,5	18,1	23,8	105,7
я	57,7	63,3	58,1	52,8	231,9
Общий итог	327,5	365,8	330	320,1	1343,4

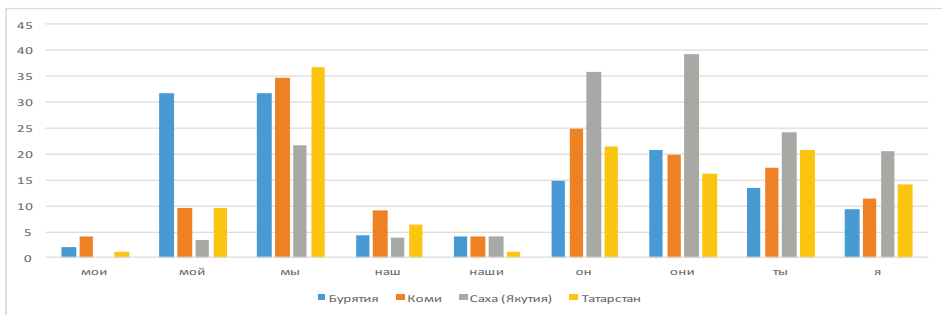
Диаграмма 2
Распределение реакций на стимулы-местоимения (зона Объект)

Стимул	Русские в республике				Общий итог
	Бурятия	Коми	Саха (Якутия)	Татарстан	
мой	7,8	39,2	41,7	53,2	141,9
мы	7,8	12,3	10,1	9,7	39,9
наш	36,9	31,8	36,1	36,9	141,7
наши	24	29,7	4	38,9	96,6
он	2,1	1,7	0	3,6	7,4
они	1	0	0	0	1
ты	1	0,6	0	2,9	4,5
я	5,2	1,8	0	4,6	11,6
Общий итог	114,7	156,4	118,3	189,1	578,5

Диаграмма 3

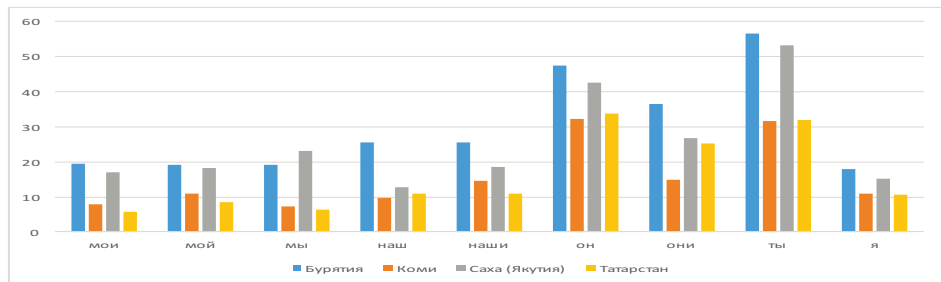
Распределение реакций на стимулы-местоимения (зона Характеристика)

Русские в республике					
Стимул	Бурятия	Коми	Саха (Якутия)	Татарстан	Общий итог
мой	31,8	9,5	3,5	9,5	54,3
мы	31,8	34,6	21,7	36,8	124,9
наш	4,4	9,2	3,8	6,3	23,7
наши	4	4,1	4	1,2	13,3
он	14,8	24,9	35,9	21,5	97,1
они	20,7	19,8	39,3	16,2	96
ты	13,4	17,3	24,1	20,7	75,5
я	9,3	11,4	20,6	14,2	55,5
Общий итог	132,2	134,8	152,9	127,6	547,5

Диаграмма 4

Распределение реакций на стимулы-местоимения (зона Эго)

Русские в республике					
Стимул	Бурятия	Коми	Саха (Якутия)	Татарстан	Общий итог
мой	19,1	10,9	18,1	8,5	56,6
мы	19,1	7,2	23,2	6,3	55,8
наш	25,5	9,7	12,7	10,8	58,7
наши	25,5	14,5	18,7	10,9	69,6
он	47,4	32,4	42,5	33,7	156
они	36,4	15	26,9	25,4	103,7
ты	56,7	31,5	53,4	32	173,6
я	18	10,8	15,2	10,7	54,7
Общий итог	267,3	140	227,7	144	779

УДК 81'23

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-4-34-53

**ВЛИЯНИЕ КАЧЕСТВ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА
НА ЕГО СМЫСЛОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ**

Вашунина Ирина Владимировна

профессор кафедры немецкого языка
Всероссийской академии внешней торговли
Министерства экономического развития РФ
Россия, 119285, г. Москва, ул. Пудовкина, д. 4а
vashunina@yandex.ru

Матвеев Михаил Олегович

аспирант отдела психолингвистики
Институт языкознания РАН
Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д 1 стр. 1
mike-matveev@mail.ru

Тарасов Евгений Федорович

заведующий отделом психолингвистики
Института языкознания РАН
Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д 1 стр. 1
eft35@mail.ru

**Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 18-012-00652
«Креолизованный текст как средство управления языковым сознанием:
теоретико-экспериментальное исследование»)
в Институте языкознания РАН**

Статья содержит описание смыслового восприятия креолизованных текстов, осуществленное после анализа результатов эксперимента. Специфика функционирования креолизованного текста обусловлена фактом его полимодальности и содержательным соотношением его частей (части идентичны, одна часть есть продолжение другой, и между частями отсутствует содержательная связь). В ходе эксперимента было проанализировано восприятие четырех креолизованных текстов, компонентами которых являлись вербальные тексты-описания и изображения: супрематическая композиция К. Малевича и три фотографии оживленной улицы, данных в естественном, мажорном и минорном освещении. Испытуемым предлагалось оценить сконструированные креолизованные тексты по 35 шкалам семантического дифференциала. Экспериментальные данные были обработаны методом факторного анализа. Полученные семантические пространства были содержательно проинтерпретированы и названы «Сила», «Динамичность», «Оценка», «Естественность», «Символичность», «Активность», «Оценка», «Комфортность».

Экспериментальные креолизованные тексты содержат вербальную часть, предварительно составленную испытуемыми и, следовательно, отображающую их языковое и неязыковое содержание, что позволяет избежать ситуации, в которой испытуемые обрабатывают свои мысли при помощи образов сознания экспериментатора. В экспериментах по анализу восприятия креолизованных текстов получила свое дальнейшее разрешение проблема формирования контекстуальных ограничителей / уточнителей значения языковых единиц в речевой цепи. Анализ оценок респондентов позволяет выделить четыре механизма оценки соотношения визуальных параметров со значением вербальных единиц: импрессивный, экспрессивный, конструктивный (когнитивный), собственно интерсемиотический (межмодальный). При обобщении результатов эксперимента было установлено, что в основе оценки по одной и той же шкале могут лежать разные механизмы, то есть в процессе оценивания возможно изменение способов означивания действительности. Переключение между механизмами отражает актуализацию разных компонентов содержания образа сознания, овнешненного именем шкалы.

Ключевые слова: креолизованный текст, семантическое пространство, семантический дифференциал, психосемантический эксперимент, формальная и содержательная интерпретация

Введение

Цель исследования, результаты которого изложены в данной статье, попытаться выявить закономерности смыслового восприятия креолизованного текста, обуславливаемые его качествами.

Качества креолизованного текста (КТ) обусловлены:

- фактом его полимодальности (сочетанием в креолизованном тексте вербальной и невербальной части);
- соотношением содержания вербальной и невербальной частей креолизованного текста.

Нельзя сразу не упомянуть мысль, которая повторяется в исследованиях восприятия речевых сообщений, мысль о том, что КТ является самым распространенным видом текстов, функционирующих в современном обществе. Можно даже усилить эту мысль утверждением, что КТ являются единственным видом речевых сообщений, т.к. смысловое восприятие речевых сообщений непременно сопровождается восприятием субстанции графического или звукового тела знака – даже если нет никаких других специальных визуальных/ аудиальных знаков. Другими словами, все речевые сообщения являются креолизованными текстами, отличаясь друг от друга только степенью креолизованности, т. е. различием представленности в них вербальной и невербальной части [Нистратов, Семина, Тарасов 2016 : 176-188].

Также следует указать на актуальность исследований креолизованного текста в мировой лингвистике, которые стимулируются распространением информационных сообщений в такой форме.

При анализе креолизованного текста целесообразно в каждом конкретном случае учитывать степень идентичности / неидентичности содержания вербальной и невербальной частей, которые могут быть полностью идентичными или

являться неидентичными, а дополнительными (по соотношению друг к другу, когда содержание вербального текста продолжает содержание изображения) или же части креолизованного текста никак содержательно не связаны друг с другом. Исследования показали, что испытуемые в эксперименте воспринимают части любого креолизованного текста как составляющие одного креолизованного текста, имеющие содержательные связи друг с другом [Головина 1986]. Вероятно, испытуемые, воспринимающие креолизованный текст, действуют в рамках установки, сформированной в процессе восприятия, что любой креолизованный текст обладает качествами целостности и связности.

Любое экспериментальное исследование верифицирует некоторую теоретическую модель, другими словами – исходит из определенной онтологической картины, на которую исследователь опирается как на достоверное предварительное знание.

В нашем исследовании вербальная и невербальная части креолизованного текста идентичны. Содержание вербальной части – это компилятивный текст, составленный экспериментатором из описаний невербальной части, данных испытуемыми. Использование в эксперименте такого текста чрезвычайно важно, т. к. он содержит собственные образы сознания испытуемых (а не экспериментатора), сформированные при смысловом восприятии креолизованного текста и описанные при помощи языковых единиц. Стимульный материал (вербальная часть креолизованного текста), составляемый самими испытуемыми, позволяет избежать критики в адрес экспериментатора, смысл которой состоит в том, что испытуемые анализируют стимульный креолизованный текст при помощи образов не своего сознания, а при помощи образов сознания экспериментатора, т.к. шкалы, используемые испытуемыми при оценке содержания креолизованного текста взяты из описаний, составленных самими испытуемыми и с опорой на образы своего сознания.

Таким образом, в определенной степени нейтрализуется причина, которая детерминирует разброс результатов восприятия [Нистратов 2012: 330-334].

Испытуемые входят в процесс восприятия с индивидуальной апперципирующей массой, т. е. с индивидуальным багажом зрительного восприятия, что является трудно учитываемым фактором, который легче нейтрализовать, чем учитывать.

Поэтому возмущающее воздействие апперципирующей массы испытуемых частично нейтрализуется вербальной частью КТ, изготовленной из языковых единиц, отображающих языковое сознание самих испытуемых.

Суть дела состоит в том, что, например, при зрительном восприятии предметов объективной реальности (а мы в нашем исследовании имеем дело со зрительным смысловым восприятием) формирование содержания образов восприятия обусловлено, с одной стороны, качествами самого объекта (размер, форма, окраска), а с другой стороны – образами воспоминания воспринятых ранее предметов, теперь хранящимися в памяти реципиента и используемыми им в функции сенсорных эталонов – системе чувственных характеристик, выделенных и переданных реципиенту в ходе инкультурации обществом [Запорожец 1986: 52-66].

Вернемся к цели нашего исследования; мы анализируем зависимость смыслового восприятия вербальной части креолизованного текста от качеств его невербальной части.

Описание эксперимента и обсуждение результатов

Для исследования использовались психосемантические методы. Психосемантические методы исследования дают материал для анализа обыденного сознания, то есть выявляют глубинные критерии оценки исследуемых объектов. Метод семантического дифференциала представляет собой комбинацию процедур шкалирования и метода контролируемых ассоциаций [Carroll 1959; Osgood 1957; 1959; 1962; 1988].

Процедура психосемантического исследования заключается в следующем. Респондентам предлагается оценить определенный набор объектов по заданным качествам по градуированной шкале. Полученные таким образом протоколы собираются в общегрупповую матрицу данных, которая затем обрабатывается методом факторного анализа [Нистратов, Тарасов 2017: 124-134].

В эксперименте приняли участие 25 респондентов, проживающих в Москве в возрасте 18-24 лет. Полученные суммарные матрицы обрабатывались в статистическом пакете (SPSS) методом факторного анализа с последующим вращением факторов до простой структуры. В результате обработки данных было выделено восемь факторов-категорий. Далее результаты были представлены в виде семантических пространств и по категориям-факторам.

Номером 1 обозначена фотография в естественном освещении, номером 2 – та же фотография в минорном освещении (синий вечерний цвет), номером 3 – эта же фотография в мажорном освещении (утренний розовый цвет), номером 4 – картина Казимира Малевича. Соответствующую нумерацию имеют креолизованные тексты: КТ1, КТ2, КТ3, КТ4.

Факторы названы на основе входящих в них шкал и приведены в порядке убывания вклада в общую дисперсию.

Сила (шкалы: *холодный, легкий, сложный, жесткий, гармоничный, агрессивный*), причем *холодный, сложный, жесткий, агрессивный* составляют один полюс, а *легкий и гармоничный* – противоположный.

По этому фактору на первом месте стоит креолизованный текст с картиной Малевича, он оценивается как наиболее *холодный, сложный, жесткий, агрессивный*, как наименее *легкий* (как *тяжелый*) и *гармоничный*. Картина Малевича представляет собой комбинацию из прямоугольных элементов, окрашенных в яркие контрастные цвета: черный, красный, желтый и синий. Основной элемент картины – большой черный четырехугольник, на котором расположены желтый, синий и красный прямоугольники. Такие геометрические формы воспринимаются как тяжелые, агрессивные, жесткие. Присутствующие на картине мелкие элементы создают впечатление сложности и изощренности. За этим текстом почти во всех случаях (кроме шкалы *агрессивный*) следует креолизованный текст с минорной иллюстрацией, далее – креолизованный текст с мажорной (за исключением шкал *агрессивный, холодный*). Как наименее сильный (за исключением шкалы *холодный*) оценивается текст с реалистической иллюстрацией.

Максимальная оценка текста с картиной Малевича по шкале *холодный* объясняется содержанием картины – это геометрическая композиция, которая

воспринимается отстраненно, без эмоций. По шкале *сложный* этот текст высоко оценивается из-за определенной непонятности изображения (при восприятии произведения искусства реципиент пытается понять его суть, а в данном случае это практически невозможно). КТ4 получает оценку как наиболее жесткий из-за наличия на изображении геометрических форм с прямыми углами, которые воспринимаются как твердые, также играет роль цветовая гамма – сочетание разных ярких цветов, что усиливает контрастность изображения и, как следствие, выделенность геометрических форм, которые смотрятся более резко, чем смотрелись бы неокрашенные. Этими же параметрами изображения, а также ощущением движения (формы как будто падают на зрителя) объясняется максимальная оценка текста по шкале *агрессивный*. КТ4 получает оценку как наименее *легкий* / *наиболее тяжелый* из-за расположения предметов на плоскости картины – предмет в верхнем углу создает ощущения тяжести, и также прямоугольные геометрические формы ощущаются как основательные и тяжелые. Оценка текста как *негармоничного* объясняется несимметричностью абстракции, так как гармония ощущается как симметрия.

Стоящий на втором месте по оценкам креолизованный текст с минорной иллюстрацией оценивается как *холодный*, что объясняется воздействием холодной цветовой гаммы. Он оценивается как несложный, но сложнее КТ1 и КТ3. Вероятно, это объясняется общим видом рисунка – окрашивание сделало сложнее различимыми объекты изображения. По шкале *жесткий* текст с минорной иллюстрацией оценивается как нежесткий, но жестче, чем КТ1 и КТ3. Возможно, это объясняется тем, что «холодные (цвета) имеют склонность к углу и прямизне граней» [Матюшин 2007: 27], то есть геометрические формы изображения становятся в восприятии более прямоугольными, что ощущается как жесткость. По шкале *агрессивный* текст с мажорной иллюстрацией оценивается незначительно выше, чем текст с минорной иллюстрацией, что объясняется воздействием активного оранжевого цвета (красный цвет и его оттенки воспринимаются как агрессивные). Однако оба текста оцениваются как неагрессивные и получают почти одинаковые оценки по шкале *легкий*. Они не тяжелые и не легкие. Незначительная разница в пользу текста с мажорной иллюстрацией объясняется светлотой тона – мажорные тона более светлые (ранее было установлено, что визуальным коррелятом легкости является светлота [Вашунина 2009]). КТ2 оценивается как менее гармоничный, чем КТ1 и КТ3, вероятно, из-за несколько неестественной окраски. Однако он гармоничный, и разница между оценками КТ1, КТ2, КТ3 невелика.

Текст с реалистической иллюстрацией оценивается как наименее сложный (наиболее простой), наименее жесткий (наиболее мягкий), наиболее неагрессивный, легкий и гармоничный. Простота, гармоничность, неагрессивность и мягкость объясняются естественностью оформления и реалистичностью изображения. По шкале *агрессивный* все тексты оцениваются как неагрессивные, однако агрессивность КТ1 значительно ниже, чем у остальных текстов. Вероятно, неестественность (содержания, цвета) воспринимается как агрессия (навязывание). Оценка по шкале *легкий* связана со светлотой тона – изображение самое светлое из всех. По шкале *холодный* наиболее теплым является креолизованный текст с мажорной иллюстрацией, сказывается воздействие на реципиентов теплых цветов.

Динамичность (шкалы: *активный*, *динамичный*, *сильный*). Наиболее *динамичный*, *активный* и *сильный* текст – текст с иллюстрацией Малевича. На втором месте оказывается либо текст с реалистической иллюстрацией, либо текст с мажорной иллюстрацией. На последнем месте – КТ2 с минорной иллюстрацией (по шкале *сильный* – КТ1).

Максимальная оценка КТ4 по шкалам *динамичный*, *активный* объясняется расположением объектов на картине, которое создает ощущение движения падения. По шкале *активный* играет роль также яркое разнообразие цветов (см. сходные результаты [Вашунина 2009]). Оценка по шкале *сильный* объясняется высокой контрастностью изображения, имеются данные исследований, свидетельствующие о том, что контрастность ощущается как сила.

На втором месте по шкалам «динамичный» и «сильный» находится креолизованный текст с мажорной иллюстрацией, что соотносимо с данными предшествующих исследований [Вашунина 2009], в которых установлено, что качество «сильный» обычно визуализируется цветами мажорной гаммы, так же, как и качество *подвижный*. По шкале *активный* на втором месте креолизованный текст с реалистической иллюстрацией, что объясняется содержанием рисунка – изображена оживленная улица. Реалистичность подчеркивает характеристики изображенной ситуации.

Минимальную оценку по шкалам *динамичный*, *активный* имеет текст с минорной иллюстрацией, что подтверждает данные предшествующих исследований [Вашунина 2009]. По шкале *сильный* на последнем месте КТ с реалистической иллюстрацией. Эта иллюстрация наиболее бледная, а как отмечалось выше, сила связана с яркостью и контрастностью.

Как видно из рис.1, креолизованный текст с картиной Малевича воспринимается респондентами как наиболее сложный, жесткий, агрессивный и активный, динамичный, сильный. КТ2 с фотографией улицы в синем цвете также оценивается как холодный, сложный, жесткий, но неактивный, нединамичный, несильный. Текст с той же фотографией в мажорном розовом цвете воспринимается

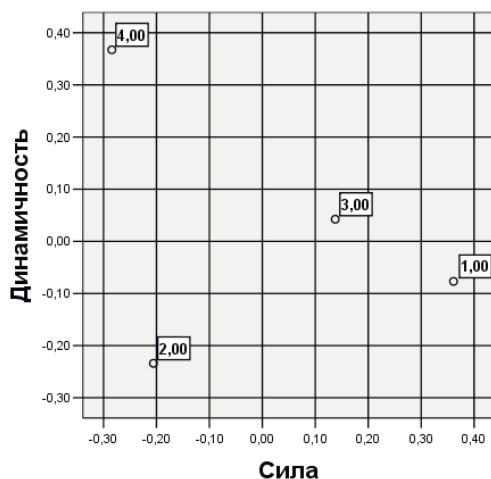

Рис.1

иначе, т.е. как гармоничный, легкий, но более активный, динамичный и сильный. КТ1 с фотографией в естественном освещении оценивается как наиболее легкий и гармоничный, но менее динамичный, чем с иллюстрацией в мажорном варианте.

Оценка (шкалы: *романтический, интимный, возвышенный, изысканный, искренний, живописный, изошренный*). Максимально текст с минорной иллюстрацией оценивается по шкалам: искренний, живописный, возвышенный, текст с картиной Малевича по шкалам *изошренный, интимный*, текст с мажорной иллюстрацией по шкалам *изысканный, романтический*. Минимальные оценки получает в большей части случаев креолизованный текст с картиной Малевича: по шкалам *искренний, живописный, возвышенный, изысканный, романтический* или КТ1 – по шкалам *изошренный, интимный*.

При оценке по этому фактору максимальные оценки КТ2 и КТ3 (с минорной и мажорной иллюстрациями) сочетаются с минимальными оценками КТ4 (с картиной Малевича). Можно предположить экспрессионистское восприятие качеств *искренний, живописный, возвышенный, изысканный, романтический*. Максимальные оценки КТ4 сочетаются с минимальными КТ1. Вероятно, характеристики *изошренный, интимный* связаны со степенью субъективности восприятия. То есть в основе оценки по фактору **Оценка** лежат экспрессия и субъективность.

По шкале *искренний* максимальные оценки имеет текст с минорной иллюстрацией. Возможно, это объясняется воздействием синего цвета, выбор которого согласно трактовке теста Люшера свидетельствует о потребности в устойчивой положительной привязанности (что должно подразумевать искренность отношений). За ним следует КТ3, вероятно, «веселая» мажорная иллюстрация создает ощущение открытости. Далее – креолизованный текст с реалистической иллюстрацией. На последнем месте КТ4, потому что смысл супрематической композиции непонятен (по данным предыдущего эксперимента непонятный может оцениваться как «лживый» [Вашунина 2009]).

Как наиболее живописный оценивается КТ2, возможно воздействие немного искусственной цветовой гаммы или же ощущение вечера. Далее почти без отрыва следуют КТ1 и КТ3. Наименее живописен КТ4. Вероятно, понимание живописности связано с видением сюжета или ощущением эмоций.

КТ4 оценивается как наиболее изошренный, что, вероятно, связано с некоторой непонятностью его невербальной части. КТ1 наименее изошренный, он прост для восприятия.

Самый возвышенный текст – КТ2. Вероятно воздействие синего цвета неба, познания, с оттенком фиолетового мистического цвета. За ним с небольшим отрывом следует КТ3, возможно воздействие мажорной гаммы, поднимающей настроение. Далее КТ1 и с небольшой разницей КТ4. Реалистичность, как и супрематизм, далека от возвышенности.

По шкале *интимный* максимальные оценки у КТ4, а минимальные – у КТ1. Вероятно, интимность оценивается как личная субъективность, которая высока при восприятии картины Малевича и низка при восприятии реалистического изображения. На втором месте креолизованный текст с мажорной иллюстрацией, окрашенной в оранжево-розовые цвета, далее – креолизованный текст с минорной иллюстрацией.

Максимально по шкале *изысканный* оценивается текст с мажорной иллюстрацией (есть данные об оценке иллюстраций в мажорной цветовой гамме как привлекательных, приятных, нежных [Вашунина 2009]). Далее следует КТ2. За ним КТ1. Наименее изысканным является КТ4, что объясняется присутствием на изображении простых «грубоватых» геометрических форм.

КТ3 максимально оценивается по шкале романтичный, вероятно воздействие розоватого мажорного («цвета любви» – это основной цвет для визуализации «любви», например на «Яндекс-картинках») цвета. Наименее романтичный КТ4, так как супрематическая композиция не вызывает никаких душевных чувств.

Естественность (*натуралистический, естественный, понятный*). По этим шкалам наиболее высокие оценки получил текст с реалистической иллюстрацией, на втором месте текст с мажорной иллюстрацией, на третьем – текст с минорной иллюстрацией, на последнем с большим отрывом текст с картиной Малевича. КТ1 противопоставлен КТ4 по всем шкалам.

Решающим параметром является реалистичность изображения. Вероятно, мажорная иллюстрация рассматривается как солнечное утро и ощущается более реалистичной, чем минорная (которая может трактоваться как вечер).

На рис.2 представлено расположение оцениваемых объектов в пространстве факторов **оценка / естественность**. Креолизованный текст с картиной Малевича, как следует из рис.2, воспринимается наименее естественным и понятным, по фактору **Оценка** он оценивается негативно, т. е. качества, входящие в категорию Оценка, не присущи этому объекту. Креолизованный текст с фотографией улицы в естественном освещении воспринимается как наиболее понятный, естественный и натуралистический. Несколько меньшие значения имеют по этому фактору Креолизованный текст с фотоминорном и мажорном освещении, но качества фактора **Оценка** в наибольшей степени воспринимаются респондентами в фотографии в

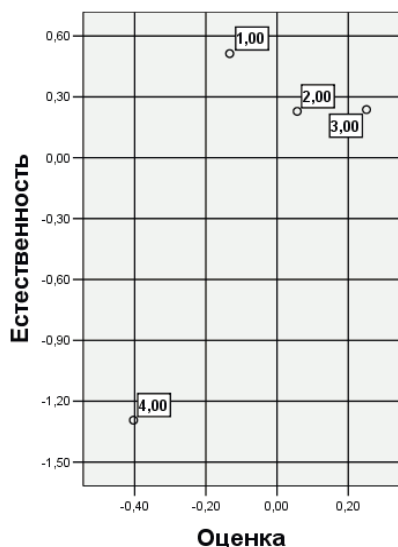

Рис.2

мажорном освещении, затем в минорном и в естественном. Для креолизованного текста с изображениями города существует обратно пропорциональная связь между естественностью и оценкой: чем выше естественность, тем ниже оценка, то есть наиболее высоко оцениваются креолизованные тексты с наиболее неестественными иллюстрациями. Однако это касается реалистических предметных иллюстраций. Неестественный супрематизм имеет одинаково низкие оценки по обоим факторам, потому что при его восприятии не задействован механизм экспрессионистического видения.

Символичность (шкалы *образный, выразительный, символический, художественный*). По шкалам получают максимальные оценки текст с картиной Малевича и текст с мажорной иллюстрацией. Наименьшие оценки получает текст с реалистической иллюстрацией. Это объясняется тем, что картину Малевича можно воспринимать и толковать только символически, а реалистическое фото такой трактовки не допускает. Для этого фактора характерна незначительная разница в оценках текстов.

По шкале *символический* тексты оцениваются в порядке понижения оценки: КТ4, КТ3, КТ2, КТ1, что объясняется максимальной символичностью картины Малевича и минимальной – реалистического изображения. Окрашивание в мажорные и минорные тона добавляет символичности реалистическому фото.

Наиболее выразительны тексты с мажорной и с минорной иллюстрацией. Вероятно, при оценке играет роль выразительность цвета, эмоциональное восприятие. Далее следует КТ4, на последнем месте КТ1, что объясняется обыденностью реалистического фото.

По шкале *художественный* максимальные оценки имеет текст с мажорной иллюстрацией, возможно, использование мажорной цветовой гаммы воспринимается как явное приукрашивание. Далее оценки почти одинаковые, убывают в последовательности: КТ2, КТ4, КТ1.

По шкале *образный* высшие оценки у КТ4, потому что трактовка изображения возможна только символическая. Далее почти одинаковые оценки: КТ3, КТ1, КТ2.

Активность (шкалы: *открытый, быстрый, яркий, красочный, светлый*). Почти по всем шкалам (кроме шкалы *яркий*) высшие оценки получает текст с реалистической иллюстрацией. По шкале *яркий* наиболее высоко оценивается КТ4. Наименьшие оценки по всем шкалам у КТ4 (кроме *яркий* и *красочный*, по последней минимальные оценки почти одинаковые у трех текстов).

Максимальная оценка КТ1 по шкалам *быстрый, открытый* объясняется содержанием изображения (много едущих машин и идущих людей, открытое небо), по шкалам *красочный* и *светлый* – формой изображения (оно содержит наибольшее количество цветов и самое светлое).

Оценка по шкалам *красочный, яркий* и *светлый* регулируется реальными свойствами изображения.

Как и следовало ожидать, по фактору **Символичность** максимальное значение имеет креолизованный текст с картиной Малевича и далее следуют креолизованный текст с фото в мажорном освещении, в минорном освещении и в естественном. Причем креолизованный текст с фото в естественном освещении находится на другом полюсе этого фактора, но имеет наибольшее значение по

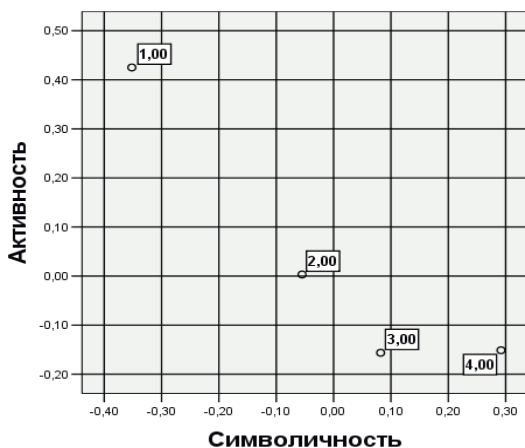

Рис.3

фактору **Активность**. Таким образом, креолизованный текст с картиной Малевича и креолизованный текст с фото в естественном освещении являются антиподами в этом семантическом пространстве. Труднее объяснить, почему креолизованный текст с фото в мажорном освещении воспринимается как менее активный, чем с фото в минорном освещении.

При оценке текстов действует обратная пропорция между активностью и символичностью. Вероятно, активность связана с реальными качествами объектов, а символичность характеризует непредметное образное восприятие, которое может быть задействовано при трактовке изображения, что обусловлено его характеристиками.

Обычность (шкалы: *примитивный, наивный, обыкновенный, спокойный*). Почти по всем шкалам (за исключением *наивный*) максимальные оценки у креолизованного текста с реалистической иллюстрацией. Это объясняется обычностью реалистической фотографии, она более, чем остальные, примитивная, обыкновенная, спокойная (не волнует). По шкале *наивный* наиболее высокие оценки у КТ3.

На втором месте креолизованный текст с мажорной иллюстрацией. Очевидно, мажорные цвета воспринимаются как обыкновенные.

На отрицательном пике оценок почти во всех случаях креолизованный текст с супрематизмом. Картина не очень понятна, поэтому текст не является обыкновенным и наивным, побуждает найти трактовку (беспокоит), менее спокойный. Только по шкале *примитивный* это текст уступает КТ2.

Следовательно, по этому фактору мы имеем противопоставление креолизованного текста с реалистической иллюстрацией – креолизованный текст с картиной Малевича.

Комфортность (шкалы: *четкий, приятный*). Самый четкий текст – креолизованный текст с картиной Малевича. Наименее четкий КТ3 – возможно, он выглядит однотонным. На втором месте КТ1, КТ2. Закрашивание изображения цветом ведет к потере четкости.

Самый приятный – текст с реалистическим изображением (данные предшествующего исследования подтверждают связь приятного с реалистичным). Далее следуют КТ2, КТ3 и КТ4, то есть креолизованный текст с картиной Малевича наименее приятен.

Фактор **Комфортность** позволяет оценить текст по двум параметрам: удобству восприятия (шкала *четкий*) и удовольствия от восприятия (шкала *приятный*).

В семантическом пространстве «**обыкновенность** / **комфортность**» на полюсе обыкновенности располагается фото в естественном освещении, на противоположном в минорном освещении. Возможно, это объясняет, почему креолизованный текст с фото в минорном освещении воспринимается более активным, чем креолизованный текст с фото в мажорном освещении. Креолизованный текст с картиной Малевича также не воспринимается как обыкновенный, но по фактору **Комфортность** имеет наибольшее значение, немного меньше у креолизованного текста с фото в минорном освещении. Минимальное значение по фактору **Комфортность** у креолизованного текста с фотографией в мажорном освещении. Видимо, слишком яркий цвет создает дискомфорт при восприятии.

В самом общем виде прослеживается тенденция сочетания высоких оценок по фактору **Комфортность** с низкими по фактору **Обыкновенность** и наоборот.

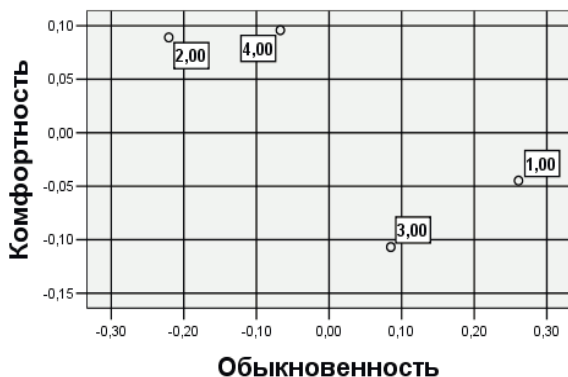

Рис.4

При интерпретации результатов экспериментов с применением метода шкалирования неизбежно встает вопрос о том, как происходит соотнесение (креолизованного) текста, который предлагается оценить, с оценочными характеристиками. Некоторые из этих характеристик тривиально применимы к описанию текста (например, *понятный, приятный, художественный* и пр.), другие для этого обычно не используются. Результаты экспериментов показывают, однако, что тексты могут быть соотнесены и с этими характеристиками, то есть последние являются релевантными для оценки текста. Какой механизм здесь задействован? Для того чтобы оценить текст, например, как холодный или жесткий, необходимо tertium comparationis, какая-либо база для сравнения степени соответствия текста данной характеристике.

Мы исходим из основного положения теории языкового сознания о том, что за вербальными единицами стоят образы сознания, которые актуализуются

при употреблении этих единиц. Вербальные единицы – от слова до текста – могут иметь разный объем содержания. Однако сравнение объема не может проводиться механически, потому что существует разница между виртуальным и актуальным значением слова. Отдельно взятое слово может вызывать любые образы сознания, соотносимые с этим словом (в том числе ассоциации, метафоры смысла, окказиональные образы). При включении в текст объем содержания лексической единицы уменьшается, значение становится более узконаправленным, коррелирующим с содержанием текста. Сам текст также вызывает в сознании определенные образы.

Образы языкового сознания должны являться основой для соотнесения текста с оценочными характеристиками. При этом соотносится образ, который вызывает в сознании вербальная единица в виртуальном значении, и образ, который вызывает текст в узуальном употреблении.

Проведенный нами эксперимент базировался на сравнении оценок, которые респонденты дают креолизованным текстам, состоящим из одного и того же вербального текста, и различных иллюстраций. Была обнаружена разница в оценках четырех текстов по всем факторам, которая должна объясняться особенностями визуальных составляющих креолизованных текстов. Сопоставляя оценки по отдельным шкалам с параметрами изображений, можно с определенной степенью достоверности выявить, какие именно параметры изображений влияют на оценку по конкретной шкале.

Устанавливая, что какой-либо параметр изображения влияет на оценку по определенной шкале, мы можем выявить содержание образа языкового сознания, стоящего за вербальной единицей – именем шкалы. Объем содержания образа в этом случае редуцируется (по сравнению с виртуальным значением лексической единицы – названия шкалы), что определяется содержанием текста. Из всего содержания образа актуализируются компоненты, которые могут быть как-то соотнесены с содержанием текста. Поскольку в наших экспериментах вербальный текст оставался неизменным, мы соотносим параметры изображений с редуцированным и уточненным содержанием текста – образом, который описывает вербальная единица – название шкалы. В результате мы имеем возможность выявить механизмы интерсемиотического перевода, на основе которых осуществляется оценка креолизованного текста по конкретной шкале.

При создании классификации мы опирались на исследования по восприятию цвета. И. Иттен выделяет три аспекта воздействия цвета на человека: чувственно-оптический (импрессивный), психический (экспрессивный) и интеллектуально-символический (конструктивный) [Иттен 2000]. П.Я. Яньшин различает импрессивное и экспрессивное цветовое воздействие [Яньшин 2001].

Анализ оценок респондентов позволяет выделить четыре механизма соотнесения визуальных параметров со значением вербальных единиц:

- 1) импрессивный;
- 2) экспрессивный;
- 3) конструктивный (когнитивный);
- 4) собственно интерсемиотический (межмодальный).

Импрессивный механизм базируется на психофизиологическом воздействии визуальных (стимулов) параметров на человека, на воздействии их на органы чувств. Существует ряд исследований, в которых на основании проведенных экспериментов приводятся данные о непосредственном влиянии цвета на человека: общеизвестно, что красный и оранжевый цвет возбуждает, синий успокаивает и т.п. Изучению подверглись также ощущения, вызываемые геометрической формой и расположением элементов на плоскости картины [Артемьева 1999].

Действием этого механизма объясняется ряд оценок по шкалам факторов **Сила, Динамичность, Активность**. На картине К. Малевича крупный объект расположен вверху изображения (на других изображениях такого нет), что создает ощущения тяжести [Арнхейм 1974: 36], поэтому текст оценивается как наиболее тяжелый из всех. Композиция объектов на этой картине создает ощущение падения предметов на зрителя, соответственно, текст оценивается как наиболее динамичный и агрессивный, наименее спокойный. Креолизованный текст с изображением в минорных тонах получает оценку как холодный (на втором месте после креолизованного текста с картиной К. Малевича), потому что синий цвет, как известно, вызывает ощущение прохлады. Этот же текст оценивается как наименее динамичный и активный, что объясняется воздействием синего цвета (есть данные, что синий и зеленый цвета физиологически воздействуют на человека, понижают кровяное давление и пульс [Миронова 1984; Юиг 1996: 148; Riedel 1999: 22]). Креолизованный текст с реалистическим изображением оценивается как самый спокойный, изображение не требует понимания и интерпретации, активности при восприятии. Другие изображения повышают интерпретационную активность реципиентов, как бы «беспокоят» их. То есть, в этом случае по шкале респонденты оценивают свое психофизиологическое состояние.

В основе *экспрессивного механизма* лежит эмоциональное восприятие параметров изображения. Мы опирались на данные различных исследований (например, [Яншин 2001]), в которых рассматриваются случаи, когда формальные признаки становятся ассоциированными с чувствами. Цвет может ощущаться как веселый, серьезный, наивный, обыкновенный и так далее; форма и расположение объектов на картине также вызывают определенные эмоции.

Действие этого механизма выявлено для шкал факторов **Сила, Оценка, Символичность, Комфортность**. Креолизованный текст с картиной Малевича воспринимается как наиболее негармоничный (по данным исследований, симметрия ощущается как гармония), а креолизованный текст с реалистической иллюстрацией – как наиболее гармоничный (как гармония ощущается естественность картины). Креолизованный текст с картиной Малевича также наименее живописный. Согласно словарю Ожегова, живописный определяется как «красивый, достойный кисти художника», «яркий, образный, выразительный» [Ожегов 2007]. Креолизованный текст с минорной иллюстрацией получает наиболее высокие оценки по шкалам «возвышенный», «искренний» (синий цвет – цвет неба, серьезный цвет). Креолизованный текст с мажорной и минорной иллюстрацией оцениваются как наиболее выразительные за счет наличия

цветовой выразительности, эмоций, которые вызывает цветовое оформление. На фоне непонятной картины Малевича, несколько неестественно окрашенных мажорного и минорного изображений реалистическое фото вызывает приятное ощущение, поэтому КТ1 получает наиболее высокие оценки как приятный.

Конструктивный/когнитивный механизм действует при оценке содержания изображения. Этот механизм действует при оценке по шкалам факторов **Сила, Динамичность, Оценка, Естественность, Символичность, Активность**. По критерию образности оценки (прямая или метафорическая) можно выделить два подвида этого механизма: интеллектуальный и символический.

При действии *интеллектуального механизма* содержание изображения оценивается логически, в прямом смысле. Креолизованный текст с картиной Малевича оценивается как наиболее сложный, символический, образный, получает самые низкие оценки по всем шкалам фактора **Естественность**. Креолизованный текст с реалистическим изображением самый простой, естественный, открытый, быстрый (последняя оценка связаны с наличием на изображении большого количества движущихся предметов), имеет самые высокие оценки по шкалам фактора **Естественность**. Интересен механизм интерпретации качества *интимный*, оно воспринимается как «лично-субъективный». И по этой шкале наиболее высокие оценки у креолизованного текста с картиной Малевича, а самые низкие – у креолизованного текста с реалистической иллюстрацией, но оценки по шкале *интимный* – самые низкие из полученных в эксперименте по всем шкалам, т.е. все креолизованные тексты не воспринимаются как интимные.

Действие *символического механизма* основано на образной оценке содержания текста. Креолизованный текст с картиной Малевича оценивается как наиболее холодный (очевидно, имеется в виду равнодушное отношение к изображению), наименее возвышенный (супрематизм). Креолизованный текст с реалистической иллюстраций наиболее неагрессивный (реалистически изображена привычная среда, не вызывающая опасений), наиболее примитивный и обыкновенный (сказывается обычность изображения). Креолизованный текст с мажорной иллюстрацией воспринимается как наиболее наивный, получает относительно высокую оценку по шкале «интимный».

Собственно *интерсемиотический механизм* действует при прямой вербализации визуальных характеристик. Некоторые качества первично воспринимались зрением, например, «яркий», «темный», «светлый», «четкий», названия цветов и т.п. Следовательно, видимое качество является денотатом таких лексических единиц, и оценивание происходит путем выявления наличия определенного качества у креолизованного текста. Наиболее высокие оценки по таким шкалам получают тексты с наиболее «красочными», «яркими», «светлыми», «четкими» изображениями, а низкие – тексты с рисунками, не обладающими этими качествами.

В Таблице №1 представлены все результаты проведенного психосемантического эксперимента.

Таблица №1

Оценка креолизованных текстов по шкалам

	КТ1	КТ2	КТ3	КТ4
Сила	легкий	холодный сложный	легкий	холодный
	гармоничный	жесткий	гармоничный	сложный
		агрессивный		жесткий
				агрессивный
Динамичность		неактивный		активный
		несильный		сильный
	слабая отрицательная динамичность	нединамичный	слабая динамичность	динамичный
Оценка	слабо отрицательная	слабо положительная	романтический	неромантический
			интимный	неинтимный
			возвышенный	невозвышенный
			изысканный	неизысканный
			искренний	неискренний
			живописный	неживописный
Естественность	натуралистический	натуралистический	натуралистический	ненатуралистический
	естественный	естественный	естественный	неестественный
	понятный	понятный	понятный	непонятный
Символичность	несимволический	слабая отрицательная символичность	слабая положительная символичность	символический
	невывразительный			выразительный
	необразный			образный
	нехудожественный			художественный
Активность	быстрый	нулевая активность	небыстрый	небыстрый

	открытый		неоткрытый	неоткрытый
	яркий		неяркий	неяркий
	красочный		некрасочный	некрасочный
	светлый		несветлый	несветлый
Обыкновенность	обыкновенный	необыкновенность	слабая обыкновенность	слабая необыкновенность
	спокойный	неспокойный		
	примитивный			
	наивный	ненаивный		
Комфортность	нулевая	четкий,	нечеткий,	четкий
		приятный	неприятный	

Резюме

При обобщении результатов эксперимента было установлено, что в основе оценки по одной и той же шкале могут лежать разные механизмы. Например, максимальная оценка по шкале *агрессивный* (КТ4) дается в результате действия импрессивного механизма, а минимальная оценка (КТ1) является результатом действия интеллектуального (конструктивного) механизма. Высокие оценки по шкале *холодный* могут объясняться действием как импрессивного, так и символического (конструктивного) механизма. Оценивание по шкале *наивный* происходит на базе символического (максимальная оценка у КТ3) и интеллектуального (минимальная оценка у КТ4) механизмов.

Переключение между механизмами отражает актуализацию разных компонентов содержания образа сознания, стоящего за вербальной единицей – именем шкалы. Например, слово *холодный* имеет значение «имеющий низкую температуру» и «равнодушный, бесстрастный» [Ожегов 2007] (приведены только те значения, которые необходимы для нашего исследования). При оценивании посредством импрессивного механизма основой сравнения (*tertium comparationis*) является образ прохлады, холода (соответствующий первому значению слова «холодный»), а включение интеллектуального механизма означает переход к другому образу – «равнодушия» (и соответственно, ко второму значению слова «холодный»).

Следовательно, в процессе оценивания по одному и тому же критерию возможно изменение способов означивания действительности, что значительно осложняет прогнозирование восприятия текстов, особенно имеющих креолизованный характер.

Литература

- Артемьева Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука; Смысл, 1999. 350 с.
Арихейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974. 392 с.

Ващунина И.В. Взаимовлияние вербальных и невербальных (иконических) составляющих при восприятии креолизованного текста: дисс. ... д-ра филол. н. М., 2009. 511 с.

Головина Л.В. Взаимовлияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста: дисс. ... канд. филол. н. М., 1986. 173 с.

Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2-х т. М.: Педагогика, 1986. 320 с.

Иттен И. Искусство цвета. М.: Д. Аронов, 2000. 95 с.

Матюшин М.В. Справочник по цвету: Закономерность изменения цветовых сочетаний. М.: Д. Аронов, 2007. 77 с.

Миронова Л.Н. Цветоведение. Минск: Вышэйшая школа, 1984. 286 с.

Нистратов А.А. К проблеме константного восприятия образов стран и национальных стереотипов // Жизнь языка в культуре и социуме – 3 Материалы Международной научной конференции. М.: 20-21 апреля 2012 г. С. 330-334.

Нистратов А.А., Семина Т.В., Тарасов Е.Ф. Семантические характеристики восприятия изображений и их описаний // Вопросы психолингвистики. № 29. 2016. С.176-188.

Нистратов А.А., Тарасов Е.Ф. Психосемантический эксперимент как инструмент анализа смысла и значения слова // Вопросы психолингвистики 2017, № 2. С.124-134.

Юиг Р. Цвет и выражение внутреннего времени в западной живописи / Р. Юиг // Психология цвета. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1996. С. 135 -180.

Яньшин П.В. Введение в психосемантику цвета. Самара: Изд-во СамГПУ, 2001. 189 с.

Carroll, J.D. (1959). A Review of the Measurement of Meaning. Language, Vol. 35, 58-77.

Osgood, Ch. (1962). Studies on Generality of affective meaning system. American Psychologist, Vol. 17, P. 10-28.

Osgood, Ch., Suci, G. J., Tannenbaum, P. H. (1957). The measurement of meaning. Urbana. 342 pp.

Osgood, Ch.E. (1959). Semantic space revisited. Word, Vol. 15, pp. 195-200.

IMPACT OF CREOLIZED TEXT ON ITS SIGNIFICANT PERCEPTION

Irina V. Vashunina

Professor of the German Language Department
All-Russian Academy of Foreign Trade
Ministry of Economic Development of the Russian Federation
Russia, 119285, Moscow, st. Pudovkina, 4a
vashunina@yandex.ru

Mikhail O. Matveev

Moscow State Institute of International Relations
76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russian Federation, 119454
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1/1 B. Kislovskiy per., Moscow, Russian Federation, 125009
mike-matveev@mail.ru

Evgeniy F. Tarasov

Head of Psycholinguistics Department
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1/1 B. Kislovskiy per., Moscow, Russian Federation, 125009
eft35@mail.ru

The article describes the semantic perception of creolized texts, based the results of the experiment. The specificity of the creolized text based on its polymodality and the meanings of its parts (the parts are identical, one part is a continuation of the other, and there is no meaningful connection between them). In the experiment, the perception of four creolized texts was analyzed, the components of which were verbal texts-descriptions and images: the suprematic composition of K. Malevich and three photos of a busy street, given in natural, major and minor lighting. The subjects were asked to evaluate the constructed creolized texts on 35 scales of the semantic differential. Experimental data were processed using the factor analysis method. The obtained semantic spaces were meaningfully interpreted and named "Strength", "Dynamism", "Evaluation", "Naturalness", "Symbolism", "Activity", "Evaluation", and "Comfort".

Experimental creolized texts contain a verbal part, pre-compiled by the subjects and, therefore, reflecting their linguistic and non-linguistic content. It helps us avoid a situation in which the subjects process their thoughts with the help of images of the experimenter's consciousness. In experiments carries out to analyse the perception of creolized texts the problem of forming contextual limiters / qualifiers of the meaning of language units in the speech chain was further resolved. Analysis of the respondents' assessments allows us to identify four mechanisms for assessing the correlation of visual parameters with the meaning of verbal units: impressive, expressive, constructive (cognitive), intersemiotic (intermodal) itself. When summarizing the results of the experiment, it was found that different mechanisms may underlie the assessment on the same scale, that is, in the assessment process, it is possible to change the ways of meaningfulness of reality.

Switching between the mechanisms reflects the actualization of various components of the image of consciousness' content, inspired by the name of the scale.

Keywords: creolized text, semantic space, semantic differential, psychosemantic experiment, formal and meaningful interpretation

References

Artem'eva E.Yu. Osnovy psikhologii sub"ektivnoj semantiki. M.: Nauka; Smysl, 1999. 350 s.

Arnheim R. Iskusstvo i vizual'noe vospriyatие [Art and visual perception]. Moscow: Progress. 392 p.

Vashunina I. V. Vzaimovliyanie verbal'nyh i neverbal'nyh (ikonicheskikh) sostavlyayushchih pri vospriyatii kreolizovannogo teksta [The mutual influence of verbal and non-verbal (iconic) components in the perception of creolized text]: diss. ... d-ra filol. n. Moscow. 511 p.

Golovina L.V. Vzaimovliyanie ikonicheskikh i verbal'nyh znakov pri smyslovom vospriyatii teksta [The interaction of iconic and verbal signs in semantic perception of the text]: diss. ... kand. filol. n. M., 1986. 173 p.

Zaporozhec A.V. Izbrannyye psikhologicheskie trudy: V 2-h t. [Selected psychological works: In 2 v.]. Moscow: Pedagogika. 320 p.

Itten I. Iskusstvo cveta [Art of colour]. Moscow: D. Aronov. 95 p.

Matyushin M.V. Spravochnik po cvetu: Zakonomernost' izmeneniya cvetovyh sochetanij [Color Reference: Patterns of Color Shift Changes]. Moscow: D. Aronov. 77 p.

Mironova L.N. Cvetovedenie [Colour Studies]. Minsk: Vyshehshaya shkala. 286 p.

Nistratov A.A. K probleme konstantnogo vospriyatiya obrazov stran i nacional'nyh stereotipov [To the problem of constant perception of images of countries and national stereotypes] *ZHizn' yazyka v kul'ture i sociume – 3 Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Materials of International Scientific Conference]. M.: 20-21 aprelya 2012 g. pp. 330-334.

Nistratov A.A., Semina T.V., Tarasov Ev.F. Semanticheskie karakteristiki vospriyatiya izobrazhenij i ih opisanij [Semantic characteristics of perception of images and their descriptions]. *Voprosy psiholingvistiki* [Problems of Psycholinguistics]. 2016, No 29, pp.176-188.

Nistratov A.A., Tarasov Ev.F. Psihosemanticheskij ehksperiment kak instrument analiza smysla i znacheniya slova [Psychosemantic experiment as a tool for analyzing the meaning and meaning of a word] *Voprosy psiholingvistiki* [Problems of Psycholinguistics]. 2017, No 32, pp.124-134.

Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka [Russian dictionary]: Ok. 53 000 slov / Pod obshch. red. prof. L. I. Skvorcova. 24-e izd., ispr. Moscow: Oniks, Mir i Obrazovanie. 1200 p.

Yuig R. Cvet i vyrazhenie vnutrennego vremeni v zapadnoj zhivopisi [The color and expression of inner time in western painting]. *Psihologiya cveta* [Psychology of colour]. Moscow: Refl-buk, Vakler, pp. 135-180.

Yan'shin P.V. Vvedenie v psihosemantiku cveta [Introduction to psychosemantics of colour]. Samara: Izd-vo SamGPU. 189 p.

Carroll, J.D. (1959). A Review of the Measurement of Meaning. *Language*, Vol. 35, pp. 58-77.

Osgood, Ch. (1962). Studies on Generality of affective meaning system. *American Psychologist*, Vol. 17, 10-28.

Osgood, Ch.E. *Psycholinguistics* (1988). Cross- Cultural Universals, and Prospects for Mankind. Praeger Publishers.

Osgood, Ch., Suci, G. J., Tannenbaum, P. H. (1957). The measurement of meaning. Urbana.

Osgood, Ch.E. (1959). Semantic space revisited. *Word*, Vol. 15, pp. 195-200.

Riedel, I. (1999). *Farben in Religion, Gesellschaft, Kunst und Psychotherapie*. Stuttgart: Kreuz.

УДК 81'23

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-4-54-63

**ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ВОСПРИЯТИЯ
АБСТРАКТНОЙ ЖИВОПИСИ¹**

Маховиков Денис Викторович

научный сотрудник отдела психолингвистики

Института языкознания РАН

Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д 1 стр. 1

denisrich2708@yandex.ru

**Статья подготовлена при поддержке РФФ, грант № 17-18-01642
«Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях
кризиса языковой модели», в Институте языкознания РАН**

В статье анализируются данные эксперимента, направленного на выявление особенностей вербализации при восприятии абстрактной живописи. В качестве методологической основы выступает положение о том, что восприятие искусства является внутренней деятельностью, сложным целостным процессом, в ходе которого личностные смыслы порождаются, а не «вычерпываются» реципиентом из произведений изобразительного искусства. Реципиент занимает активную позицию и фактически является сотворцом живописного произведения. Объектом восприятия в эксперименте послужила «Супрематическая композиция» К. Малевича (1916 г.). Для анализа была использована классификация стратегий восприятия Е.В. Белоноговой. Были выявлены «изобразительная», «авторская», «культурная», «ассоциативная», «эмоциональная», «стилистическая», «резюмирующая» и «метафорическая» стратегии. Невыявленными оказались «жизненная» и «импрессивная» стратегии. Особенности в способах вербализации стратегий позволили нам выделить ряд подстратегий: «статическую», «динамическую», «регистрирующую» и «свето-ориентированную» в рамках «изобразительной» стратегии и «цвето-ориентированную» внутри «стилистической» стратегии. Анализ текстов-описаний показал, что в большинстве случаев при восприятии произведения абстрактной живописи происходит одномоментная реализация нескольких стратегий восприятия.

Ключевые слова: вербализация, стратегии восприятия, психология искусства, абстрактная живопись

Введение

Процесс восприятия живописи по своей природе является объектом междисциплинарного исследования. Представления о нем формируются в разных научных направлениях: эстетике, искусствоведении, культурологии, социологии и психологии. В последней, однако, в качестве объекта научного исследования он выделился не так давно. Психология восприятия живописи находится на этапе

¹ После того как публикация была готова к печати, случайно обнаружилась работа Н.Н. Шпильной [2010], где были получены похожие результаты. Из этой работы мы позаимствовали некоторые, на наш взгляд, удачные формулировки для названий выделенных нами подстратегий восприятия.

своего становления и, по замечанию В.Ф. Петренко и Е.А. Коротченко, «только нащупывает предмет и методы собственного анализа» [Петренко, Коротченко 2008: 84]. Вместе с тем именно в психологии накоплена та теоретико-методологическая база, на основе которой может быть сформирована непротиворечивая и экспериментально валидизированная онтология процесса восприятия живописи.

На сегодняшний день в психологии восприятия визуального искусства существует несколько подходов. Анализ эмпирических исследований и теоретических моделей восприятия живописи позволил датскому психологу Б.С. Функу выделить четыре психологических подхода: психофизический, разрабатываемый Д. Берлайном, П. Махоткой, Г.Т. Фехнером; когнитивный, представленный исследованиями Р. Арнхейма, Х. Гарднера, Э. Гомбрича; психоаналитический, реализующийся в работах М. Кляйна, Х. Сегала, У. Фэйрберна и экзистенциальный, связанный с именами М. Бердсли, Р. Мэй и М. Чиксентмихайи. Последний Б.С. Функ мыслил как системообъединяющий [Funch 1997].

Е.В. Белоногова в свою очередь выделяет два подхода к восприятию искусства – классический и неклассический. Первый сформировался в недрах зарубежной эмпирической эстетики и продолжает естественнонаучную психологическую традицию: предмет исследования представлен в нем фрагментарно, восприятие искусства изучается как воздействие произведения или его отдельных деталей на психику реципиента. Второй подход концептуально связан с положениями отечественной психологической школы (работы Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Л.Я. Дорфмана, А.А. Пузырева, В.С. Собкина) и исследует «закономерности осуществления и функционирования инобытия психики (в т.ч. эмоций, смыслов) в произведениях искусства при художественном взаимодействии». Последнее при этом характеризуется системностью и имеет деятельностную природу [Белоногова 2004: 7-8].

Деятельностная природа восприятия искусства отражается в его понимании как внутренней деятельности вслед за Л.С. Выготским и А.Н. Леонтьевым, в процессе которой реципиент произведений изобразительного искусства порождает личностные смыслы, а не «вычерпывает» их из них. Иначе говоря, реципиент занимает активную позицию и фактически является сотворцом живописного произведения. В соответствии с этими представлениями формулируется определение восприятия искусства как сложного целостного процесса, который включает в себя когнитивные, эмоциональные, мнемические, оценочные, духовные, собственно перцептивные и другие составляющие [Там же: 4].

Индивидуальный целостный подход к восприятию живописи

Недостатки существующих подходов, неспособных вскрыть природу восприятия живописи, приводят Е.В. Белоногову к выработке своего подхода в рамках неклассической парадигмы с учетом индивидуальных особенностей целостного процесса восприятия живописных произведений и с опорой на качественные методы научного анализа.

Индивидуальный целостный подход вписан в неклассическую парадигму исследований восприятия живописи и представляет интерес прежде всего выявлением и описанием индивидуальных стратегий ее восприятия, которые представлены в таблице ниже (Таблица 1). Данные стратегии выявлялись в серии

экспериментов (пилотажном, основном и эксперименте с художниками). Основным используемым методом была методика свободных описаний Д.А. Леонтьева. Испытуемым предъявлялись произведения живописи разных эпох и стилей, из которых они выбирали четыре и описывали их. Спецификой представленных стратегий является их независимость от особенностей произведений живописи, пола и направленности образования [Белоногова 2004].

Таблица № 1.

Стратегии восприятия живописи

Стратегии	Критерии их выделения
1. «Жизненная» (Ж)	Слова и суждения, представляющие изображение как кусочек жизненной реальности, как ситуацию, разворачивающуюся во времени, передающие переживания, мысли и чувства персонажей.
2. «Изобразительная» (Из)	Слова и суждения, представляющие картину как изображение в рамке, констатация и изложение изображенного с позиции зрителя.
3. «Авторская» (Ав)	Слова и суждения, указывающие на замысел автора, на душевное состояние и жизнь автора.
4. «Культурная» (Ку)	Слова и суждения, характеризующие картину в культурном контексте, упоминание других произведений того же или других авторов.
5. «Импрессионная» (Им)	Слова и суждения, описывающие конкретное воздействие, которое оказывает картина или ее отдельные детали.
6. «Ассоциативная» (Ас)	Наличие ассоциаций на разные темы, вызванных картиной, рассуждения по более общим вопросам.
7. «Эмоциональная» (Э)	Слова и суждения, передающие ощущения и чувства, вызванные картиной, содержащие прямую эмоциональную оценку изображенного.
8. «Стилистическая» (Ст)	Слова и суждения, отмечающие художественные средства и приемы, раскрывающие их назначение и указывающие особенности стиля.
9. «Резюмирующая» (Р)	Обобщенная характеристика картины, трактовка общего содержания, сути, смысла, интерпретация общей идеи произведения.
10. «Метафорическая» (М)	Использование в описании метафор, символов и сравнений.

Продолжая линию исследований Е.В. Белоноговой, Д.И. Волкова и Е.М. Соловьева задаются вопросом о существовании корреляции между стратегиями восприятия живописи и стилем мышления испытуемых, при этом

исследователи сужают объект восприятия – в их экспериментах таковым выступила абстрактная живопись. Методом свободного описания были получены тексты-реакции на три картины из предъявленного набора, которые подвергались контент-анализу. Результаты исследования не выявили различий у представителей трех стилей мышления ни по одной из стратегий восприятия живописи, так же как ни по количеству слов, числу групп, предложений, лексическому разнообразию, структурной и грамматической сложности текстов. Различия по последним параметрам (кроме грамматической сложности текста) были выявлены лишь при анализе данных с учетом пола испытуемого [Волкова, Соловьева 2013].

Эксперимент

Отталкиваясь от идеи В.Ф. Петренко об образе как перцептивном высказывании о мире, позволяющей рассматривать образ как текст и использовать методы психосемантики применительно к анализу визуальных изображений, мы изначально планировали разработать психосемантический эксперимент, направленный на восприятие креолизованного текста, вербальной частью которого стал бы текст, созданный на основе текстов-описаний, полученных в пилотажном эксперименте. Таким образом мы хотели избежать влияния сознания экспериментатора на сознание испытуемых. Однако анализ материалов, полученных в ходе пилотажного эксперимента, заставил нас задуматься не только над стратегиями, используемыми испытуемыми при восприятии произведений абстрактной живописи, но и – детально – о способах вербализации этих стратегий. Результаты проведенного эксперимента уже сейчас свидетельствуют о необходимости дальнейшей модификации и спецификации применительно к анализируемому нами материалу классификации стратегий восприятия Е.В. Белоноговой.

Испытуемыми в нашем эксперименте выступили 20 студентов в возрасте 17-24 лет в приблизительно равном соотношении мужчин и женщин. В качестве объекта восприятия была выбрана картина К. Малевича «Супрематическая композиция» (1916 г.). В эксперименте использовалась методика свободных описаний. В полученных текстах-описаниях были выявлены способы вербализации стратегий восприятия, которые подвергались лингвистическому анализу.

Обсуждение результатов

Ни в одном из полученных в ходе эксперимента текстов не было выявлено языковых средств, объективирующих «жизненную» и «импрессивную» стратегии восприятия. Недостаточно материала и для того, чтобы сделать какие-то определенные выводы по поводу специфики вербализации «авторской» и «культурной» стратегий (каждая из них была объективирована лишь единожды). Напротив, слишком большой разброс индивидуально-личностных ассоциаций и смыслов, которые порождают испытуемые в процессе восприятия картины, и объективирующих эти ассоциации и смыслы языковых средств при реализации «ассоциативной» и «резюмирующей» стратегий восприятия затрудняет систематизацию этих средств. Далее мы приводим фрагменты текстов-описаний с сохранением стиля, орфографии и пунктуации автора, в скобках указываем пол и возраст испытуемого.

«Авторская» стратегия

Возможно, автор изображения хотел передать определенную смысловую нагрузку и вызвать у наблюдателя определенную ассоциацию (Ж 18).

«Культурная» стратегия

Это динамичная абстрактная композиция, похожая на картину одного из художников-абстракционистов (Ж 18).

«Ассоциативная» стратегия

Лично у меня это изображение идет в сравнении с каким-то соревнованием, или тем, как кто-то один пытается добиться склонить всех к своему мнению или принятию этого кого-то в обществе (Ж 18).

В целом композиция картины динамична. Фигуры как будто летят куда-то вверх, устремлены в будущее (Ж 18).

В черных фигурах можно усмотреть стремление к центральной, словно они притягиваются невидимым магнитом. Среди прочих фигур выделяется розовая, в которой можно увидеть рассвет, приятные детские чувства или воспоминания, и зеленая, что так легко успокаивает и вводит в необычную для сегодняшнего дня атмосферу нетронутой природы и душевной гармонии (М 19).

«Резюмирующая» стратегия

Возможно, автор изображения хотел передать определенную смысловую нагрузку и вызвать у наблюдателя определенную ассоциацию. Заметим, что у каждого была бы своя ассоциация с картиной, потому как сказать что-то определенное с первого взгляда довольно сложно (Ж 18).

Я, как человек не видящий гениальности в абстракции, могу назвать данную картину только набором прямоугольников (Ж 19).

На данном изображении можно увидеть различные геометрические фигуры <...> Расположение их хаотично и не несет смысловой характер (М 19).

Если взглянуть на это изображение в качестве произведения искусства, думаю, что если бы эту картину нарисовал известный художник, то ее бы продали за большие деньги, каждый находил бы свой уникальный смысл, например, «человеческие нужды» (размер обозначал бы тогда важность этой нужды для человека) (М 19).

«Эмоциональная» стратегия

«Эмоциональная» стратегия реализуется через прямые лексические номинации эмоций, чувств и состояний разной частеречной принадлежности.

Еще у меня почему-то вызывает какое-то волнение светло-розовый предмет (Ж 19).

Среди прочих фигур выделяется розовая, в которой можно увидеть рассвет, приятные детские чувства или воспоминания, и зеленая, что так легко успокаивает и вводит в необычную для сегодняшнего дня атмосферу нетронутой природы и душевной гармонии (М 19).

Рисунок достаточно странный, но его интересно рассматривать. <...> Также она интересна тем, что перевернув ее движение будто меняет свою направленность: то они будто падают вниз, то парят в невесомости. Мне определенно нравятся ощущения, передаваемые мне этой картиной (Ж 20).

«Стилистическая» стратегия

Художественные средства и приемы, использованные художником, мало осмысляются испытуемыми – носителями обыденного сознания. Только двое испытуемых обратили внимание на форму в живописном произведении.

Красные, напротив, кажутся пытающимися «заковать» все остальные детали в определенные рамки, придать больше формы и законченности. Оранжевые в таком случае видятся промежуточным звеном, немного размывая контрастные рамки (М 19).

На заднем плане присутствуют в основном красные, оранжевые, желтые и черные полосы, своеобразие которых придает картине больше загадочности (М 19).

Геометрия в картине является основным и единственным элементом (Ж 24).

Напротив, такая особенность абстрактного искусства, как цвет, привлекает внимание реципиентов: кроме основных цветов они называют менее распространенные цвета, оттенки, квалифицируют цвета. В виду того, что эта особенность стиля находит достаточное выражение в текстах испытуемых, целесообразно выделить «цвето-ориентированную» подстратегию внутри «стилистической» стратегии.

А. «Цвето-ориентированная» подстратегия

Примерное по убыванию соотношение цветов: черный, темно-синий, охра, изумрудный и т.д. (М 17).

В ней преобладают яркие краски и теплые цвета (Ж 18).

На картине присутствуют как теплые желтые и розовые оттенки, так и холодные синие и зеленые (Ж 19).

Изображенные прямоугольники – черного, красного, зеленого, синего, желтого и розового цветов. Раздельны два оттенка желтого и два оттенка красного цветов (М 19).

Цветовая гамма почти однородна, лишь пара фигур имеют единичные цвета (Ж 24).

«Метафорическая» стратегия

Данная стратегия реализуется в основном через сравнения, которые вводятся фразеосхемами *напоминает (мне), похоже на, (будто) подразумевает, можно увидеть.*

Лично у меня это изображение идет в сравнении с каким-то соревнованием, или тем, как кто-то один пытается добиться склонить всех к своему мнению или принятию этого кого-то в обществе (Ж 18).

Это композиция напоминает мне пушку, на которую что сыпится сверху (если перевернуть изображение таким образом [рисунок, на котором показано каким образом]) (Ж 19).

Центральное положение занимает вытянутый вверх черный прямоугольник, который чем-то напоминает огромный фонарный столб, встретившийся человеку во время ночной прогулки, и темно-синий квадрат, в котором можно попробовать увидеть неизведанные океанические глубины, огромную пустоту космического пространства или ранее знакомую вещь с подобным оттенком (М 19).

Также это изображение похоже на карту-схему, план, здания, какой-то архитектурный комплекс (М 19).

Картину нельзя назвать статичной, по моему мнению, в ней заложено некое движение. Она будто подразумевает его (Ж 20).

В нашем эксперименте лингвистический анализ показывает абсолютное доминирование «изобразительной» стратегии. Однако способы вербализации этой стратегии обнаруживают, что испытуемые не просто констатируют то, что изображено на картине, а представляют это либо в статике, либо в динамике. Таким образом, можно говорить о «статической» и «динамической» разновидностях «изобразительной» стратегии.

«Изобразительная» стратегия

А. «Статическая» подстратегия

«Статическая» подстратегия реализуется посредством составных именных сказуемых, которые имеют пассивное значение, либо возвратных глагольных форм часто в связке с локативными номинаторами, включая предложно-падежные формы локативной семантики.

*На картине **изображена** композиция из геометрических фигур (Ж 18).*

*На данном изображении **представлены** хаотично расположенные геометрические фигуры разного размера, формы и цвета на сером, с голубым оттенком фоне (М 22).*

*Фигуры **накладываются** и **соприкасаются**, но не пересекаются (М 17).*

***В центре, почти посередине** горизонтально расположен коричневый прямоугольник не более 10 см в длину. **Поверх него нарисован** синий квадрат, повернутый на около 30-45° в правую сторону. **В левом верхнем углу** длинный зеленый прямоугольник, лежит параллельно синему квадрату. **Также в левом верхнем угле есть** около 6 коричневых прямоугольников и 1 оранжевая полоса. **В верхнем нижнем углу находятся** 4 красных прямоугольника. **В правом нижнем углу находится** единственный на картине розовый прямоугольник. **Внизу находятся** 7 прямоугольников в цветовой последовательности <...> **Над розовым четырехугольником находятся** 3 оранжевых четырехугольника. **Над синим большим квадратом находятся** 6 оранжевых четырехугольников. **За синим квадратом и по большому коричневому прямоугольнику пересекает** тонкая красная линия. **Над красной линией** 2 синих прямоугольника, 1 коричневый, 1 оранжевый, 3 синих (Ж 23).*

В одном из полученных от реципиентов текстов статичность воспринимаемого фиксировалась через отказ от предикации в пользу номинации изображенного.

Геометрические фигуры, имеющие 4 угла, в основном это прямоугольники, расположенные в относительных параллелях между собой (Ж 24).

Б. «Динамическая» подстратегия

Эта подстратегия объективируется преимущественно через прямые лексические номинации, реже используются другие языковые средства.

*Это **динамичная** абстрактная композиция, похожая на картину одного из художников-абстракционистов. <...> **Композиция состоит** из различного размера простых геометрических тел. **Направления их динамики** совершенно различны (Ж 18).*

*В целом композиция картины **динамична**. Фигуры как будто летят куда-то вверх, устремлены в будущее (Ж 18).*

*Чуть ниже линии горизонта картины справа изображены несколько чередующихся (**ритмично**) соединенных фигуры <...> (М 19).*

В рисунке можно увидеть движение объектов в определенном направлении (Ж 24).

Нередко испытуемые пытаются выразить свое ощущение взаимосвязи статики и динамики в картине.

В желтых линиях и фигурах заметно определенное движение, стремление выйти за пределы данной картины. Красные, напротив, кажутся пытающимися «заковать» все остальные детали в определенные рамки, придать больше формы и законченности (М 19).

Складывается ощущение, что изображение поставлено на «стоп» и если включить, то фигуры поплывут дальше. Картину нельзя назвать статичной, по моему мнению, в ней заложено некое движение. Она будто подразумевает его. Также она интересна тем, что перевернув ее движение будто меняет свою направленность: то они будто падают вниз, то парят в невесомости (Ж 20).

В общем, фигуры на картине изображены в динамике, за исключением двух фигур расположенных вертикально. Предположение что эти фигуры статичны возникает из первого общего представления о статике и динамике в композиции, между тем, как учитывая что фигуры изображены в воображаемом пространстве без плоскости привязки, можно считать вертикально изображенные фигуры причастными к общему движению (М 19).

В. «Регистрирующая» подстратегия

На фоне описаний-констатаций выделяются описания, вводимые фразеосхемами с семантикой «восприятия»: *я вижу, мы видим, можно увидеть*, позволяющие выделить еще одну подстратегию внутри «изобразительной».

На картине я вижу комплекс геометрических фигур квадратной, прямоугольной и многоугольной формы, различных цветов, а также расположенных преимущественно по цветовому признаку (М 17).

На изображении я вижу набор геометрических разноцветных фигур (Ж 20).

В рисунке можно увидеть движение объектов в определенном направлении (Ж 24).

В левой верхней части мы видим группу параллельно направленных черных прямоугольников и большой прямоугольник зеленого цвета. <...> В верхней части картины мы также видим группу фигур. <...> В нижней левой части мы видим преимущественно красные и желтые прямоугольники (Ж 18).

Г. «Свето-ориентированная» подстратегия

В основном эта подстратегия реализуется совместно с цвето-ориентированной подстратегией, когда для указания на степень проявления цвета используются составные номинации с первым компонентом «светло- / темно-» (*темно-синий, светло-розовый*).

Фон светлый (М 17).

Выводы

Итак, мы видим, что результаты нашего эксперимента подтверждают независимость классификации стратегий восприятия, предложенной Е.В. Белоноговой, от особенностей произведений живописи (в нашем случае – абстрактной картины), но вместе с тем обнаруживают некоторую специфику в способах их вербализации, что позволило нам выделить ряд подстратегий: «статическую»,

«динамическую», «регистрирующую» и «свето-ориентированную» в рамках «изобразительной» стратегии и «цвето-ориентированную» внутри «стилистической» стратегии. Анализ текстов-описаний показывает, что в большинстве случаев при восприятии произведения абстрактной живописи происходит одномоментная реализация нескольких стратегий восприятия. Для дальнейшего уточнения классификации стратегий восприятия абстрактной живописи и способов их вербализации требуется привлечение большего количества испытуемых. Очевидно, что процесс вербализации отражает и фиксирует степень глубины и целостности восприятия искусства.

Литература

Барабаничиков В.А. Психология восприятия: организация и развитие перцептивного процесса. М.: Когито-Центр, 2006. 238 с.

Белогова Е.В. Индивидуальные стратегии восприятия живописи: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2004. 18 с.

Белогова Е.В., Леонтьев Д.А. Синтетическая модель восприятия искусства. Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 2. С. 140-142.

Волкова Д.И., Соловьева Е.М. Стратегии восприятия абстрактной живописи людьми с разным стилем мышления. LAP Lambert Academic Publishing, 2013. 108 с.

Леонтьев Д.А. Введение в психологию искусства. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 110 с.

Леонтьев Д.А., Белогова Е.В. Индивидуальные стратегии восприятия живописи // Синергетическая парадигма: нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002. С. 356-377.

Марцинковская Т.Д. Психология восприятия абстрактного искусства // Вопросы психологии. 2008. № 6. С. 83-91.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 3-е изд. М.: Эксмо, 2010. 480 с.

Петренко В.Ф., Коротченко Е.А. Пейзаж души. Психосемантическое исследование восприятия живописи // Экспериментальная психология. 2008. Т. 1. № 1. С. 84-101.

Funch B.S. The Psychology of Art Appreciation. Copenhagen: Museum Tusculanum Press, University of Copenhagen. 1997. Vol. XII. 312 p.

PECULIARITIES OF VERBALIZATION IN ABSTRACT PAINTING PERCEPTION

Denis V. Makhovikov

Researcher

Department of Psycholinguistics

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

125009, Moscow, B. Kislovsky per. 1/1

denisrich2708@yandex.ru

The paper analyzes the data of the experiment aimed at identifying the features of verbalization in abstract painting perception. The research is methodologically based

on the assumption that art perception is an internal activity, a complex holistic process in which personalized meanings are generated and not “dug out” by the recipient from works of art. The recipient plays an active role and is actually a co-creator of the painting. The object of perception in the experiment was Kazimir Malevich’s “Suprematist Composition” (1916). During the data analysis we used the classification of perceptual strategies worked out by Elena Belonogova. We have identified the “pictorial”, “author”, “cultural”, “associative”, “emotional”, “stylistic”, “summarizing” and “metaphorical” strategies. The “life” and “impressive” strategies have not been identified. The way some of the strategies were verbalized has allowed us to suggest a number of sub-strategies, namely the “static”, “dynamic”, “recording” and “light-oriented” sub-strategies within the “pictorial” strategy and the “color-oriented” sub-strategy as a variety of the “stylistic” strategy. The analysis of the descriptions has demonstrated that in most cases of abstract painting perception several perceptual strategies find their expression simultaneously.

Keywords: verbalization, perceptual strategies, psychology of art, abstract painting

References

- Barabanshnikov V.A.* (2006) *Psihologija vosprijatija: organizacija i razvitie perceptivnogo processa* [Psychology of perception: organization and development of the perceptual process]. Moscow: Kogito-Centr. 238 P. Print. (In Russian)
- Belonogova E.V.* (2004) *Individual’nye strategii vosprijatija zhivopisi* [Individual strategies in painting perception]: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk / Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova. Moscow. 18 P. Print. (In Russian)
- Belonogova E.V., Leont’ev D.A.* (2008) *Sinteticheskaja model’ vosprijatija iskusstva* [Synthetic model of art perception]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal] 22 (2): 140-142. Print. (In Russian)
- Volkova D.I., Solov’eva E.M.* (2013) *Strategii vosprijatija abstraktnoj zhivopisi ljud’mi s raznym stilemyshlenija* [Perceptual strategies in abstract painting perception in people with various styles of thinking]. LAP Lambert Academic Publishing, 2013. 108 P. Print. (In Russian)
- Leont’ev D.A.* (1998) *Vvedenie v psihologiju iskusstva* [Introduction to the Psychology of Art]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. 110 P. Print. (In Russian)
- Leont’ev D.A., Belonogova E.V.* (2002) *Individual’nye strategii vosprijatija zhivopisi* [Individual strategies in painting perception]. *Sinergeticheskaja paradigma: nelinejnoe myshlenie v nauke i iskusstve* [Synergetic Paradigm: Nonlinear Thinking in Science and Art]: 356-377. Moscow. Print. (In Russian)
- Marcinkovskaja T.D.* (2008) *Psihologija vosprijatija abstraktnogo iskusstva* [Psychology of abstract painting perception]. *Voprosy psihologii* [Issues of Psychology]: 6: 83-91. Print. (In Russian)
- Petrenko V.F.* (2010) *Osnovy psihosemantiki* [Fundamentals of Psychosemantics]. 3-e izd. Moscow: Jeksmo. 480 P. Print. (In Russian)
- Petrenko V.F., Korotchenko E.A.* (2008) *Pejzazh dushi. Psihosemanticheskoe issledovanie vosprijatija zhivopisi* [The landscape of the soul. A psychosemantic study of painting perception]. *Jeksperimental’naja psihologija* [Experimental Psychology] 1 (1): 84-101. Print. (In Russian)
- Funch B.S.* *The Psychology of Art Appreciation*. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, University of Copenhagen. 1997. Vol. XII. 312 p.

УДК 81'23

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-4-64-71

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЖИВОПИСНЫХ ПОРТРЕТОВ

Степанова Анна Александровна

Научный сотрудник

Институт языкознания РАН

Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д 1 стр. 1

st.anna@bk.ru

**Статья подготовлена при поддержке РФФ, грант № 17-18-01642
«Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях
кризиса языковой модели», в Институте языкознания РАН**

Восприятие человека человеком является важной отправной точкой для начала общения, так как именно в этот момент выстраиваются стратегии коммуникации. В настоящее время ведутся исследования в разных аспектах по восприятию человека человеком, но единой теории пока не сложилось.

В данной статье рассматриваются результаты пилотажного эксперимента, нацеленного на изучение особенностей перцепции человека, изображенного на живописном портрете. Для чистоты исследования в качестве стимула мы предъявляем малоизвестный портрет с изображением не слишком популярной личности для наивных носителей языка и культуры. В ходе эксперимента выявляется единый маршрут восприятия, состоящий из последовательности семантических зон, каждая из которых рассматривается содержательно с привлечением языковых единиц, полученных методом сплошной выборки из текстов-описаний, собранных в результате пилотажного эксперимента. Выявлено, что первые три семантические зоны (КТО, ЛИЦО, ТЕЛО, ОДЕЖДА) являются основой для декодирования последующих семантических зон (ВНУТРЕННИЙ МИР, СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС). Языковой материал, использованный для описания каждой семантической зоны, схож. Внутри зоны выделяются основные акценты восприятия. Результаты данного пилотажного эксперимента требуют верификации с привлечением большего стимульного материала и разных направлений живописи и фотоискусства, а также с привлечением большего числа испытуемых.

Ключевые слова: восприятие, маршрут восприятия, семантическая зона

Восприятие человека человеком можно назвать отправной точкой начала коммуникации, так как на этом этапе происходит прогнозирование поведения собеседника, оценка и формирование отношения к нему и выбор стратегии поведения.

При восприятии человека наибольшее значение имеет его лицо, так как оно несет важную информацию о человеке. Единой концепции восприятия лица не существует, но написано большое количество работ, посвященных различным сторонам этого явления.

В число таких работ можно включить разработанную П. Экманом теорию эмоций [Экман 2010], теорию дифференциальных эмоций К. Изарда. Объектом изучения в этой теории являются частные эмоции, каждая из которых рассматривается отдельно от других как самостоятельный переживательно-мотивационный процесс [Изард 2008]. Г. Глейтман, А. Фридлунд, Д. Райсберг [2001] подходили к исследованию выражений человеческого лица с бихевиорально-психологических позиций.

В.А. Барабанщиков реализует коммуникативный подход к анализу восприятия, в рамках которого изучает процесс считывания эмоционального состояния человека, заключенного в выражениях его лица, механизмы восприятия личности человека по выражению его лица, которое рассматривается как средство общения [Барабанщиков 2009; 2012; 2016].

Возникает вопрос, происходит ли перцепция образа человека сходным образом в различных ситуациях: при восприятии в реальной коммуникативной ситуации, при восприятии человека, изображенного на живописном портрете и на фотографии.

Изображение как на фотографии, так и на картине закодировано. На этот факт указывает наличие в ней двух сообщений: денотативного (буквального) и коннотативного (символического, метафорического).

Благодаря денотативному сообщению мы понимаем и распознаем то, что изображено. Коннотативное подключается в тот момент, когда мы пытаемся предположить, что стоит за тем, что изображено. Денотативное сообщение становится означающим для означаемого в лице коннотативного сообщения.

Когда мы обращаемся к взаимодействию языка и изображения, не вызывает сомнения тот факт, что изображение, его язык обладает самоценностью и смысл не возникает только после перевода его на естественный вербальный язык.

В.А. Барабанщиков утверждает, что лицо человека, воспринимаемого в реальной жизни, как и лицо, изображенное на картине, выступает в качестве особой семиотической системы, и «с данной точки зрения выражение лица похоже на слово (фразу или текст), обозначающее состояние человека, черты характера, намерения». «В процессе восприятия лица другого человека мы актуализируем поле категорий (значений личностных черт или состояний), связанных между собой сложной системой отношений» [Барабанщиков, Носуленко 2004: 367, 372].

Таким образом, портрет представляет собой задачу на личностный смысл [Леонтьев А.Н. 1983]. Он дает возможность анализировать «взаимосвязь отражения (систем значений, категориальных структур) и отношения (личностных смыслов) в их единстве» [Петренко 2010: 318].

Стоит отметить уже проведенные исследования по восприятию портретной живописи. Е.А. Лупенко провела анализ восприятия портретов и автопортретов художников XVIII-XX веков. Е.А. Лупенко ставит задачу изучить индивидуально-психологические и социальные особенности личности, которые выделяются при восприятии портретного изображения человека, сравнить восприятие портретов и автопортретов, выявить личностные черты на портретах художника в разные возрастные периоды и оценить адекватность полученных результатов по сравнению с биографическими характеристиками личностей [Лупенко 2012].

Кроме того, проведено сопоставительное исследование восприятия одних и тех же людей, изображенных на портрете и фотографии с последующим сравнением полученных результатов с дневниковыми записями и биографическими характеристиками этих лиц [Барабанщиков, Лупенко, Шунто 2017].

Данная работа посвящена исследованию особенностей восприятия человека, изображенного на живописном портрете. Новизна нашей работы заключается в том, что в качестве стимульного материала мы не предлагаем изображения всемирно известных людей, а картины максимально незнакомых испытуемым. Мы полагаем, что стереотипное представление о знаменитом человеке сбивает испытуемых при восприятии картины, в связи с чем в процессе эксперимента порождается не описание изображения как такового, а передача сложившихся в сознании испытуемых характеристик личности.

Кроме того, в данном исследовании мы делаем акцент не на адекватности передачи характеристик личности при изображении на портрете, а стараемся проследить механизм перцепции, строя маршруты восприятия и анализируя языковой материал, который используется для описания человека, изображенного на портрете.

Материалом исследования стали результаты эксперимента с использованием метода «Свободное описание». В качестве стимула испытуемым была предъявлен фрагмент картины Петера Пауля Рубенса «Плачущий Гераклит». Традиционно старый философ изображается в страдании и печали в паре с Демокритом, напротив веселым и преисполненным радости. Чувства старика подчеркиваются опухшим от слез лицом, крупной слезой на левой щеке и рукой, подпирающей щеку как символ страданий, медитации и глубоких раздумий (Рис. 1).

Поставлена задача дать описание изображенного на картине человека. Этот метод хорош тем, что испытуемые не ограничены ни в выборе средств описания, ни тематически. Ограничение накладывается лишь степенью владения испытуемыми родным языком.

Было получено 10 текстов-описаний, что мы посчитали достаточным для пилотажного эксперимента. На следующем этапе мы приступили к анализу полученного материала и построению маршрута восприятия. Маршрутом восприятия мы обозначили ту последовательность элементов картины, в которой ее описывают, а значит и воспринимают испытуемые. Элементы этой последовательности мы определили как семантические зоны.

Выявлено, что при описании картины испытуемые следовали единому маршруту восприятия, который можно представить следующей схемой в виде последовательности семантических зон: КТО – ЛИЦО – ТЕЛО – ОДЕЖДА – ВНУТРЕННИЙ МИР – СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС.

Рассмотрим схему подробнее. В самом начале текстов-описаний заявляется о том, кто изображен на картине, при этом обязательно отмечается возраст человека как посредством атрибутивных характеристик, так и при помощи точного указания в числовых значениях.

Семантическая зона «Лицо» описана наиболее полно. Ее можно назвать центральной наряду с семантической зоной «Тело». Одежда стала обязательным элементом маршрута восприятия, хотя мы не обнаружили ее детального описания. Последние две семантические зоны в маршруте восприятия относятся уже к области

Рис. 1. Рубенс. Плачущий Гераклит (фрагмент).

скрытых смыслов. Восприятие предыдущих зон дает возможность расшифровать зоны «Внутренний мир» и «Социальный статус». Отметим, что приписывание человеку социального статуса является обязательным при его восприятии.

Рассмотрим семантические зоны маршрута восприятия в содержательном плане. Методом сплошной выборки мы выделили лексические единицы, использованные испытуемыми при описании каждой из семантических зон. Результаты представлены в таблице 1. Цифра обозначает частоту использованной единицы.

Как уже отмечалось семантическая зона «Кто» содержательно представлена рядом атрибутивных характеристик, определяющих возраст человека, а также обозначение точного возраста в числах. И только одна характеристика его происхождения дана испытуемыми.

Центральное место в семантической зоне «Лицо» занимает описание длинной седой бороды, морщин и делается акцент на слезу, бегущую по левой щеке.

При описании семантической зоны «Тело» акцент делается на руки, которые в противовес подчеркнутой старости человека воспринимаются как сильные и мощные, с развитой мускулатурой, выдающие человека в хорошей физической форме.

Описание одежды дается всеми испытуемыми однообразно. Черное одеяние воспринимается и как ряса, и как мантия, и как просто балахон.

Таблица №1

Кто	Лицо	Тело	Одежда	Внутренний мир	Социальный статус
преклонных лет немолодой мужчина 60-65 лет представитель южных районов Европы лет 60-70 около 60 лет	седой с длинной седой бородой 10 слеза 8 длинный нос большие губы густые усы 2 морщины 5 покрасневшие глаза 2 губы поджаты брови нахмурены стеклянный взгляд глаза блестят смуглый грустные глаза томные глаза усталый взгляд смотрит в пустоту 2	руки сжаты в кулаки сильные руки 3 мощная рука накачаные руки попирает щеку 2 облокотившись на руку мускулистые руки 2 трудившиеся руки мышцы хорошо развиты хорошая физическая форма сложна руки вздутые вены натруженные руки загорелые руки	черное одеяние с капюшоном 4 черный балахон с капюшоном 3 черная ряса 2 черная мантия просто аскетично	грустный 3 усталый задумчивый 2 спокойный 3 обреченный неслабый волевой выбило почву из-под ног не очень умный добрый 5 трудолюбивый 2 печаль 7 сентиментальный мудрый 2 расстроен богатый внутренний мир без вредных привычек психологически уравновешен сражен тяжелым событием напряженный 2 высокоинтеллектуальный ум чуткий чувствительный	священник рабочая профессия ремесленник монах часто и много работает под палящим солнцем

Семантическая зона «Внутренний мир» рассматривается двояко: с одной стороны, этот человек воспринимается печальным, грустным и напряженным. Тому способствует крупная слеза на левой щеке, подмеченная при восприятии лица. С другой стороны, этого человека не воспринимают как слабого, а как человека, испытывающего временные трудности (выбило почву из-под ног, *сражен тяжелым событием*). Вероятно, восприятие этого человека сильным подкрепляется семантической зоной «Тело», в которой была отмечена физическая сила его рук.

Пожалуй, каждая из семантических зон внесла вклад в расшифровку социального статуса этого человека. Он воспринимается как монах или священник

благодаря темным одеждам и бороде, как ремесленник или представитель рабочей специальности благодаря сильным и натруженным рукам.

В ходе эксперимента испытуемые не раскрыли истинные характеристики личности, изображенного на картине человека. Они были единогласны, что это старец в черном одеянии с длинной седой бородой и сильными натруженными руками, монах или представитель рабочих специальностей.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что при восприятии данной картины испытуемые следуют единому маршруту восприятия. Первые три семантические зоны лежат на поверхности, остальные две скрыты и требуют расшифровки, которую осуществляют испытуемые с опорой на восприятие предыдущих трех зон. Языковой материал, привлекаемый для описания изображения, сходен на всех этапах маршрута восприятия.

Для верификации результатов пилотажного эксперимента требуется привлечение большего количества стимульного материала, вероятно, из разных направлений живописи, а также фотографических работ. Кроме того, необходима апробация данного эксперимента на большем числе испытуемых.

Литература

Барабанищikov В.А. Восприятие выражений лица. М.: Институт психологии РАН, 2009. 431 с.

Барабанищikov В.А. Психологические механизмы восприятия выражений лица // Лицо человека как средство общения: Междисциплинарный подход / Отв. ред. В.А. Барабанищikov, А.А. Демидов, Д.А. Дивеев. М.: Когито-Центр, 2012. С. 13-31.

Барабанищikov В.А. Динамика восприятия выражений лица. Москва: Когито-Центр, 2016. 378 с.

Барабанищikov В.А., Носуленко В.Н. Системность. Восприятие. Общение. М.: Институт психологии РАН, 2004. 480 с.

Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д. Основы психологии. СПб.: Речь, 2001. 1246 с.

Изард Кэррол Э. Эмоции человека. М.: Директ-Медиа, 2008. 954 с.

Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. М.: Педагогика, 1983. 320 с.

Лупенко Е.А. Смысл портрета: опыт познания личности на примере восприятия русского портрета и автопортрета XVIII–XX вв. // Лицо человека как средство общения: Междисциплинарный подход / Отв. ред. В.А. Барабанищikov, А.А. Демидов, Д.А. Дивеев. М.: Когито-Центр, 2012. С. 203-218.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 3-е изд. М.: Эксмо, 2010. 480 с.

Экман П. Психология эмоций. 2-е изд. / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2010. 334с.

PERCEPTION OF PEOPLE IN PAINTINGS

Anna A. Stepanova

Researcher

Institute of Linguistics RAS

125009, Moscow, B. Kislovsky per. 1/1

st.anna@bk.ru

The perception of a person by a person is an important starting point for the beginning of communication. It is the moment the communication strategies are built. Currently, the manifold research is being conducted on the perception of a person by a person, however, a unified theory has not been developed yet.

This article scrutinizes the results of a pilot experiment aimed at studying the characteristics of the perception of a person presented in a pictorial portrait. For the study purity, as an incentive, naive speakers of Russian were shown a little-known portrait depicting a person hardly known to them. In the course of the experiment, a single route of perception was revealed, that consisting of a sequence of semantic zones. Each zone is considered meaningfully using language units obtained by a continuous sampling of text descriptions collected as a result of a pilot experiment. It has been revealed that the first three semantic zones (WHO, FACE, BODY, CLOTHING) are the basis for decoding the subsequent semantic zones (INTERNAL WORLD, SOCIAL STATUS), the language material used to describe each semantic zone being similar. Within the zone, the main accents of perception are highlighted. The results of this pilot experiment require verification by means of a material containing more stimuli, presenting different schools of painting and photo art, as well as a larger number of tessees.

Keywords: perception, perception route, semantic zone

References

Barabanshchikov V.A. (2009) *Vospriyatiye vyrazheniy litsa* [Perception of Facial Expressions]. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN». 431 P. Print. (In Russian)

Barabanshchikov V.A. (2012) *Psikhologicheskiye mekhanizmy vospriyatiya litsa* [Psychological mechanisms for the perception of facial expressions] // *Litso cheloveka kak sredstvo obshcheniya: Mezhdistsiplinarnyy podkhod* [Human Face as a Means of Communication: An Interdisciplinary Approach] / Otv. red. V.A. Barabanshchikov, A.A. Demidov, D.A. Diveyev [Ed. by V.A. Barabanshchikov, A.A. Demidov, D.A. Diveyev]: 13-31. M.: Kogito-Tsentr. Print. (In Russian).

Barabanshchikov V.A. (2016) *Dinamika vospriyatiya vyrazheniy litsa* [The Dynamics of Facial Expressions Perception]. Moskva: Kogito-Tsentr. 378 P. Print. (In Russian).

Barabanshchikov V.A., Nosulenko V.N. (2004) *Sistemnost'. Vospriyatiye. Obshcheniye* [Consistency. Perception. Communication]. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN». 480 P. Print. (In Russian).

Gleytman G., Fridlund A., Raysberg D. (2001) *Osnovy psikhologii* [Fundamentals of Psychology]. SPb: Rech'. 1246 P. Print. (In Russian).

Izard Kerrol E. (2008) *Emotsii cheloveka* [Human Emotions]. M. Direkt-Media. 954 P. Print. (In Russian).

Leont'yev A.N. (1983) *Izbrannyye psikhologicheskiye proizvedeniya. V 2kh tomakh.* [Selected Psychological Works. In 2 Vol.]. M. Pedagogika. 320 P. Print. (In Russian).

Lupenko Ye.A. (2012) *Smysl portreta: opyt poznaniya lichnosti na sluchay vospriyatiya russkogo portreta i avtoportreta 18-20 vv.* [The meaning of the portrait: the experience of knowledge of the person on the example of the perception of the Russian portrait and self-portrait of the XVIII – XX centuries] // *Litso cheloveka kak sredstvo obshcheniya: Mezhdistsiplinarnyy podkhod* [The face of a person as a means of communication: an interdisciplinary approach] / *Otv. red. V. A. Barabanshchikov, A. A. Demidov, D. A. Diveyev.* Ed. by V.A. Barabanshchikov, A.A. Demidov, D.A. Diveyev]: 203-218. M.: Kogito-Tsentr. Print. (In Russian).

Petrenko V.F. (2010) *Osnovy psikhosemantiki. 3-ye izd* [Fundamentals of Psychosemantics. 3rd edition]. M: Eksmo. 480 P. Print. (In Russian).

Ekman P. (2010) *Psikhologiya emotsiy. 2-ye izd.* / *Per. s angl. (Seriya «Sam sebe psikholog»)* [Psychology of Emotions. 2nd edition. A Translation from English]. SPb. Piter. 334 P. Print. (In Russian).

УДК 81'1, 81'23

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-4-72-81

**ИМПРЕССИВНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ТЕКСТА
И ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА**

Стернин Иосиф Абрамович,

профессор кафедры общего языкознания и стилистики
Воронежский государственный университет,
г. Воронеж, пл. Ленина, д.10, ауд.32а
sterninia@mail.ru

Фененко Наталья Александровна,

профессор кафедры французской филологии,
Воронежский государственный университет,
г. Воронеж, пл. Ленина, д.10, ауд. 42а
fenenko@rgph.vsu.ru

В статье рассматриваются возможности использования методики психолингвистического анализа при описании и оценке категории «импрессивной эквивалентности», которая характеризует отношение «текст-читатель» в аспекте перевода художественного текста. Исследование проводится на материале произведений И.А. Бунина и их переводов на французский язык на примере семантической синестезии, которая рассматривается как особая форма проявления функционально-семантического синкретизма номинаций различных чувственных представлений. Семантическая синестезия выступает в качестве одного из важнейших приемов авторской эстетики И.А. Бунина, одной из ее семантических доминант и оказывает значительное влияние на эстетическое восприятие текста читателями оригинала и перевода. В процессе анализа выделяются случаи сохранения синестезии, ее частичного или полного разрушения при переводе, что отражается на уровне импрессивной эквивалентности. Верификация и объективация полученных результатов проводится экспериментальным методом с использованием антропометрической методики лингвистического интервьюирования. Экспериментальная работа осуществлялась в двух группах испытуемых (русскоговорящих и франкоговорящих студентов) путем проведения сначала пилотажного, затем основного эксперимента с последующим обобщением полученных результатов, их сравнением и определением степени импрессивной эквивалентности французского перевода как процент смысловых совпадений у русских и французских испытуемых.

В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что импрессивная эквивалентность является реальным феноменом языкового сознания. Данный тип эквивалентности приобретает первостепенное значение при оценке перевода художественных текстов, вследствие чего разработка методики его тестирования выдвигается в ряд актуальных задач лингвистических и психолингвистических исследований.

Ключевые слова: импрессивная эквивалентность, семантическая синестезия, лингвистическое интервьюирование, языковое сознание

Введение

Тексты художественных переводов, которые традиционно являются объектом теории перевода и сопоставительной стилистики, содержат богатый материал для психолингвистических исследований. Основы психолингвистического подхода к анализу «текста в тексте», заложенные в трудах Ю.А. Сорокина и его учеников, намечают пути определения сходств и различий, сопровождающих процесс «встраивания» текста в парадигму новой культуры, создают основу для их осмысления, уточнения и классификации с точки зрения коммуникативной достаточности / недостаточности, а также способствуют «выявлению механизмов творческой рефлексии при переводе художественных текстов» [Сорокин 1988: 84]. Такой ракурс анализа переводных художественных текстов содержит богатый потенциал для исследования целого ряда проблем, касающихся, в частности, восприятия эстетической информации читателями исходного текста, или текста оригинала (далее – ИТ) и текста перевода (далее – ПТ). В этом случае речь идет об эстетическом восприятии текста, которое мы предлагаем обозначить термином «импрессивная эквивалентность» (от фр. *impression* – впечатление) и под которой понимаем тип переводческой эквивалентности, характеризующий отношение «текст-читатель».

Данный тип эквивалентности дополняет парадигму понятий, отражающих комплексный и многоаспектный характер эквивалентности как фундаментальной категории переводоведения [Фененко, Кретов 2002: 64]. Проблемы определения сходства и различия импрессивной эквивалентности, критериев их выделения и оценки остаются среди наиболее дискуссионных как в сопоставительной стилистике, так и в теории перевода. Нам представляется, что в силу своей специфики подобные проблемы требуют выхода за рамки этих дисциплин в область психолингвистики и привлечение для их анализа и верификации методик исследования и категориального аппарата данной науки.

Постановка проблемы

Цель данной статьи – рассмотреть особенности реализации приема семантической синестезии (как одной из составляющих импрессивной эквивалентности художественного текста) в ИТ и ПТ и попытаться дать интерпретацию этим различиям с позиций переводоведения и психолингвистики.

Обсуждение

Термином «синестезия» обозначается смешанное ощущение, в процессе которого при восприятии действительности у человека происходит совмещение сигналов, исходящих от разных органов чувств; ощущение одной модальности, которое возникает в результате действия раздражителя другой модальности [Петренко 2010: 63]. В науке о языке такое явление получило название «семантической синестезии» [Ульман 1970: 279] и определяется как особая форма проявления функционально-семантического синкретизма, которая связана с совмещением значений лексических единиц-наименований различных чувственных представлений, с созданием новой обобщенной метафорической образности [Житков 1999: 15]. Учеными выявлено более 20-ти типов синестетических связей, среди которых наиболее часто встречаются связи между зрением, осязанием и слухом, то есть прежде всего те, которые сопряжены с «визуализацией», «овеществлением»

звука (например, «матовый тембр», «бархатный голос», «яркий звук»). При этом отмечается, что переносы совершаются преимущественно от «менее тонких к более тонким органам чувств», от «более сложных к более простым»: если их расположить по сложности восприятия (зрение, слух, обоняние, осязание, температурные ощущения), то от последних трех к первым. Такая закономерность, хотя и не носит жестко регламентированного характера, предопределена природой самих чувств: первые три более сложны и осуществляются вне непосредственного контакта с предметом, на расстоянии, в то время как последние три требуют непосредственного контакта с объектом [Житков 1999].

При анализе явления синестезии в аспекте перевода репрезентативным материалом могут служить произведения И.А. Бунина, в частности, цикл рассказов «Темные аллеи» [Бунин 1993] и его перевод на французский язык [Bouinine 1987], поскольку семантическая синестезия является одним из важнейших приемов авторской эстетики И.А. Бунина, моделирующим образную структуру бунинского текста [Житков 1999: 18-19]. Совмещение цветовых, зрительных, вкусовых, температурных, осязательных и обонятельных представлений позволяют писателю достичь эффекта предельной осязаемости изображаемых явлений.

Одной из наиболее ярких доминант произведений писателя является цвет, выступающий как важнейшее средство эмоционального воздействия на читателя: цветообозначения часто приобретают лейтмотивный характер, становятся сквозными образами, значимыми для конструирования национальной «картины мира», а также индивидуально-авторского мировоззрения [Белякова 1999: 146].

Перевод бунинской «музыки цвета» – задача сложная сама по себе – осложняется еще и теми естественными различиями в восприятии цветового пространства, которые отмечаются у носителей разных языков. Французский язык различает цветовые оттенки более подробно, чем русский, а зрительные впечатления являются для французского языка первоплановыми. Русский язык чаще отмечает слуховые ощущения [Гак 1977: 201].

Доминирующими в рассказах Бунина, в частности в «Темных аллеях», являются черный (28%), красный (14%) и белый (7%) цвета, которые составляют символический треугольник самой архаичной системы цветов – «начало жизни – расцвет – конец». При этом баланс темного и светлого сдвинут в сторону темного [Белякова 1999: 150]. Встречаются также другие важнейшие цвета – зеленый, синий, оранжевый, желтый, а также серый, который у Бунина имеет значительно более высокий ранг, чем в русских общелитературных текстах.

Традиционно эти цвета считаются контекстно независимыми, однако в бунинском тексте, где «краски пылают, дрожат и движутся», даже основные цветообозначения испытывают на себе сильное влияние окружающего контекста (анализ механизма перевода цветовых обозначений на французский язык подробно изложен в работах: [Фененко 2002; Fenenko, Grischaeva 2009]).

Подобные сочетания, которые можно определить как нерегулярные синестетические переносы, сохраняются в ПТ довольно редко. Чаще всего наблюдается использование переводчиком текстовых эквивалентов, в выборе которых отмечены следующие варианты.

Сохранение синестезии, которое отмечается при переводе сочетаний, совмещающих преимущественно осязательные и зрительные восприятия, например: *угольный бархат глаз – le velours charbonneux de ses yeux*.

Частичное разрушение синестезии, которое осуществляется различными способами:

а) разделение ее составляющих и отнесение их к двум разным французским ЛЕ, ср. в ИТ: *белесо-свинцовые тучи – в ПТ: gros nuages blanchâtres aux reflets de plomb* (досл.: *белесые тучи со свинцовым отражением*); *черный с металлически-зеленым отливом – noir aux reflets verts métalliques* (досл.: *черный с зелеными металлическими отблесками*), в ИТ: огромная картина снежно-сизой Москвы – в ПТ: *immense tableau bleute de Moscou enneige* (досл.: огромная голубая картина заснеженной Москвы);

б) замена русского нецветового компонента французским цветовым или оттеночным обозначением, ср. в ИТ: *сухо-золотистая кожа – в ПТ: peau mâte et dorée* (досл.: *матовая и золотистая кожа*) или словом, усиливающим признак интенсивности цвета, ср. в ИТ: *маслянисто-голубые глаза – в ПТ: yeux bleus étincellants* (досл.: *глаза голубые искрящиеся*), в ИТ: в черно-маслянистой шубке – в ПТ: *en manteaux d'un noir luisant* (досл.: *в сверкающей черной шубе*);

в) использование грамматических трансформаций (замена русского сложного прилагательного французским сочетанием с сочинительной связью, например, в ИТ: *молочно-зеленая река – в ПТ: eaux vertes et laiteuse* (досл.: вода зеленая и молочная).

Полное разрушение синестезии с сохранением в ПТ исключительно цветового обозначения. Такой прием осуществляется

- путем использования сравнений, ср. в ИТ: в *сахарно-белом халате – в ПТ: vêtu d'une blouse blanche comme la neige* (досл.: *в халате белом, как снег*), в ИТ: *минерально блестящие звезды – в ПТ: étoiles étincellantes comme des gemmes* (досл.: *звезды, блестящие как драгоценные камни*);

- путем метафорического указания на предмет, обладающий данными свойствами, ср. в ИТ: в *смоляной черноте моря – в ПТ: a la mer de goudron* (досл.: в море цвета гудрона).

Редкие оттенки, входящие в индивидуально-авторские неологизмы, передаются описательно, путем использования эксплицирующих лексико-грамматических трансформаций, ср. в ИТ: *мрачно-цветистый – в ПТ: à ramages sombres* (досл.: *с темными цветными разводами*), в ИТ: *белесо-свинцовый – в ПТ: blanchâtre aux reflets de plomb* (досл.: *беловатый с отблесками свинца*), в ИТ: *рыже-лимонный – в ПТ: roux aux reflets citron* (досл.: *рыжий с отблеском лимона*), в ИТ: *теплое серебро – в ПТ: clarté tiède et argentée* (досл.: *теплый и серебристый свет*).

Как показывает анализ материала, наиболее редкими оказываются случаи сохранения синестезии, наиболее многочисленными – частичного / полного ее разрушения путем замены выразительных средств ИТ средствами переводящего языка: конструкциями с сочинительной связью, аппозитивными (приложение) или сравнительными конструкциями, словами, уточняющими интенсивность окраски или оттенок цвета, метафорическим указанием на предмет. В результате в ПТ синестетические переносы утрачивают выразительность и предстают в

своем «ослабленном» варианте. Вместе с тем во всех перечисленных случаях переводчики французских текстов стремятся сохранить цветовой компонент исходного сочетания.

Можно таким образом констатировать, что семантическая синестезия имеет ярко выраженный национально-языковой характер. Несмотря на общность художественного приема, он реализуется в ИТ и в ПТ по-разному, отражая процесс адаптации художественного текста к иным культурным и коммуникативным конвенциям.

С точки зрения теории перевода, важным для определения корректности выбора переводческого приема является уровень эквивалентности ИТ и ПТ. Разделяя мнение о том, что эквивалентность – это понятие многоуровневое (подробнее см.: [Гарбовский 2004: 295-302]), следует всё же признать, что наиболее значимым для перевода художественного текста оказывается понятие динамической эквивалентности в трактовке американского теоретика перевода Ю. Найды. Ученый выделяет два базовых типа эквивалентности – формальную и динамическую. «При соблюдении формальной эквивалентности, – пишет он, – внимание концентрируется на самом сообщении, как на его форме, так и на содержании. При таком подходе необходимо переводить поэзию поэзией, предложение – предложением, понятие – понятием» [Найда 1978: 118]. Такой тип перевода автор называет переводом-гlossой (gloss translation). Динамическая эквивалентность отражает связь между сообщением и получателем сообщения на языке перевода, которая должна быть приблизительно такой же, как связь, существующая между сообщением и его получателем на языке оригинала [там же: 119]. Получатель переводного произведения не переносится в иную культуру, ему предлагается «модус поведения, релевантный контексту его собственной культуры: от него не требуется для восприятия сообщения, чтобы он понимал контекст культуры оригинала». Перевод, ориентированный на динамическую эквивалентность, определяется ученым как «самый близкий естественный эквивалент исходного сообщения».

Динамическая эквивалентность предполагает, что сравниваются не два текста, а внеязыковые реакции получателей информации – носителей разных языков.

Существует мнение, что оценка перевода по критерию эквивалентности является категорией переводческого самосознания, т.е. не внешней оценкой, а внутренней; отсюда следует вывод о том, что внешняя, читательская оценка переводного текста не имеет непосредственного отношения к категории эквивалентности [Гарбовский 2004: 311] и, следовательно, не поддается верификации в рамках теории перевода.

Принимая во внимание специфику процесса художественного творчества, мы придерживаемся, однако, точки зрения, что эквивалентность как категория многоуровневая, комплексная, динамическая отражает все составляющие эстетической цепочки «писатель – произведение – переводчик – читатель» и вполне применима для определения степени соответствия восприятия читателем ИТ и ПТ.

Она может быть подвергнута верификации экспериментальными методами, в частности, на основе антропометрической методики лингвистического интервьюирования [Стернин, Рудакова 2011: 27-35].

Эксперимент

Суть предлагаемого подхода при оценке соответствия перевода оригиналу заключается в следующем. Сначала проводится пилотажный эксперимент – небольшой группе испытуемых в ходе собеседования предлагается своими словами определить смысл интересующего исследователя выражения (метод лингвистического интервьюирования). К примеру, предлагается определить смысл фрагмента, содержащего выражение *в сахарно-белом халате* – испытуемые предлагают свои варианты: *в очень белом, в иссиня-белом, в совсем белом* и т.д. Затем исследователь обобщает и единообразно формулирует полученные ответы, если необходимо, дополняет их своими вариантами и переходит к основному этапу эксперимента. Он заключается в том, что репрезентативной группе испытуемых предлагается фрагмент текста с интересующей исследователя языковой единицей и дается задание отметить в предлагаемом им выборе смыслов тот смысл или смыслы, который они улавливают в контексте при восприятии интересующего исследователя слова. Испытуемые могут выбрать из прилагаемого списка любое количество смыслов, а также добавить свои. Например, испытуемым предлагается такой список смыслов:

в совершенно белом халате
в халате, напоминающем сахар
в халате цвета сахара
в белом-белом халате
в белом без каких-либо примесей халате
в иссиня-белом халате
в очень белом халате
в очень светлом халате
ИНОЕ:.....

Результаты обобщаются, определяются доминирующие смыслы. Затем аналогичная работа проводится с носителями французского языка, которым предлагается фрагмент ПТ с конструкциями, содержащими те же самые смыслы, и определяются доминирующие смыслы носителей французского языка.

После этого осуществляется сравнение и определяется степень импрессивной эквивалентности французского перевода как процент смысловых совпадений русских и французских испытуемых.

Результаты проведенного психолингвистического эксперимента позволяют не только выявить сходства и различия при переводе отдельных конструкций и фрагментов текста, но и, что особенно важно, объективировать степень импрессивной эквивалентности ИТ и ПТ.

Так, в пробном эксперименте с фрагментом, содержащим выражение *в сахарно-белом халате*, степень импрессивной эквивалентности составила всего 10%. Аналогичные результаты получены в пробных экспериментах с фрагментами, содержащими выражения *сухо-золотистая кожа, маслянисто-голубые глаза, молочно-зеленая река*. Это свидетельствует о существенных различиях в восприятии читателями ИТ и ПТ эстетической информации, передаваемой с помощью синестетических конструкций при переводе с русского языка на французский.

Выводы

Таким образом, импрессивная эквивалентность – реальное переводческое явление, позволяющее оценить степень адекватности перевода в межкультурной среде. Импрессивная эквивалентность является реальным феноменом языкового сознания, и на данный тип эквивалентности при оценке эффективности перевода художественного текста имеет смысл обращать внимание в первую очередь.

Разработка методики тестирования импрессивной эквивалентности – актуальная задача лингвистического и психолингвистического исследования.

Литература

Белякова С.М. Цветовая картина мира И.А. Бунина (на материале романа «Жизнь Арсеньева» и цикла рассказов «Темные аллеи») / С.М. Белякова // И.А. Бунин: Диалог с миром. Воронеж, 1999. С. 146-151.

Бунин И.А. Темные аллеи / И.А. Бунин // Собр. соч., т. 4. М.: Лисс: ТОО «Бионт», 1993. 444 с.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале русского и французского языков) / В.Г. Гак. М.: Международные отношения, 1997. 264 с.

Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

Житков А.В. Функционально-семантическое поле восприятия запаха и синестезия одорической лексики в произведениях И.А. Бунина: автореф. дисс. канд. филол. наук / А.В. Житков. Екатеринбург, 1999. 20 с.

Найда Ю.А. К науке переводить: принципы соответствий / Ю.А. Найда; пер. с англ. Л. Черняховской // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 114-136.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. 3-е изд. М.: Эксмо, 2010. 480 с.

Сорокин Ю.А. Текст и его национально-культурная специфика / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина // Текст и перевод / отв. ред. А.Д. Швейцер. М.: Наука, 1988. С. 76-84.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. 192 с.

Ульман С. Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1970. С. 250-299.

Фененко Н.А. Семантическая синестезия: переводческий аспект / Н.А. Фененко // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. Вып.5. С. 141-147.

Фененко Н.А. Переводоведение: проблемы и решения / Н.А. Фененко, А.А. Кретов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2002, №1. С. 61-65.

Bouine I. Les allées sombres / I. Bouine: traduction et notes de J.-L. Goester et F. Laurent; pref. de J. Catteau. Paris: Lausanne, 1987. 140 p.

Fenenko N.A., Grischewa L.I. Ausdrucksformen für semantische Synästhesien und Übersetzerstrategien // Translation zwischen Text und Welt - translationswissenschaft

als historische Disziplin zwischen Moderne und Zukunft / Hartwig Kalverkämper, Larisa Schippel (Hrsg.) Berlin: Frank & Timme, 2009. S. 389-405.

Roux-Faucard G. Transtextualité et traduction: traduire le monde du recit / G. Roux-Faucard // Identité, alterité, équivalence?: La traduction comme relation. P., 2002. P. 277-293.

EQUIVALENCE OF IMPRESSION OF A TEXT AND VERBAL CONSCIOUSNESS OF NATIVE SPEAKERS

Iosif A. Sternin

Professor of the Department of General Linguistics and Stylistics
Voronezh State University
room 32a, Lenin sq, 10, Voronezh
sterninia@mail.ru

Natalia A. Fenenko

Professor of the Department of French Philology
Voronezh State University
room 32a, Lenin sq, 10, Voronezh
fenenko@rgph.vsu.ru

The article discusses the possibilities of using the method of psycholinguistic analysis in order to describe and evaluate the category of “equivalence of impression”, which characterizes the relationship between the translation of a literary text and its reader. The research is based on the works by I.A. Bunin and their translations into French, the phenomenon of semantic synesthesia in particular. Semantic synesthesia is considered as a special form of manifestation of functional and semantic syncretism in verbal means referring to various sensory representations. Semantic synesthesia is one of the most important techniques characteristic for I.A. Bunin’s aesthetics, one of its semantic dominants, and has a significant impact on the aesthetic perception of the text by readers of the source text and the translation text. According to the results of the research, there are several ways of rendering synesthesia in the translation text such as its preservation, its partial or complete destruction, which influence the degree of equivalence of impression. Verification and objectification of the results obtained is carried out by an experimental method using the anthropometric linguistic interviewing methodology. The experiment was carried out in two groups of test subjects (Russian-speaking and French-speaking students) by conducting first a pilot, then the main experiment. It was followed by a synthesis of the results, comparing them and determining the degree of equivalence of impression of the French translation as % of semantic coincidences among Russian and French test subjects.

As a result of the study, the authors conclude that equivalence of impression is a real phenomenon of verbal consciousness. This type of equivalence acquires paramount importance in evaluating the translation of literary texts. Consequently, developing a methodology for its testing becomes one of urgent tasks of linguistic and psycholinguistic research.

Keywords: equivalence of impression, semantic synesthesia, linguistic interviewing, verbal consciousness

References

Belyakova S.M. (1999) Cvetovaya kartina mira I.A.Bunina (na materiale romana «Zhizn Arseneva» i cikla rasskazov «Temnye allei») [The color picture of the world in I.A.Bunin's work (on the material of the novel "The Life of Arsenyev" and the cycle of short stories "The Dark Alleys")] / S.M.Belyakova // I.A. Bunin: Dialog s mirom. [I.A. Bunin: Dialogue with the World]: 146-151. Voronezh. Print. (In Russian).

Bunin I.A. (1993) Temnye allei [Dark Alleys] / I.A. Bunin // Sobr.soch., t.4. [Collected works. Volume 4] Moscow: Liss: TOO «Biont». 444 P. Print. (In Russian).

Gak V.G. (1997) Sopostavitelnaya leksikologiya (na materiale russkogo i francuzskogo yazykov) [Comparative Lexicology (A Case Study of the Russian and French Languages)] Moscow: Izdatelstvo «Mezhdunarodnye otnosheniya». 264 P. Print. (In Russian).

Garbovskij N.K. (2004) Teoriya perevoda: Uchebnik [Theory of Translation: Textbook]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. 544 P. Print. (In Russian).

Zhitkov A.V. (1999) Funkcionalno-semanticheskoe pole vospriyatiya zapaha i sinesteziya odoricheskoy leksiki v proizvedeniyah I.A. Bunina [Functional and Semantic Field of Perception of Smell and Synesthesia of Odor Vocabulary in the Works of I.A. Bunin]: avtoref. diss. kand.filol nauk [PhD thesis] Ekaterinburg. 20 P. Print. (In Russian).

Najda Y.A. (1978) K nauke perevodit: principy sootvetstviy [On Science of Translation: Principles of Correspondence] / Yu.A. Najda: per. s angl. L. Chernyahovskoj [Translated from English by L. Chernyahovskaya // Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike [Issues of Translation Theory in Foreign Linguistics]: 114-136. Moscow. Print. (In Russian).

Petrenko V.F. (2010) Osnovy psihosemantiki [Fundamentals of Psychosemantics] / 3-e izd. [3d edition] Moscow: Eksmo. 480 P. Print. (In Russian).

Sorokin Y.A. (1988) Tekst i ego nacionalno-kulturnaya specifika [Text and its Culture-related Specific Features] / Y.A. Sorokin, I.Y. Markovina // Tekst i perevod / otv. red A.D. Shvejcer [Text and Translation / Ed. by A.D. Shvejcer]: 76-84. Moscow: Nauka. Print. (In Russian).

Sternin I.A. (2011) Psiholingvisticheskoe znachenie slova i ego opisanie. Teoreticheskie problemy [Psycholinguistic Meaning of the Word and its Description. Theoretical Problems] / I.A.Sternin, A.V.Rudakova. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken. 192 P. Print. (In Russian).

Ulman S. (1970) Semanticheskie universalii [Semantic Universals] / S.Ulman // Novoe v lingvistike [New in Linguistics]: 250-299. Moscow: Izdatel'stvo Progress. Print. (In Russian).

Feneko N.A. (2002) Semanticheskaya sinesteziya: perevodcheskij aspekt [Semantic Synesthesia: Translation Aspect] / N.A. Feneko // Sociokulturnye problemy perevoda: sb.nauch.tr. [Socio-cultural Problems of Translation: Collection of Research Papers]: Vol.5: 141-147. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet. Print. (In Russian).

Feneko N.A. (2002) Perevodovedenie: problemy i resheniya [Translation Studies: Problems and Solutions] / N.A.Feneko, A.A.Kretov // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya

[Proceedings of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]:1: 61 – 65. Print. (In Russian).

Bounine I. (1987) *Les allées sombres* / I. Bounine: traduction et notes de J.-L. Goester et F. Laurent; pref.de J. Catteau. Paris: Lausanne. 140 P. Print.

Fenenko N.A., Grishaewa L.I. (2009) *Ausdrucksformen für semantische Synästhesien und Übersetzerstrategien // Translation zwischen Text und Welt -translationwissenschaft als historische Disziplin zwischen Moderne und Zukunft / Hartwig Kalverkämper, Larisa Schippel (Hrsg.)* Berlin: Frank & Timme, pp. 389-405. Print.

Roux-Faucard G. (2002) *Transtextualité et traduction: traduire le monde du recit / G. Roux-Faucard // Identité, alterité, equivalence?: La traduction comme relation: .277-293. P. Print.*

**РОЛЬ ПРОТОТИПОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИСЕМИИ
(НА ПРИМЕРЕ ПОЛИСЕМАНТА QI В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ)**

Цзинь Тао

доцент кафедры иностранных языков
факультета социальных и гуманитарных наук
Российского университета дружбы народов
кандидат филологических наук, доцент
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.10-2
jintao-m@yandex.ru

В статье проверяется возможность объяснить механизм формирования полисемии путем выявления прототипов в виде когнитивно-значимого перцептивного опыта. Предмет исследования – полисемант *qi* в китайском языке. Основной метод исследования – дедуктивный, с допущением, что в качестве прототипов могут выступать все или отдельные виды перцептивного опыта, репрезентируемые с помощью данного полисеманта и содержащие физически осязаемый признак «движение вверх». Выявлено, что семантика у *qi* обусловливается корреляциями *вверх – активизация*, *вверх – возможность справиться с бременем*, *вверх – соиздание*, *вверх – ограничение* и *вверх – удаление*. Возможность построения данных корреляций заложена в прототипах «вставание», «вставание с грузом на плечах», «сбор чего-то в одно место», «движение с периферий к центру» и «депозиционирование хорошо фиксированного на своем месте объекта». При этом прослеживается прагматизм человека-субъекта познания: наиболее важным для него в различных видах прототипического опыта всегда оказывается намерение и цель действия. Механизм формирования полисемии сводится к тому, что направление движения в прототипическом опыте становится фиксатором представления о целенаправленности действия, параллели между прототипическим и вторичным опытом построены на совпадении их целенаправленности.

Ключевые слова: полисемия, механизм, прототип, перцептивный опыт, вторичный опыт, корреляция

1. Введение

1.1. «Прототип» как когнитивно-значимый перцептивный опыт

Термин «прототип», заимствованный из психологии, в последнее время активно используется в лингвистике, в том числе для исследования полисемии. Однако у разных исследователей понимание «прототипа» и его роли в семантической структуре полисеманта несколько различается.

У одних исследователей «прототип» равноценен «лексическому прототипу» [Архипов 1998; Песина 2006] или «прототипному значению» [Макарова 2016] и понимается как «содержательное ядро». По сути, в этом случае «прототип» является несколько видоизмененным «инвариантом»: если понятие «инвариант»

восходит к традиционному рассмотрению категории как достаточно жесткой структуры, в которой все члены «должны обладать всеми признаками основной категории» [Аристотель 1999] и потому «инвариант» должен присутствовать во всех лексико-семантических вариантах полисеманта, то при применении «прототипа» полисемант представляется как более «гибкая» структура, его содержательное ядро включает ряд признаков, а в конкретных лексико-семантических вариантах отражается один из этих признаков или некая их комбинация. Этот сдвиг в понимании связей между лексико-семантическими вариантами полисеманта произошел в значительной степени под влиянием прототипической концепции Э. Рош [Rosch 1973]. Но прототипический подход к описанию структуры категорий вообще не заменяет классическую теорию категорий [Кузнецов 2018], и при его применении в исследовании полисемии сохраняется допущение о том, что лексико-семантические варианты полисеманта есть члены-объекты, входящие в одну категорию. Следовательно, методологическая процедура определения такого «прототипа» не сильно отличается от определения «инварианта»: лингвист, фактически признавая лексико-семантические варианты полисеманта как члены-объекты внутри одной категории, выводит путем обобщения определенные признаки. При таком теоретическом подходе «прототип» априорно один и лексико-семантические варианты должны быть разъяснены как реализация одной из конфигураций компонентов или признаков, составляющих «прототип». Выявляются по-прежнему только лишь связи между лексико-семантическими вариантами, а не механизм их генерации. Иными словами, подвергается сомнению психологическая реальность подобного «прототипа». Ведь процесс владения родным языком ребенком, в том числе понимание различных значений одного и того же слова в разных коммуникативных ситуациях, вряд ли происходит при условии формирования сначала в сознании некоего «прототипа» в виде набора достаточно абстрактных признаков. Сомнение вызывает также объяснительная возможность подобного «прототипа» в вопросе формирования многозначности языковых единиц: «прототип» в виде набора типичных признаков выводится из существующих значений полисеманта, но нет достаточного основания говорить о том, что такой «прототип» является источником формирования этих значений.

Другое понимание «прототипа» в большей степени ориентируется не на сам язык, а на взаимодействие сознания с действительностью. «Прототип» подразумевает «прототипический денотат» и понимается как основа когнитивной схемы. Полисемия при этом также описывается как реализация определенных признаков – признаков прототипического денотата, но их выявление «осуществляется на основе анализа денотативной ситуации, концептуальной составляющей которой является ценностный смысл, который придается тому или иному признаку денотата на базе перцептивного опыта носителя языка» [Башкирцева 2008: 55]. При таком понимании центральной фигурой становится человек-субъект познания, в качестве первоисточника анализа берется физическая сущность, осязаемая человеком своими органами чувств и интерпретируемая его сознанием, а через лексико-семантические варианты языковой единицы, обозначающей данную физическую сущность, выявляется ее интерпретированный образ в сознании человека.

Наше представление о прототипе близко ко второму пониманию. В работе О. А. Башкирцевой рассматривается полисемия русского слова *гора*, соответственно «прототипический денотат» приравнен «прототипическому объекту», связь между всеми явлениями, названными словом *гора*, устанавливается человеком-носителем русского языка на базе имеющихся представлений о прототипическом объекте **гора** [Башкирцева 2008: 63]. На наш взгляд, понимание «прототипа» не должно ограничиваться лишь «прототипическим объектом». Мы также не можем априорно считать, что существует только лишь один единый прототип для формирования семантики определенного полисеманта. Самое главное, как нам представляется, путем выявления «прототипа» или «прототипов» должен быть достаточно наглядно продемонстрирован механизм генерации лексико-семантических вариантов у конкретного полисеманта.

Итак, определение термина «прототип» зависит от понимания его роли в семантической структуре полисеманта. И сначала имеет смысл уточнить общую логику применения одного и того же знака для репрезентации различных объектов или явлений, представленных в сознании человека.

В психолингвистике «прототип» тесно связан с такими понятиями, как «формирование концепта», «расширение понятия», имеющими непосредственное отношение к процессу владения языком у ребенка. Ребенок чаще, чем взрослые, употребляет лексическую единицу для обозначения большего числа объектов. Так, ребенок, назвав словом *КВА* утку на пруду, называл им любую жидкость, затем – монету с изображенным на ней орлом, а после этого – все круглые предметы, напоминающие монету по форме. Существуют разные точки зрения на причину расширения понятия. Одна из версий состоит в том, что ребенок осуществляет набор образцов, чтобы сформировать «прототип» для конкретного понятия [Филд 2012: 214].

На наш взгляд, наблюдаемое использование ребенком одной и той же звуковой комбинации для обозначения разных объектов / явлений в принципе можно рассматривать и в ракурсе формирования полисеманта, ведь фактически перед нами пример возникновения многозначности слова *КВА*. Возможно, что для ребенка звуковая комбинация «*КВА*» регистрирует большой спектр познаваемого при виде «уток на пруду», включая признаки живых существ, форму водоема, некоторые ощущения организма и т.д., а дальнейшее употребление этой комбинации основывается на совпадении какого-то признака, выделенного ребенком при виде нового объекта, с признаком / признаками, выхваченным / выхваченными им в ходе первичного опыта, ассоциируемого с «*КВА*». Со временем ребенок корректирует набор типичных признаков для конкретного понятия уже в соответствии с нормами родного языка, но языковые полисеманты от многозначных слов, подобных «*КВА*», отделяет лишь то, что совпадение признаков уже является в высокой степени общепринятым для языкового коллектива, а не носит индивидуальный характер.

На то, что «детская» и «взрослая» языковая логика в сущности есть одна и та же логика развития языка, указал еще Л.С. Выготский. По его мнению, ребенок на определенной стадии своего развития обладает комплексным мышлением, «но если мы обратимся к истории развития нашей речи, то увидим, что механизм

комплексного мышления со всеми присущими ему особенностями лежит в основе развития нашего языка» [Выготский 1996: 161]. Особенность комплексного мышления заключается прежде всего в его «гибкости»: построение параллелей между разными объектами или явлениями может опираться на сходство в самом широком смысле: и по физическим параметрам, включая форму, размер, текстуру, звук, движение, и по схожести функционального назначения или связи с одним и тем же событием.

Формирование «взрослых» языковых полисемантов отличается от «детских» полисемантов типа «КВА» тем, что полисемант типа «КВА» ориентируется целиком на осязаемый физический мир, параллели устанавливаются между фрагментами физического мира, а языковые полисеманты выходят за рамки физической действительности, параллели устанавливаются между видимым и невидимым. Иными словами, эти параллели носят метафорический характер, с их помощью неосознательное и абстрактное находит свое воплощение в осязаемом и конкретном.

Исходя из вышеизложенного, мы понимаем «прототип» как значимый в когнитивном плане перцептивный опыт. На основе наиболее существенных для определенного языкового коллектива признаков, выхваченных из прототипического перцептивного опыта, формируется некая когнитивная матрица. Полагаем, что когнитивный процесс может быть анализирован как процесс установления параллелей между новым опытом и прототипическим опытом.

Цель настоящей работы – проверить возможность объяснить механизм формирования семантики у конкретного полисеманта путем выделения прототипа в виде перцептивного опыта.

1.2. Материал и метод исследования

Предметом нашего исследования является полисемант 起 qǐ в китайском языке. Qǐ не относится к определенной части речи с точки зрения традиционной грамматики. Он используется как самостоятельный глагол, является первым элементом большого количества двухсложных глаголов, также участвует в образовании имен существительных. Употребляется в качестве счетного слова. Несколько слов, образованных с участием qǐ, имеют непосредственное отношение ко времени. Кроме того, qǐ наряду с группой глаголов (традиционно называемых глаголами направления) выполняет важную грамматическую функцию: присоединяясь к глаголу, qǐ отдельно или в сочетании с дейктическим показателем 来 lái (приближение к позиции, выбранной человеком для восприятия перемещения) формирует значение о специфичной «результативности». Рассматриваемые нами значения qǐ включают словарные дефиниции [Cihai 1989; Modern Chinese dictionary 1997], лексико-семантические варианты, перечисленные в справочнике часто употребляемых глаголов [Chinese verb usage dictionary 1999: 293-294], а также в работах Lü Shuxiang [Lü Shuxiang 1999: 439-443] и Liu Yuehua [Liu Yuehua 1998: 316-373], где, на наш взгляд, в наиболее полном виде описаны значения qǐ / qǐlái в качестве результативного элемента.

Метод нашего анализа в целом – дедуктивный. Наша гипотеза предполагает, что в качестве прототипа / прототипов могут выступать все или отдельные виды перцептивного опыта, репрезентируемые qǐ / qǐlái. Между прототипами и

остальными фрагментами действительности, репрезентируемыми с участием данного полисеманта и содержащими более абстрактную идею¹, должны быть обнаружены корреляции, которые в свою очередь покажут, какие существенные признаки прототипов становятся основой когнитивных матриц.

2. Перцептивный опыт с физическим признаком «движение вверх»

В работе Liu Yuehua исходное значение qí описывается как «движение вверх без фиксированного конечного пункта перемещения» [Liu Yuehua 1998: 316]. Психолингвистический эксперимент, проведенный нами для определения интуитивного восприятия данного полисеманта носителями языка, в целом это подтверждает: у почти половины опрошенных (42%) на данный иероглиф-стимул в первую очередь появляется ассоциация с «вставанием с кровати по утрам» (起床), у 16% – с «вставанием со стула и отправлением куда-то» (起身), у 6% – с «поднятием кого-то, лежащего на земле» (扶起). Встречается иллюстрация восприятия qí с подъемом самолета в воздух (起飞) и восходом солнца (日出). Опрос также показал высокий степень абстракции восприятия данного иероглифа, выраженная схемами 上升 (18%), 上 (4%), 升 (2%) [Цзинь 2014: 44]. Во всех случаях, кроме ассоциации со «стартом» 起飞, в явном виде присутствует представление о движении вверх. Эти данные позволяют нам рассматривать «движение вверх» в качестве базового признака и с достаточной уверенностью говорить о том, что он должен непременно присутствовать в возможных прототипах. Исходя из этого, мы в первую очередь выделяем те репрезентируемые qí / qilai виды перцептивного опыта, в которых присутствует физический признак «движение вверх».

2.1. Моторно-двигательное восприятие «движения вверх»

Репрезентируемые qí / qilai виды физического опыта включают самокаузацию и каузацию.

К самокаузации в первую очередь относится опыт «вставания» человека. Во всех словарях и справочниках исходное значение qí определяется как «вставание с кровати» или изменение положения тела человека – от положения лежа до положения сидя или от положения сидя до положения стоя. Психолингвистический эксперимент также показал абсолютную «весомость» опыта «вставания» в представлении о qí. Кроме самокаузации человека, qí / qilai репрезентирует еще результат самокаузации иных существ и объектов, например взлет птицы или самолета, а также движение природных объектов, такое как восход солнца и луны, возникновение ветра, волны и огня.

Следует выделить отдельный вид самокаузации «вставание с грузом на плечах или спине». Речь идет о присоединении qí / qilai к глаголам, репрезентируемым «ношение чего-то на спине, на плечах, на коромысле»: bei (‘нести что-то на спине’), kang (‘нести что-то через плечо’), dan (‘нести что-то через плечо, на коромысле’). Способ ношения на спине или плечах, а также через плечо продиктован тем, что предмет достаточно габаритный и тяжелый. Таким образом, данный вид перцептивного опыта содержит в себе ощущение давящей на человека «тяжести».

¹ Для удобства в дальнейшем мы называем такие фрагменты действительности условно «вторичным опытом», имея в виду, что они познаются и репрезентируются на основе представления о прототипическом перцептивном опыте.

Соответственно, по сравнению с «вставанием с положения лежа или сидя» движение вверх в данном случае подразумевает приложение достаточного усилия для того, чтобы выпрямиться и быть готовым к дальнейшему несению тяжести.

Каузация, сопровождающаяся явным моторно-двигательным ощущением движения вверх, делится на два вида: 1) каузация с целью позиционирования объекта манипуляции со стороны человека таким образом, чтобы объект, находящийся ниже, оказался в итоге в руке (руках), на плечах, на спине действующего лица или на приспособлениях, манипулируемых непосредственно рукой (руками) человека или посредством некоего механизма, например, *naqi kuaizi* ('брать + qi + палочки' – *взять в руку палочки*); *jiaqi yikuaiyou* ('брать палочками, зажимным инструментом + qi + один + счетное слово + мясо' – *взять палочками кусок мяса*); 2) каузация с целью депозиционирования объекта, зафиксированного внутри чего-то, например, *qidingsi* ('qi + гвоздь' – *выдергивать гвоздь*; *qitudou* ('qi + картофель' – *выкапывать картошку*). Qi в этом случае означает само действие депозиционирования, а его результат обозначается с помощью *chulai* ('движение вовне + дейктический показатель') или *xialai* ('движение вниз + дейктический показатель') в зависимости от ситуаций: в ситуации «выдергивания гвоздя» подходят оба результативных элемента (местоположение гвоздя после депозиционирования может восприниматься как вовне или внизу), в ситуации «выкапывания картошки» только *chulai* (картошка оказывается вовне).

2.2. Визуальное восприятие «движения вверх»

Перцептивный опыт, репрезентируемый с помощью qi / qilai, включает еще и виды каузации, предполагающей возникновение некоего образования, выделяющегося на ровной поверхности. К таким видам можно отнести: изменение, сопровождающееся нарастанием напряжения мышц: *jueqizui* ('торчать + qi + рот' – *надуть губы*); *zhouqimei* ('морщить + qi + брови' – *сдвинуть (насунуть) брови*); изменение, сопровождающееся сбором объектов в одно место: *duiqi* ('наваливать, нагромождать, складывать + qi' – *сложить что-то в кучу*); *weiqi yiqunren* ('окружать + qi + одна + толпа + человек' – *собралась толпа*); изменение, сопровождающееся уменьшением занимаемого объектом / объектами пространства или ограждение пространства вокруг некоего ориентира: *juanqilai* ('сворачивать + qilai' – *свернуть*), *quanqilai* ('круг, окружать + qilai' – *оградить, окружить*). Движение при совершении подобной каузации не направлено вверх, а скорее является движением с разных сторон к условному центру. Получается, что в китайском языке результат направленного вверх движения и движения с разных сторон к центру обозначен одним иероглифом qi. Такое положение, на наш взгляд, свидетельствует о «совмещенности» моторно-двигательного восприятия «движения вверх» и визуального восприятия «некоего образования, выделяющегося на ровной поверхности». Этот синкретизм сложился потому, что «выделяемость» чего-то на ровной поверхности в первую очередь обеспечивается наличием «высоты», и, соответственно, его формирование может быть интерпретировано и как «движение вверх». Логика такого синкретизма очевидна, когда речь идет непосредственно об изменении, сопровождающемся образованием некой выпуклости, дугообразной формы, например, *zhongqi yigebao* ('вздуваться, опухать + qi + один + счетное слово + шишка' – *появилась припухлость, шишка*); *longqi* ('высокий + qi' – *выпирать*,

подняться (о формировании гор)). Такое визуальное восприятие «движения вверх» хорошо иллюстрируется схемой \wedge^t , выявленной в ходе психолингвистического опроса носителей китайского языка.

3. Абстрактные идеи, реализованные с помощью полисеманта qí

3.1. Полисемант qí и идея об активизации

В некоторых случаях идея об активизации достаточно прозрачна. К ним относятся: qí / qílai обозначает результат воздействия на других людей, призывающего их к активной деятельности: dongyuanqí dájia (‘мобилизовать + qí + все’ – *мобилизовать всех*); qí / qílai обозначает результат действия или воздействия, активизирующего воспоминание о чем-то: xiangqilai yujianwangshi (‘думать + qílai + один + счетное слово + прошлое дело, былое’ – *вспомнить одно событие из прошлого*).

Идея об активизации реализуется еще при употреблении qílai для обозначения «возникновения некоего состояния как нового и тенденции к усилению его признаков». В принципе допустимо присоединение qílai к любому прилагательному, репрезентирующему некое состояние, но крайне редко встречаются примеры qílai в сочетании с такими прилагательными, как pingjìng (‘спокойный’), lengjìng (‘хладнокровный, трезвый’), anjìng (‘тихий’), в силу того что подобные состояния, как правило, подразумевают «тишину и покой», что противоречит представлению об «активизации»².

Значение qí и qílai при присоединении к большому кругу глаголов в качестве результативного элемента толкуется как «старт действия». В целом можно различить два типа «старта»: контролируемый / частично контролируемый и неконтролируемый человеком «старт» действия / события. К неконтролируемым процессам относятся возникновение звуков и света, воспринимаемое человеком со стороны, а также природные явления и процессы, происходящие с организмом человека: xiangqile qiaomensheng (‘раздаваться + qí + аспектуальный показатель + стучать + дверь + звук’ – *Раздался стук в дверь*); daqile duosuo (‘бить + qí + аспектуальный показатель + дрожь – *Задрожал*); xiaqile yu (‘движение вниз + qí + аспектуальный показатель + дождь – *Начался дождь*). Qí при присоединении к глаголам, обозначающим контролируемые действия человека, включая физические, речемыслительные, означает старт такого действия или возобновление действия после перерыва. Важно отметить, что хоть такой «старт» полностью или частично контролируем человеком, но он не является запланированным «началом». Иными словами, qí указывает, что действие начинается по обстоятельству, а не по расписанию. Для репрезентации начала запланированного действия используется вспомогательный глагол kaishi, аналог русского глагола *начать/начинать*. Особенно ярко демонстрируют различие между kaishi и qí высказывания, где присутствуют

² Такие примеры можно найти в литературных произведениях. Авторское применение qílai мотивировано тем, что описывается не расслабление персонажа или возникновение у персонажа более умиротворенного состояния, а его готовность к таким действиям, которые требуют спокойствия, хладнокровия и сосредоточенности. Иными словами, qílai вносит лейтмотив о мобилизации-активизации воли у человека и приблизительно передает такое состояние, к которому приводят действия, по-русски выраженные как *взять себя в руки, собраться*.

такие модальные глаголы, как yao ('надо'), xiang ('собираться'), bixu ('следует') и т. п.: Mingtian yao kaishi xie zuoye le ('завтра + надо + kaishi + писать + домашние задания + аспектуальный показатель' – *Завтра надо начать делать домашние задания*). В подобных высказываниях о намерениях корректно употребление только kaishi, а не qi / qilai.

Кроме того, qilai может означать не фактическое начало какого-то действия как процесса, начало и конец которого подразумевает определенный момент во времени, а саму возможность реализации некоего действия по отношению к какому-то объекту. В центре внимания находится не действие, а объект, который оценивается через возможное действие над ним. Иными словами, через действие над объектом отрывается человеку его определенное свойство: Jiaozhi chiqilai ao, zuoqilai mafan ('пельмени + есть, кушать + qilai + хорошо, делать + qilai + хлопотно' – *Пельмени вкусные, но приготовить – хлопотно*); Ta paoqilai xiang yizhenfeng ('он + бегать + qilai + похоже + порыв + ветер' – *Он может нестись как ветер*); Zheshi kanqilai hennan ('это дело + смотреть + qilai + очень трудно' – *Это дело, видимо, очень сложное*).

Таким образом, «старт» действия следует рассматривать как частный случай «активизации» определенного действия, реальной или гипотетической. Сдвиг «старт действия» → «возможное совершение действия» показывает, что для китайского языкового сознания сам «старт» уже обладает событийностью: если действие запущено, то оно так или иначе будет иметь свое завершение. Такое представление о событийности находит свое отражение и в употреблении qi в качестве так называемого счетного слова: yiqi shijian ('один + qi + событие') подразумевает, что некое событие уже произошло, т.е. имело свой старт и завершение, и его можно выделить; jiqi keren ('несколько + qi + гости') обозначает не просто разделение гостей на несколько групп, а несколько выделяемых событий: одни гости пришли и ушли, затем пришли и ушли другие.

Идея об «активизации» оказывается очень продуктивной также в случаях, когда qi участвует в формировании слов. В частности, это слова, семантика которых так или иначе имеет отношение к представлению о «старте» qidian ('qi + точка' – *исходная точка, начало*); qibu ('qi + шаг' – *старт, запуск, делать первые шаги*) и о «возникновении нового состояния» qiji ('qi + беспокойство, волнение' – *забеспокоиться, взволноваться*). К ним относятся и слова, имеющие непосредственное отношение ко времени: qichu ('qi + начало'), qixian ('qi + раньше, прежде'). Эти слова можно перевести как *в начале, сначала*³. Представление о «старте» проявляется и в слове qima, которое толкуется как прилагательное и наречие со значением *минимальный, элементарный; минимум, по крайней мере*. Второй иероглиф в этом слове происходит от иероглифа, означающего предмет, используемый в древности для ведения счета [Chinese etymological dictionary 2003: 526], т. е. понятие «минимум» в китайском языке отображается с помощью предмета, с которого можно начать счет.

³ Обратим внимание, что и в данном случае обозначенное с помощью qi время является событийным: подразумевается «начало» некоего процесса, развивающегося в пространстве / времени.

3.2. Полисемант *qi* и идея о возможности справиться с бременем

В китайском языке широко применяется конструкция, в которой между глаголом-основой и результативным элементом вставляется *de* ('получить, получиться') или *bu* ('нет, не'). Конструкцией не репрезентируется конкретное действие / событие, а оценивается сама возможность достижения определенного результата. Как правило, сам характер результативности при этом не меняется. Например, рассмотренный нами выше пример *xiangqilai* ('думать + *qilai*' – вспомнить) означает активизацию воспоминания, соответственно *xiang de / bu qilai* ('думать + *de / bu + qilai*') означает *возможно / невозможно* вспомнить. Но при «встраивании» в конструкцию «*V de / bu qi*» определенных глаголов конструкция приобретает специфичное значение, не имеющее очевидной связи с остальными значениями *qi* и *qilai*. Подобные глаголы достаточно многочисленны и разнообразны, в целом можно выделить следующие четыре группы:

а) глаголы, означающие «ношение чего-то на спине, на плечах, на коромысле». Кроме перечисленных *bei* ('нести что-то на спине'), *kang* ('нести что-то через плечо'), *dan* ('нести что-то через плечо, на коромысле'), которые репрезентируют физический опыт ношения тяжести, еще *fu*, который в современном языке стали использовать только для репрезентации нефизического опыта – *нести ответственность, нести наказание*. Конструкция в целом означает наличие / отсутствие способностей, умения со стороны субъекта действия или определенного социального статуса, чтобы справиться с ответственностью, чувством вины, позором, славой и т.п., что может оказывать психологическое давление на человека: *fu de / bu qi* – (*ответственность*) *по плечу / не по плечу*.

б) глаголы, означающие действия, реализация которых требует наличия у субъекта действия денежных средств. Например, *mai* ('покупать'), *chi* ('есть'), *zhu* ('проживать') и т. п. Конструкцией «*V de / bu qi*» оценивается «достаточность денежных средств для осуществления таких действий»: *mai de / bu qi* – *что-то по карману / не по карману*; *zhu de / bu qi* – *жилье по карману / не по карману*.

в) глаголы, означающие переживание какой-то ситуации или выдерживание какого-то испытания, для чего требуется наличие у субъекта действия определенной психологической выдержки или физической силы. Например, *jingdeqi* ('проходить переживать, испытывать + получиться + *qi*' – *смочь выдержать (испытание, потрясение* и т. д.); *shoubuqi* ('терпеть + не + *qi*' – *нет достаточного основания (отсутствие соответствующего статуса или желания), чтобы принять (честь, славу, награды* и т. д.).

г) глаголы, означающие действия, которые повлекут за собой траты времени. Например, *hua* ('тратить'), *xian* ('бездельничать'), *tuo* ('тянуть, затягивать'). Конструкцией «*V de / bu qi*» в данном случае оценивается не столько наличие или отсутствие времени, чтобы его тратить впустую или тянуть, сколько то, сможет ли пожелает ли субъект действия отвечать за последствия: *tuobuqi* ('тянуть + не + *qi*' – *нельзя позволять себе медлить*).

Несмотря на внешнее отсутствие связей в семантике этих глаголов, их вхождение в конструкцию «*V de / bu qi*» по сути определяется понятием «бремя». Бремя – это то, что психологически давит на человека. Перечисленные глаголы лишь конкретизируют, что именно воспринимается человеком как бремя: отсут-

ствие финансов, испытание, ответственность и опасение быть объектом осуждения. Qi играет решающую роль в формировании семантики конструкции в целом: благодаря ему реализуется идея о возможности справиться с бременем.

3.3. Полисемант qi и идея о созидании

Используется qi и qilai для обозначения результативности глаголов, репрезентирующих действия, направленные на соединение (объединение) отдельных компонентов в нечто единое, и действия, направленные на создание чего-то нового (включая и материальное, такое как строения и организации, и идеальное, такое как авторитет, образцовый образ, концепция и т. п.): lianxi qilai ('связывать, увязывать + qilai' – *связать, соединить воедино*); zuzhi qilai ('организовывать + qilai' – *объединить (ресурсы, силу, людей)*); gaiqi yizuo gaolou ('строить + qi + один + счетное слово + высокий дом' – *построить небоскреб*); jianliqi weixin ('строить, создавать + qi + авторитет' – *установить авторитет*). Эти частные случаи свидетельствуют о том, что qi и qilai содержит в себе идею о созидании. Эта же идея просматривается и в случае применения qi в качестве самостоятельного глагола: qiming ('qi + имя' – *дать имя*⁴).

3.4. Полисемант qi и идея об ограничении

Qi / qilai репрезентирует результат еще одного вида действия, в котором отсутствует в прозрачном виде признак «вверх» или «высота». Значение qi / qilai в данном случае зависит от того, на что или на кого направлено действие. Когда действие направлено на что-то, результат, обозначенный qi / qilai, совпадает с целью осуществления подобной манипуляции – скрытие объекта из виду или на хранение: maiqilai ('зарывать, закапывать + qilai' – *закопать*); fangqilai ('класть + qilai' – *положить в надлежащее место для хранения чего-то*); cangqilai ('прятать + qilai' – *спрятать*). Когда действие направлено на кого-то, то обозначается результат по ограничению его свободы и осуществлению над ним наблюдения, контроля или защиты. К этим действиям относятся уже упомянутые выше wei и quan, обозначающие физическое действие «окружение, огораживание», а также действия более сложного и абстрактного характера, например, zhua ('ловить, хватать'), guan ('закрывать, заключать, сажать'), ya ('брать под стражу, водить под конвоем'), kan ('сторожить, следить'), jianshi ('следить, наблюдать'), baohu ('защищать'): ba yang quanqilai ('служебное слово с абстрактным значением манипуляции над предметом + овца + ограждать + qilai' – *загнать овец в загон*); ta bei zhuaqilai le ('он + служебное слово со значением «подвергаться воздействию» + ловить + qilai + аспектальный показатель' – *Его заключили под стражу*).

По сути, эти два частных значения объединяются общей идеей об ограничении: в случае с *чем* – результативность отражается в ограничении доступа к нему, а в случае с *кем* – не только в ограничении доступа к нему, но и в ограничении его доступа к остальным.

3.5. Полисемант qi и идея об удалении

Qi в качестве самостоятельного глагола сочетается с результативными элементами kai ('перемещение в сторону') или zou ('покидание прежнего

⁴ В отличие от русских имен, китайские имена «создаются», т. е. выбирают не имя из существующих, а выбирают иероглиф или их комбинацию.

местонахождения'): qíkai означает довольно резкое повеление человеку освободить занимаемое им место, в зависимости от ситуации соответствует таким русским выражениям, как *встань, отойди, убирайся, освободи дорогу, освободи место* и т. п.; в случае с qízou занимаемое человеком место, на которого направлено действие, подразумевает его место на работе, т.е. его должность, qízou означает *убрать кого-то с его должности, подсадить*.

4. Прототипы для формирования корреляций между осязаемым признаком *вверх* и абстрактными идеями

Как мы видим, связи между лексико-семантическими вариантами у полисеманта qí фактически обуславливаются пятью корреляциями между пространственным признаком «вверх» и более абстрактными идеями: *вверх – активизация, вверх – возможность справиться с бременем, вверх – созидание, вверх – ограничение и вверх – удаление*. Эти корреляции возникли не случайным образом, возможность построения каждой из них уже заложена в тех видах перцептивного опыта, которые сопровождаются физически осязаемым движением вверх.

4.1. Прототип для формирования корреляции *вверх* – активизация

Идея об «активизации» является наиболее продуктивной в плане ее проявления в лексико-семантических вариантах у полисеманта qí, а наиболее «представительным» среди всех видов перцептивного опыта, репрезентируемых qí – опыт самокаузации «вставание». Если учесть, что положение сидя или лежа для человека соответствует пониманию об отдыхе и бездействии, а «вставание» нацелено скорее на активное действие, то корреляция между движением вверх и идеей об активизации становится достаточно очевидной. Кроме того, опыт каузации по позиционированию объекта движением вверх со стороны человека соответствует пониманию того, что объект будет задействован для достижения некой цели, т. е. объект при этом «активизируется».

Впрочем, корреляция *вверх – активизация* может уходить корнями в понимание самой причинности перемен. То, что «перемены» трактуются как «нарушение статичного состояния» и метафорически отображаются «движением вверх», на наш взгляд, согласовывается с одним из фундаментальных понятий китайской культуры – ци (气) – «пневма» («эфир», «атмосфера», «газ», «воздух», «дыхание», «дух», «нрав», «темперамент», «энергия», «жизненная сила», «материя»). Трактуются ци как одна из основополагающих и наиболее специфичных категорий китайской философии, выражающая идею континуальной, динамичной, пространственно-временной, духовно-материальной и витально-энергетичной субстанции [Духовная культура Китая 2006: 549]. Иероглиф 气 этимологически представляет собой изображение движения облаков [Chinese etymological dictionary 2003: 64], т.е. понятие коренится в наблюдении и интерпретации процессов перемен в природе и стало понятием для интерпретации причинности перемен во всех сферах жизни человека. Этим и объясняется, что qílai фактически может присоединяться к любому прилагательному, означающему определенное состояние: возникновение любого состояния есть пробуждение определенного вида энергии. В прототипе для корреляции *вверх – активизация* наиболее существенным является сопоставление «до» и «после» движения вверх как «статичное» и «активное». При этом само движение как пробуждение энергии понимается, скорее, как

не вполне контролируемый человеком процесс. Рассмотренное нами различие между «чисто временным началом», репрезентируемым с помощью *kaishi*, и «стартом», репрезентируемым *qi*, по сути, отражает два разных представления о «событийности»: в случае с «чисто временным началом» превалирует линейное время, события понимаются как последовательность во времени, а в случае со «стартом» – превалирует «причинность», «новое» понимается как «возбуждение энергии и разрушение состоявшегося».

4.2. Прототип для формирования корреляции *вверх* – возможность справиться с бременем

На то, что перцептивный опыт «вставание с грузом на плечах или спине» служит прототипом для формирования корреляции *вверх* – *возможность справиться с бременем*, указывает, в первую очередь, значение конструкции «V de / bu qi», когда в нее вписывается глагол, репрезентирующий ношение тяжести на спине / плечах. Собственно, в китайском языке слово «бремя» и есть соединение двух таких глаголов: *fu* и *dan* метафорическая аналогия между восприятием того, что может оказывать на человека психологическое давление, и восприятием того, что обладает реальным весом и что приходится нести на спине (плечах), не чужда для русского языкового сознания. Отражается она во многих выражениях: *Осознание ответственности – это тяжелое бремя; Нести бремя ответственности; На плечи кого-то выпала нелегкая задача* и т. д. Хотя глагол *нести* в выражении *нести ответственность* не содержит эксплицитную информацию о конкретном месте несения бремени (в китайском варианте такая информация выражена эксплицитно), наш опрос носителей русского языка подтвердил, что подобное бремя мысленно размещается также *на плечах*. Разница в том, что в китайском языке опыт «вставание с грузом на плечах или спине» становится прототипом для сопоставления тяжести бремени и возможностей (ресурсов) у человека его «поднять», т.е. признак *вверх* превращается в индикатор и для оценки уровня тяжести самого бремени, и для оценки наличия/отсутствия соответствующих возможностей у человека.

4.3. Прототип для формирования корреляций *вверх* – созидание и *вверх* – ограничение

Наиболее сущностный признак, выхваченный на основе многообразных видов перцептивного опыта каузации, в результате которой возникает образование, имеющее определенную высоту и выделяющееся на ровной поверхности, судя по всему, напрямую связан с пониманием цели осуществления подобных действий. Когда действие нацелено на сбор чего-то с разных сторон в одно место, то в результате возникает нечто новое с определенной высотой на этом месте. Таким образом, движение *вверх* интерпретируется как движение возникновения чего-то нового на ровном месте, т.е. формируется корреляция *вверх* – *созидание*. Когда действие нацелено на некий объект в условном центре, то движение с разных сторон (периферий) к этому центру приводит к уменьшению занимаемого или доступного для объекта пространства, а уменьшение доступного пространства вокруг, в свою очередь, подразумевает «ограничение» в возможностях. Впрочем, русское слово «ограничение» отражает такое же представление о связи между пространством и возможностями: установление границ уменьшает доступное пространство, вместе с тем уменьшается и свобода действия. Только в китайском варианте результативность

уменьшения пространства выражена не через само действие по установлению границ, а через визуальное восприятие превращения плоской поверхности, занимающей большую площадь, в нечто «выпуклое», занимающее меньшую площадь. Хотя не исключено, что формирование корреляции *вверх – ограничение* опирается на более простое визуальное восприятие – выделяемость ограждения благодаря его высоте.

4.4. Прототип для формирования корреляций *вверх – удаление*

При реализации корреляции *вверх – удаление* q_1 выполняет такую же роль, какую играет при репрезентации перцептивного опыта по депозиционированию объекта типа «выдергивание гвоздя, выкапывание картошки». В обоих случаях q_1 обозначает само действие депозиционирования и имеет собственные результативные элементы в зависимости от того, где оказывается удаляемый объект по отношению к прежнему местоположению – внизу, вне, в стороне или вдали. Фактически, разница только в том, что неодушевленный объект в прототипическом опыте заменяется человеком во вторичном опыте. Признак «движение вверх» в данном случае сохраняет память о прототипе в достаточно детальном виде, важна не только цель действия, но и оценка ситуации в целом: зафиксированный на своем месте человек, по оценке субъекта действия, перестал быть нужным на этом месте, но он хорошо «укреплен», и для его удаления понадобится определенное усилие, по этой причине в семантике q_1 присутствует резкость требования, а q_2 подразумевает применение определенного ухищрения для того, чтобы убрать кого-то с занимаемой им должности.

Выводы

Наш анализ подтверждает гипотезу о роли прототипического перцептивного опыта в формировании полисемии: все абстрактные идеи, реализованные в лексико-семантических вариантах у q_1 , имеют вполне осязаемое происхождение. В возникновении корреляций *вверх – активизация*, *вверх – возможность справиться с бременем*, *вверх – созидание*, *вверх – ограничение* и *вверх – удаление* прослеживается прагматизм человека-субъекта познания: наиболее важным для него в всех видах прототипического опыта всегда оказывается намерение и цель действия. «Вставание» и «подъем объекта» продиктованы намерением к активной деятельности, *вверх* становится показателем для абстрактной идеи «активизация». А цель «вставания с грузом на плечах» и есть «справиться с бременем». Аналогично «сбор чего-то в одно место» нацелен на «созидание», «движение с периферий к центру» подразумевает «уменьшение доступного для кого-то / чего-то пространства» и направлено на «ограничение», а идея «удаления» совпадает с целью «депозиционирования чего-то, хорошо зафиксированного на своем месте».

Таким образом, механизм генерации различных лексико-семантических вариантов полисеманта q_1 фактически сводится к одному единому принципу: направление движения в прототипах становится фиксатором представления о целенаправленности действия, параллели между прототипическим и вторичным опытом построены на совпадении понимания об их целенаправленности. При этом, участвуя в конструировании вторичного опыта, q_1 в разной степени сохраняет «память» и о деталях прототипов. Чем больше деталей сохранено, тем меньше разнообразия в возможности конструирования вторичного опыта. Наиболее

унифицированным для полисеманта q_i является прототип для формирования корреляции «вверх – активизация», наиболее детализированным – прототип для формирования корреляции «вверх – удаление».

Литература

- Аристотель. Метафизика. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 608 с.
- Архипов И.К. Проблема языка и речи в свете прототипической семантики // Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: Сб. ст. СПб: Studia Linguistica 6, 1998. С. 5-22.
- Баширцева О.А. Прототипический денотат как основа когнитивной схемы, реализованной в семантической структуре многозначного слова (на примере лексемы гора) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. №2. С. 55-64.
- Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2006. Т. 1. Философия. 727 с.
- Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1996. 414 с.
- Кузнецов В.Г. Аристотелевская теория категорий и прототипический подход // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2018. №1. С.32-44.
- Макарова А.Б. Феномен периферийного пересечения семантических сетей: русские приставки при- и под- // Вопросы языкознания. 2016. №5. С. 79-94.
- Песина С.А. От инварианта многозначного слова к лексическому прототипу // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. №2. С. 53-61.
- Филд Дж. Психолингвистика. Ключевые концепты. Энциклопедия терминов. М.: ЛКИ, 2012. 344 с.
- Цзинь Т. Психолингвистический портрет глаголов перемещения (на материале русского и китайского языков) // Вопросы психолингвистики. 2014. № 2. С. 42–55.
- Rosch E.H. (1973). Natural categories. *Cognitive Psychology*. Vol. 4. 328- 350.
- 吕叔湘 (1999). 《现代汉语八百词》, 北京: 商务印书馆, 760页
- 刘月华 (1998). 《趋向补语通释》, 北京: 北京语言文化大学出版社, 704页
- 《辞海》(1989). 上海: 上海辞书出版社, 2572页
- 《现代汉语词典》(1997). 北京: 商务印书馆, 1722页
- 《汉语动词用法词典》(1999). 孟琮 郑怀德 孟庆海 蔡文兰编. 北京: 商务印书馆, 495页
- 《汉字源流词典》(2003). 谷衍奎编. 北京: 华夏出版社, 863页

THE ROLE OF PROTOTYPES IN THE FORMATION OF POLYSEMY
(QI, THE EXAMPLE OF POLYSEMIOUS WORD IN THE CHINESE
LANGUAGE)

Tszin Tao

Associate professor
Department of Foreign Languages
Faculty of Humanities and Social Sciences
RUDN University
10-2 Miklukho-Maklay str., Moscow, 117198, Russian
Jintao-m@yandex.ru

The article examines the possibility to explain the mechanism of polysemy formation by identifying prototypes in the form of cognitive-significant perceptual experience. The research subject is polysemous word, qi in the Chinese language. The main method used is deductive, with the assumption that all or some types of perceptual experience are represented by this polysemant, and thus, containing a physically tangible sign of "upward movement" can act as prototypes. It is revealed that the semantics of qi is determined from correlations UP ACTIVATION, UP – ABILITY to COPE WITH the BURDEN, UP – CREATION, UP – LIMIT and UP – REMOVAL. The possibility of building these correlations is laid in the prototypes "rising", "rising with a load on the shoulders", "collecting something in one place", "moving from the periphery to the center" and "depositing a well-fixed object in its place". At the same time, the pragmatism of the person-the subject of knowledge is traced: the most important for him in the prototypical experience is always the intention and purpose of the action. The mechanism of polysemy formation points to the fact that the direction of movement in the prototypical experience fixes the idea of action purposefulness and the parallels between the prototypical and secondary experience are built on the coincidence of their purposefulness.

Keywords: polysemy, mechanism, prototype, perceptive experience, secondary experience, correlation

References

- Aristotle (1999) '. Metafizika [Metaphysics]. Rostov n/D: Feniks. 608 P. Print. (In Russian)
- Arhipov I.K.* (1998) Problema yazyka i rechi v svete prototipicheskoy semantiki [The problem of language and speech in prototypical semantics]// Problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov [Issues of Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages]: 6: 5-22. SPb: Sdudia Linguistica. Print. (In Russian)
- Bashkirceva O.A.* (2008) Prototipicheskij denotat kak osnova kognitivnoj skhemy, realizovannoj v semanticheskoy strukture mnogoznachnogo slova (na primere leksemy gora) [Prototypical denotation, the basis of a cognitive schema that is implemented in the semantic structure of the polysemantic word (The example of lexeme mountain)] // Voprosy kognitivnoj lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics]: 2: 55-64. Print. (in Russian)

Duhovnaya kul'tura Kitaya (2006) ehnciklopediya: v 5 t. / Gl. red. M. L. Titarenko. T.1 [Spiritual Culture of China. An Encyclopedia in 5 Volumes. Ed. by M. L. Titarenko. Vol. 1 Philosophy] M.: Vost. 727 P. Print. (In Russian).

Vygotskij L. S. (1996) Myshlenie i rech' [Thinking and Speech]. M. Labirint. 414 P. Print. (In Russian).

Kuznecov V.G. (2018) Aristotelevskaya teoriya kategorij i prototipicheskij podhod [Aristotelian category theory and a prototypical approach] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya. [Moscow State University Letters. Ser.7. Philosophy]: 1: 32-44. Print. (In Russian).

Makarova A.B. (2016) Fenomen periferijnogo peresecheniya semanticheskikh setej: russkie prstavki pri- i pod- [The phenomenon of peripheral intersection of semantic networks: Russian prefixes pri- and pod-] // Voprosy yazykoznanija [Topics in the Study of Language] 5: 79-94. Print. (In Russian).

Pesina S.A. (2006) Ot invarianta mnogoznachnogo slova k leksicheskomu prototipu [From the invariant of a polysemantic word to the lexical prototype] // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. [Issues of Cognitive Linguistics]: 2: 53-61. Print. (In Russian).

Fild Dzh. (2012) Psiholingvistika. Klyuchevye koncepty. Enciklopediya terminov. [Psycholinguistics. The Key Concepts. Encyclopedia of Terms]. M. LKI. 344 P. Print. (In Russian).

Czin' T. (2014) Psiholingvisticheskiy portret glagolov peremeshcheniya (na materiale russkogo i kitajskogo yazykov) [The psycholinguistic portrait of the verbs of movement (A study of the Russian and Chinese languages)] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]: 2: 42-55. Moscow. Print. (In Russian).

Lü Shuxiang (1990) Modern chinese eight hundred words. Beijing, Printing House Shangwu, 1990. 760 p.

Liu Yuehua (1998) Directional complement digest. Beijing, Beijing Language and Culture University publishing house. 704 p. Print.

Cihai (1989) Shanghai, Shanghai Dictionary publishing house. 2572 P. Print

Modern Chinese dictionary (1997). Beijing, Printing House Shangwu. 1722 P.

Print

Chinese verb usage dictionary (1999). Compiled by Meng Cong, Zheng Huaide, Meng Qinghai, Cai Wenlan. Beijing, Printing House Shangwu. 495 P. Print

Chinese etymological dictionary (2003). Compiled by Gu Yankui. Beijing, Printing House Huaxia. 863 P. Print

УДК 81'23

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-4-98-111

**ВОСПРИЯТИЕ ТЕКСТА В ЗАВИСИМОСТИ
ОТ КОММУНИКАТИВНОЙ ПОЗИЦИИ ИСПЫТУЕМОГО**

Нистратов Александр Алексеевич

научный сотрудник

ф-та психологии МГУ им. Ломоносова

Россия, 119009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11

a.nistratov@mail.ru

Тарасов Евгений Федорович

заведующий отделом психолингвистики

Института языкознания РАН

Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д 1 стр. 1

efi35@mail.ru

**Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 17-18-01642 «Разработка коммуникативной модели вербального
процесса в условиях кризиса языковой модели»)
в Институте языкознания РАН.**

Статья содержит описание экспериментальной проверки гипотезы о том, что позиции коммуникантов по отношению к производимому и воспринимаемому тексту (позиции автора, реципиента и нейтрального наблюдателя) детерминируют их оценку содержания этого текста. Для исследования использовался метод семантического дифференциала. Построенным семантическим пространствам дана содержательная интерпретация.

Испытуемые в позиции автора трактуют себя как субъекты речевого воздействия, позиция реципиента индуцирует создание образа объекта воздействия, позиция нейтрального наблюдателя дезориентирует испытуемых в их оценках.

В статье обосновывается возможность рассмотрения одного коммуникативного акта в дополнительных моделях, содержательная трактовка которых позволяет создать полный образ, существующий как результат соположения моделей, отображающих единый акт коммуникации, как их онтологическое свойство.

Отображение коммуникативного акта в трех дополнительных моделях позволяет приблизить феноменологические наблюдения коммуникантов к онтологически релевантному пониманию акта общения.

Дополнительные модели речевого общения отображают речевое взаимодействие коммуникантов как их речевую активность, описываемую при помощи деятельностной схемы «субъект – объект», в которой каждый коммуникант, полагая себя субъектом речевого воздействия, регулирует внутреннее (сознание и мышление) и внешнее поведение (говорение) собеседника, считая его объектом своего речевого воздействия.

Целесообразно исходить при анализе совместной деятельности, отображенной в виде комплекса дополнительных моделей, из представления, что совместная деятельность является первичной формой человеческой активности.

Ключевые слова: семантические пространства, семантический дифференциал, категоризация, речевое общение, психосемантический эксперимент

Введение

Цель данной статьи – обсудить результаты эксперимента по верификации гипотезы о зависимости понимания речевых действий коммуникантов от структуры их речевого общения.

Речевое общение – это процесс социальной интеракции по крайней мере двух коммуникантов, в которой для достижения взаимопонимания используются речевые сообщения, состоящие из языковых и неязыковых знаков. Наблюдения позволяют сделать вывод, что речевое общение разворачивается с целью организации совместной деятельности, необходимость осуществления которой возникает для одного из коммуникантов в случае невозможности решения им некоторой практической задачи. Отсутствие такой возможности вынуждает коммуниканта искать сотрудничества с другим (или другими) членом социума. Для организации этого сотрудничества в рамках совместной деятельности разворачивается речевое общение [Тарасов 2017: 160–167].

В теории речевой деятельности существует достаточно обоснованное представление о структуре речевого общения.

Модель речевого общения отображает речевое взаимодействие коммуникантов как их речевую активность, описываемую при помощи деятельностной схемы «субъект – объект», в которой каждый коммуникант, полагая себя субъектом речевого воздействия, регулирует внутреннее (сознание и мышление) и внешнее поведение (говорение) собеседника, считая его объектом своего речевого воздействия.

Таким образом, модель речевого общения состоит из двух дополнительных моделей, описывающих деятельность коммуникантов, каждый из которых в структуре своей дополнительной модели действует с позиции субъекта, отдавая позицию объекта своему собеседнику. В справедливости этой модели можно легко убедиться в рамках несложного интроспективного наблюдения.

Исследователи предлагают при анализе совместной деятельности исходить из ее первичного характера, т.к. она, по всей видимости, является исторически исходной формой сотрудничества людей. Необходимо отметить, что исследование совместной деятельности целесообразно начинать с анализа дополнительных моделей речевого общения, т. к. речевое воздействие с позиции одного коммуниканта онтологически и феноменологически проще для анализа.

Обратимся к анализу речевого общения коммуникантов в структуре деятельностных моделей, которые строятся в рамках деятельностного подхода, образующего методологические основания для анализа речевого общения.

Деятельностный подход с его субъект-объектной схемой обязывает рассматривать речевое общение как речевое воздействие человека-субъекта на другого человека. Это речевое воздействие представляет собой процесс решения двух видов задач: задач организации речевого общения и задач организации совместной

деятельности. Организация речевого общения осуществляется как процесс решения следующих задач: привлечение произвольного внимания объекта речевого воздействия и введение в поле его восприятия речевых действий, из которых состоит процесс речевого воздействия; удержание внимания реципиента и создание тем самым условий для смыслового восприятия речевых действий, адресованных ему; ориентирование реципиента в качествах субъекта, т.к. именно цели субъекта позволяют реципиенту понять смысл речевых высказываний субъекта; создание атмосферы общения, дружеской или враждебной, субъектом, испытывающим необходимость организовать речевое общение.

Речевое общение организуется с целью регулирования поведения объекта речевого воздействия, в ходе которого субъект стремится организовать с ним совместную деятельность.

Организация совместной деятельности с объектом речевого воздействия предполагает его добровольное сотрудничество с субъектом. Такое сотрудничество возможно только в том случае, если побуждаемый к сотрудничеству сочтет его для себя выгодным. Выгодность участия объекта речевого воздействия обеспечивается его уверенностью, что в ходе предложенной совместной деятельности он удовлетворит какую-либо из своих потребностей. Задачи организации совместной деятельности имеют следующий вид: актуализация или намеренное уклонение от такой актуализации в сознании объекта речевого воздействия одной из его потребностей, невозможность удовлетворения которой является побудительной силой его участия в совместной деятельности; предложение предмета-мотива, удовлетворяющего потребности и овладение которым приводит к удовлетворению актуализированной потребности. Овладение предметом-мотивом – это есть активность объекта, развертываемая им в ходе совместной деятельности, т.е. активность, которая и есть сотрудничество со стороны объекта.

В теории речевой деятельности единицей речевой активности является речевое действие, представляющее собой речевую цепь, развертывание которой побуждается необходимостью достичь какую-либо цель в процессе речевого воздействия. Например, в ходе организации речевого общения необходимо удержать внимание реципиента, что достигается указанием при помощи речевой цепи на некоторые предметы, удовлетворяющие какую-либо его потребность. Форма этой речевой цепи зависит от физических и социальных условий речевого общения, от познавательной способности реципиента, его потребностно-мотивационной сферы (совокупность его потребностей и способов их удовлетворения), от его готовности к сотрудничеству и т.п.

Речевое действие в этом смысле является функциональной психолингвистической единицей при описании речевых сообщений [Тарасов 2008].

Описание эксперимента

Для исследования данной гипотезы предложен психосемантический эксперимент как инструмент анализа смысла и значения текста.

В случае психосемантического подхода в исследовании особенностей понимания текста использовался метод контролируемых ассоциаций. К ним следует отнести многомерную оценку методом Семантического дифференциала [Osgood 1959: 195-200] отношения респондентов к тексту, который оценивается как ав-

торский (созданный самими респондентами и обращенный к читателям) и в другом случае как текст, обращенный к самим респондентам, а также оценка текста с нейтральных позиций. По материалам этих исследований получены интересные результаты по категориальной структуре оценок восприятия текста с этих различных позиций. Текст можно рассматривать с точки зрения ассоциированной с ним информации [Carroll 1959: 58-77]. С помощью метода семантического дифференциала можно определить смысловые особенности понятий, используемых в исследовании понимания текста [Osgood 1969: 42-55]. Представления исследователя об изучаемом явлении дополняются информацией о категориальной системе сознания респондентов. Эта техника может применяться для разработки методик изучения восприятия любой информации [Osgood 1962: 10-28].

Применяя метод семантического дифференциала можно определить расстояние между значениями шкалируемых объектов в числовом виде. Это позволяет оценить различие в оценке разных объектов испытуемым или группой испытуемых [Osgood, Susi, Tannenbaum 1957: 342].

Метод семантического дифференциала предполагает различные способы анализа, при выборе которых исследователь может исходить из поставленных перед ним задач [Osgood, Ware 1961: 62-73].

В результате проведения эксперимента по восприятию текста была построена матрица данных. Полученные в ходе эксперимента данные обрабатывались по программе факторного анализа [Харман 1972: 412]. Семантическое пространство по выделенным факторам позволило оценить категориальную структуру сознания испытуемого, выявить структуру восприятия им текстового материала [Нистратов, Тарасов 2014: 164-180; Нистратов, Тарасов 2017: 417-437].

В работе исследовалось восприятие текста с разных позиций у студентов московских вузов. Исследование проводилось, по методике частного семантического дифференциала [Нистратов, Тарасов 2009: 161-171].

В эксперименте приняло участие три группы респондентов (25, 26, 28 человек) в возрасте 18-25 лет.

Инструкции для проведения эксперимента:

1. Представьте, что Вы являетесь автором этого текста, обращенного к другим людям. Прочитайте и оцените содержание этого текста при помощи данных шкал.

2. Представьте, что этот текст обращен к Вам. Прочитайте текст и оцените содержание этого текста при помощи данных шкал.

3. Прочитайте и оцените содержание этого текста при помощи данных шкал.

Для оценки предъявляемых текстов респонденту давался бланк для фиксации оценки.

Оцениваемый текст:

Подлинная, высшая свобода если и имеет отношение к юриспруденции, ко «всеобщей декларации прав человека», то весьма косвенное. Гораздо ближе она к тому, что непосредственно связано с духом и душой. Самые свободные люди на земле, по моему убеждению, – праведники и герои-воины. Одни отрешаются от суетного мира ради жизни вечной. Вторые добровольно рискуют (а зачастую и жертвуют) собой, отдавая долг Родине.

И те, и другие нам как бы подсказывают: вот за что нужно бороться, вот для чего стоит жить.

Главное – довести до каждого: русский человек в окопе, на передовой, защищает наши с вами свободы. С одной стороны, от кровожадных фанатиков, мечтающих насадить по всей планете свою якобы единственную праведную веру. С другой – от тех, кто стремится навязать нам деградантские представления о праве и морали, о нулевой ценности вековых традиций и особой важности самовыражения «меньшинств», о мультикультурализме и целесообразности изъятия из родного языка слов «мать», «отец», «мужчина», «женщина».

Обсуждение

Специфика восприятия текста респондентами с различных позиций

В результате исследования были выделены 10 факторов-критериев, по которым респонденты оценивают текст с различных позиций. Факторы представлены в порядке убывания вклада в общую дисперсию.

1. **Оценка** (*жесткий, грубый, агрессивный, с отрицательным знаком спокойный, приятный, светлый*)

Первый критерий, который можно интерпретировать как оценка (с некоторым акцентом на категории **силы** и **активности**), представлен шкалами: *жесткий, грубый, агрессивный* на одном полюсе и *спокойный, приятный, светлый* на другом. Как можно видеть на Рис.1, данный текст воспринимается как жесткий, грубый и агрессивный с позиции автора и отчасти с нейтральной позиции. С позиции реципиента текст оценивается как *спокойный, приятный, светлый*.

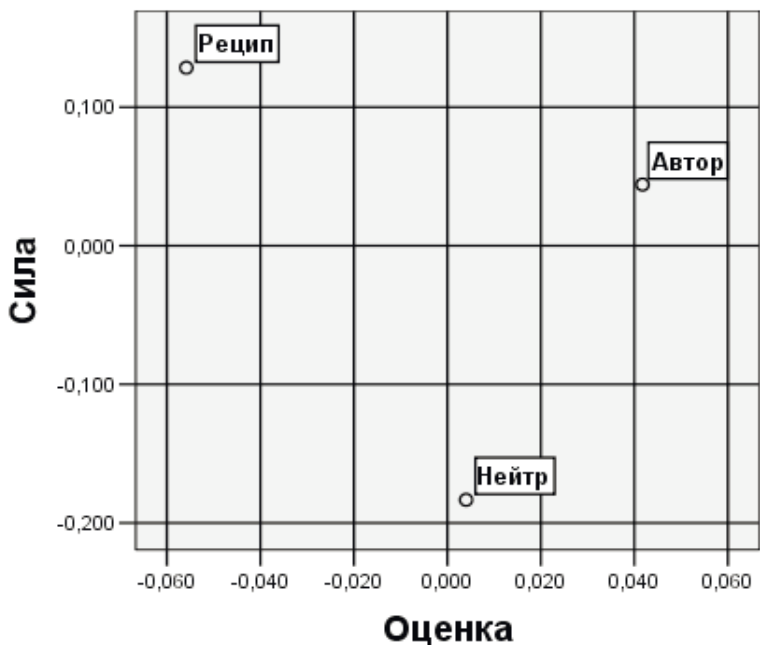

Рис.1

2. **Сила** (*примитивный, наивный, шаблонный, сильный* с отрицательным знаком)

Второй критерий, который можно интерпретировать как **сила**, показывается через отрицательный полюс. Наибольшие показатели по этому критерию, как видно из Рис.1, у текста с нейтральной позиции, а самые слабые – у текста с позиции реципиента. Судя по шкалам, входящим в этот фактор, текст с позиции реципиента воспринимается *примитивным, наивным, шаблонным* и *слабым*. Восприятие с позиции автора можно считать достаточно нейтральным. В итоге – с позиции реципиента текст в семантическом пространстве **оценка / сила** воспринимается *спокойным, приятным, слабым, примитивным, наивным* и *шаблонным*.

Сила

Примитивный 0,827

Наивный 0,804

Шаблонный 0,709

Сильный -0,506

Оценка

Жесткий 0, 846

Грубый 0,841

Агрессивный 0,716

Спокойный - 0,542

Приятный -0,477

Светлый -0,399

3. **Символичность** (*образный, художественный, возвышенный, символический*)

На Рис.2 показаны значения объектов по факторам **символичность** и **активность**. Как видно на Рис.2, текст с позиции реципиента (ПР) имеет наибольшее значение по этому фактору, т.е. воспринимается наиболее *образным, художественным, возвышенным* и *символичным*, что противоположно оценкам с позиции автора и с нейтральной позиции. Текст с позиции автора (ПА) имеет более отрицательное значение по фактору **символичность**, чем с нейтральной позиции. Это можно объяснить тем, что реципиенты более критично относятся к своей авторской позиции, которая, вероятнее всего, не совпадает с позицией реального автора.

Рис.2

4. **Активность** (*активный, понятный, четкий, выразительный*)

По фактору **активность** наименьшее значение имеет текст с позиции автора, что противоположно оценке с нейтральной позиции. С позиции реципиента текст оценивается достаточно нейтрально. Позитивную оценку с нейтральной позиции можно считать объективной, но позиция автора скорее всего объясняется несогласием с точкой зрения реального автора текста.

Активность

Активный 0,799

Понятный 0,564

Четкий 0,433

Выразительный 0,400

Символичность

Образный 0,746

Художественный 0,716

Возвышенный 0,652

Символический 0,601

Таким образом, по рассмотренным четырем критериям текст с нейтральной позиции воспринимается как сильный, достаточно нейтральный по оценке, активный и не символический, т.е. не образный, нехудожественный. Текст с позиции автора характеризуется отрицательной оценкой (*жесткий, грубый, агрессивный*), является несильным и пассивным. Текст с позиции реципиента оценивается как *спокойный, приятный, светлый*, но слабый и неактивный, примитивный и наивный и в то же время образный и художественный. Можно сделать вывод, что восприятие одного и того же текста зависит от цели коммуникации.

5. **Сложность** (*легкий, гармоничный, с отрицательным знаком изоощренный, сложный*)

Фактор сложность является биполярным: на положительном полюсе шкалы *легкий* и *гармоничный*, на противоположном *изоощренный* и *сложный*.

Текст с нейтральной позиции располагается на положительном полюсе, т.е. воспринимается как *легкий* и *гармоничный*. Текст с позиции автора на противоположном полюсе, т.е. *изоощренный* и *сложный*, что можно объяснить опять же внутренним несогласием с позицией реального автора.

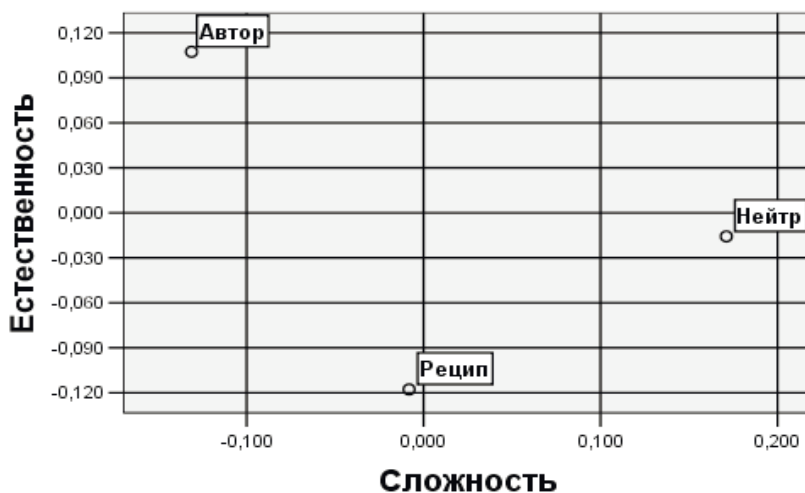

Рис.3

6. Естественность (*естественность, натуралистичность, открытый*)

Текст с нейтральной позиции занимает нейтральную позицию, но по фактору **естественность**. Текст с позиции реципиента оценивается как наименее естественный и натуралистичный, что можно объяснить противодействием манипулированию сознанием реципиента. Более естественным и открытым воспринимается текст с позиции автора.

Естественность

Естественный 0,782

Натуралистический 0,670

Открытый 0,505

Сложность

Легкий 0,688

Изощенный -0,592

Сложный -0,532

Гармоничный 0,399

7. Романтичность (*романтичный, изысканный*)

На Рис.4 отображено семантическое пространство факторов **романтичность / динамичность**.

По фактору романтичность с позиции автора и с позиции реципиента текст воспринимается как более *романтичный* и *изысканный*, чем с нейтральной позиции. Вероятно, необходимость оценить текст в репертуарном режиме создает необычный ореол при восприятии текста. С нейтральной позиции респонденты этих качеств не отмечают.

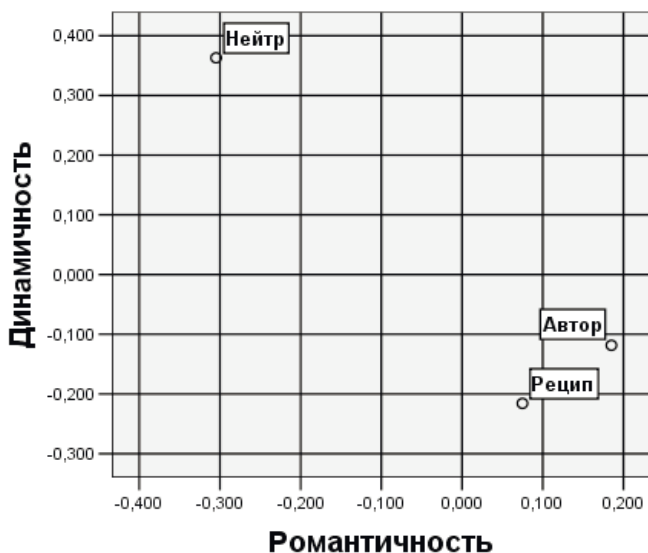

Рис.4

8. Динамичность (*живописный, ироничный, красочный, динамичный, яркий*)

Как видно из рисунка, наиболее динамичным и в то же время наименее романтичным респонденты посчитали текст с нейтральной позиции. Это хорошо согласуется с оценками текста по факторам **сила, активность, символичность**

и оценка. Тексты с позиции автора и с позиции реципиента по фактору **динамичность** располагаются на отрицательном полюсе, что также согласуется с вышеперечисленными факторами.

Динамичность

- Ироничный 0,755
- Живописный 0,697
- Динамичный 0,545
- Красочный 0,552
- Яркий 0,410

Романтичность

- Романтичный 0,824
- Изысканный 0,742

9. Обычность (*холодный, сухой, обыкновенный*)

На Рис.5 видно, что текст с нейтральной позиции и с позиции автора воспринимается как наиболее обычный, а текст с позиции реципиента воспринимается более эмоционально. Возможно, это связано с тем, что в позиции реципиента респонденты чувствуют энергичную попытку регулирования своего сознания автором реального текста.

10. Искренность (*самобытный, интимный, искренний*)

Что касается фактора **искренность**, то здесь текст с позиции автора воспринимается противоположным образом с нейтральной позиции. Респонденты с позиции автора не могут воспринимать текст автора как самобытный и искренний. С позиции реципиента текст воспринимается несколько необычным, но нейтрально по фактору **искренность**, т.к. искренность реального автора не всегда можно точно оценить.

Искренность

- Самобытный 0,711
- Интимный 0,556
- Искренний 0,427

Обычность

- Холодный 0,784
- Сухой 0,580
- Обыкновенный 0,505

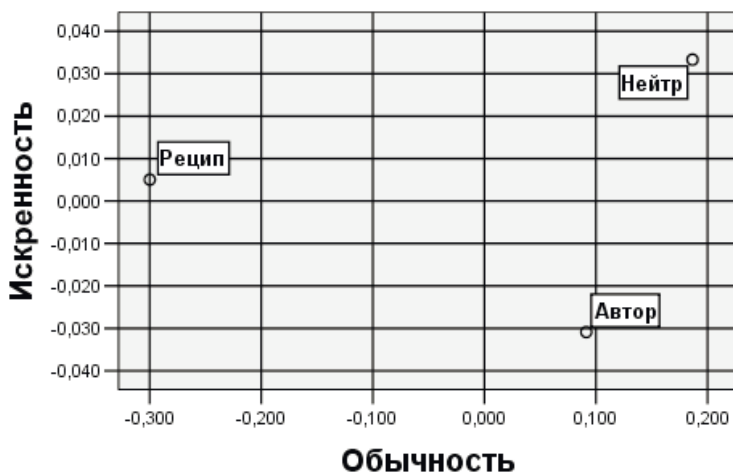

Рис.5

Выводы

В Таблице №1 представлены все семантические пространства, построенные по данным психосемантического эксперимента.

Таблица №1

Факторы	<i>Текст с нейтральной позиции</i>	<i>Текст с позиции автора</i>	<i>Текст с позиции реципиента</i>
1.Оценка	жесткий, грубый, агрессивный	спокойный, приятный, светлый	спокойный, приятный, светлый
2.Сила	сильный	примитивный, наивный шаблонный, слабый	примитивный, наивный шаблонный, слабый
3.Символичность	необразный, нехудожественный, несимволический не возвышенный	необразный, нехудожественный, несимволический не возвышенный	образный, художественный, символический возвышенный
4.Активность	активный, понятный, четкий, выразительный	неактивный, непонятный, нечеткий, невыразительный	нейтральная оценка
5.Сложность	легкий, гармоничный	изощенный, сложный	нейтральная оценка
6.Естественность	нейтральная оценка	естественный, открытый натуралистический	неестественный, неоткрытый ненатуралистический
7.Романтичность	неромантичный, неизысканный	романтичный, изысканный	романтичный, изысканный
8.Динамичность	живописный, красочный, ироничный, яркий, динамичный	неживописный, некрасочный, неироничный, неяркий, нединамичный	неживописный, некрасочный, неироничный, неяркий, нединамичный
9.Обычность	холодный, сухой, обыкновенный	холодный, сухой, обыкновенный	нехолодный, не сухой, необыкновенный
10.Искренность	самобытный, интимный, искренний	несамобытный, не интимный, неискренний	нейтральная оценка

Текст имеет русофильскую направленность (он принадлежит перу Н.С. Михалкова), с ним идентифицируют себя не все респонденты. Это объясняет противоречия категоризации с позиции автора по факторам **оценка, активность, сложность, динамичность, искренность**.

Н.С. Михалков настаивает на ценности вековых традиций, на активном утверждении традиционного для русской культуры права и морали, активно противопоставляя их важности самовыражения «меньшинств» и мультикультурализму. Респондентам такая позиция не близка. Они не готовы идентифицировать свою авторскую позицию с позицией автора текста.

Респондент в позиции реципиента позиционирует себя в качестве объекта воздействия и воспринимает весь текст как средство регулирования своего внутреннего и внешнего поведения.

Проведенный анализ позволяет сделать выводы, что понимание речевого сообщения фундаментальным образом зависит от позиции испытуемого в экспериментальной ситуации. Позиция нейтрального наблюдателя не индуцирует ярко выраженных оценок содержания. Оценки испытуемого с нейтральной позицией отображают только конфигурацию содержания текста. Занятие активной позиции автора и реципиента провоцирует испытуемых на проявление своих личностных позиций по отношению к социально значимому содержанию текста реального автора. В качестве активных участников процесса речевого общения они идентифицируют себя с субъектом (позиция автора) и объектом (позиция реципиента), что создает активную установку на восприятие содержания текста, которое не совпадает с их жизненной позицией. Жесткая риторика реального авторского текста не позволяет им идентифицировать себя с излагаемой позицией реального автора. В этом, вероятно, кроется идентичность оценок по факторам оценка и сила. Аналогичным образом можно интерпретировать совпадение оценок испытуемых по факторам романтичность и искренность. Позиция реального автора, по всей вероятности, не позволяет испытуемым идентифицировать себя с этой позицией в качестве автора и реципиента.

Литература

Нистратов А.А., Тарасов Е.Ф. Контрастивное исследование лексики с социально сконструированным значением. // Сб. Контрастивные исследования языков мира. Вып. III. М., 2009. С.161-171.

Нистратов А.А., Тарасов Е.Ф. Психосемантический эксперимент как инструмент анализа смысла и значения слова//Вопросы психолингвистики. 2017. № 2 (32). С.124-134.

Нистратов А.А., Тарасов Е.Ф. Аксиологические аспекты языкового сознания в эпоху глобализации//Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Кн.1. М. М.: Наука, 2014. С.164-180.

Нистратов А.А., Тарасов Е.Ф., Харченко Е.В. Репрезентация ценностей в языковом сознании у трех поколений русских: 20-и, 40-а и 60-и лет//Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Кн.3. М. М.: Наука, 2017. С. 417-437.

Тарасов Е.Ф. Онтологические предпосылки теории речевого общения // Вопросы психолингвистики. 2017. № 2 (32). С.160–167.

Тарасов Е.Ф. Соотношение деятельности и общения//М.А. Брагина, В.В. Дронов, Н.А. Красс, В.П. Синячкин, Е.Ф. Тарасов Лингвокультуроведческие аспекты формирования языкового сознания иностранных студентов в процессе изучения русского языка. М.: РУДН, 2008, - 347 с.

Тарасов Е.Ф., Ощепкова Е.С., Нистратов А.А. Методологические и теоретические проблемы анализа образа России//Языковое сознание: парадигмы исследования. М. – Калуга: 2007, С. 53-65.

Харман Т. Современный факторный анализ. М, 1972. 412 с.

Carroll J.D. A review of the measurement of meaning language. 1959, 35. P.58-77.

Osgood Ch. Studies on Generality of affective meaning system. – Amer. Psychol., 1962, v. 17, P.10-28.

Osgood C.E., Ware E.E. & Morris C. “Analysis of the connotative meaning of a variety of human values as expressed by American college students”. J. abnorm. soc. Psychol., 1961, 62, P. 62-73.

Osgood Ch., Suci G.J., Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. Urbana, 1957. 342 p.

Osgood C.E. Semantic space revisited. Word, 1959, 15. P.195-200.

CORRELATION BETWEEN TEXT PERCEPTION AND PERSON'S COMMUNICATIVE POSITION

Alexandr A. Nistratov

Researcher

Faculty of Psychology, Moscow State University

Moscow, Mokhovaya ul.

a.nistratov@mail.ru

Evgeniy F. Tarasov

Head of Psycholinguistics Department

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

1/1 B. Kislovskiy per., Moscow, Russian Federation, 125009

eft35@mail.ru

The article describes the experimental verification of the hypothesis that communicators' positions towards the produced and perceived texts (the positions of the author, recipient and neutral observer) determine their perception of the text. In this experiment, the method of semantic differential was used and meaningful interpretation was given to the constructed semantic spaces.

The subject of the experiment acting as the author of the text finds him/herself the subject of the speech interaction, while the recipient's position induces creation of the object's image, and the neutral position confuses the subjects.

This article proves the possibility of reviewing a communicative act in additional models, understanding of which can provide us with a full image, being a combination of models depicting the communication act as their *их* ontological property.

Depicting a communicative act as three additional models provides us with an opportunity to make their phenomenological vision closer to the ontologically relevant understanding of the speech act.

Additional communication models reflect speech communication as the speech activity depicted by the actory scheme (subject – object), when each communicator, considering him/herself to be the subject of the speech utterance, regulates both internal (consciousness and thinking) and external behavior (speech) of his interlocutor, considering him to be the object of his or her speech utterance

It is worth taking into account that common activity (depicted as a complex of added models) is the initial form of human activity before analyzing common activity.

Keywords: semantic spaces, categorization, speech communication, semantic differential, psychosemantic experiment

References

Nistratov A.A., Tarasov Ev.F. Kontrastivnoye issledovaniye leksiki s sotsial'no skonstruirovannym znacheniyem [Contrastive study of vocabulary with socially constructed meaning] // Sb. Kontrastivnyye issledovaniya yazykov mira. Vyp. III. M., 2009. (In Russian)

Nistratov A.A., Tarasov Ev.F. Psikhosemanticheskiy eksperiment kak instrument analiza smysla i znacheniya slova [Psychosemantic experiment as a tool for analyzing the meaning and meaning of a word] // Voprosy psikholingvistiki. 2017. № 2 (32). (In Russian)

Nistratov A.A., Tarasov Ev.F. Aksiologicheskiye aspekty yazykovogo soznaniya v epokhu globalizatsii [Axiological aspects of language consciousness in the era of globalization] // Aktual'nyye etnoyazykovyye i etnokul'turnyye problemy sovremennosti. Kn.1. M.:Nauka, 2014. –pp.164-180.

Nistratov A.A., Tarasov Ev.F., Kharchenko Ye.V. Reprezentatsiya tsennostey v yazykovom soznanii u trekh pokoleniy russkikh: 20-i, 40-a i 60-i let [Representation of values in the linguistic consciousness of three generations of Russians: 20, 40, and 60 years old] // Aktual'nyye etnoyazykovyye i etnokul'turnyye problemy sovremennosti. Kn.3. M.:Nauka, 2017. - pp. 417-437 (In Russian)

Tarasov Ev.F. Ontologicheskiye predposylki teorii rechevogo obshcheniya [Ontological background of the theory of speech communication] // Voprosy psikholingvistiki. 2017. № 2 (32). (In Russian)

Tarasov Ev.F. Sootnosheniye deyatelnosti i obshcheniya [The ratio of activities and communication] // Bragina M.A., Dronov V.V., Krass N.A., Sinyachkin V.P., Tarasov Ye.F. Lingvokul'turovedcheskiye aspekty formirovaniya yazykovogo soznaniya inostrannykh studentov v protsesse izucheniya russkogo yazyka. M.: RUDN, 2008, (In Russian)

Tarasov Ev.F., Oshchepkova Ye. S., Nistratov A.A. Metodologicheskiye i teoreticheskiye problemy analiza obraza Rossii. [Methodological and theoretical problems of analyzing the image of Russia] // Yazykovoye soznaniye: paradigmnyye issledovaniya. M. – Kaluga, 2007. (In Russian)

Kharman T. Sovremennyy faktornyy analiz. [Modern factor analysis] M, 1972. 412 p.

Osgood Ch. Studies on Generality of affective meaning system. — Amer. Psychol., 1962, v. 17. p.10–28.

Osgood C.E., Ware E.E. & Morris C. “Analysis of the connotative meaning of a variety of human values as expressed by American college students”. J. abnorm. soc. Psychol., 1961, 62, P. 62-73.

Carroll J.D. A review of the measurement of meaning language, 1959, 35. p.58-77.

Osgood Ch., Suci G. J., Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. Urbana, 1957. 342 pp.

Osgood C.E. Semantic space revisited. Word, 1959, 15. P.195-200. **DOI: 10.30982/2077-5911-2018-4-112-119**

**МУЗЫКАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ
ИНТОНАЦИОННЫХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА
(психолингвистическое исследование)**

Петроченко Елена Викторовна

к. филол. н., доцент Воронежского государственного университета
394006, г. Воронеж, Университетская площадь, 1
petrochenko@mail.ru

Статья посвящена проблеме исследования музыкальной составляющей интонации языка. Осуществляется попытка доказать, что значимые единицы интонации – интоны – имеют непосредственное отношение к параметрам музыки как системы, сформированной и сосуществующей в перцептивной базе человека. Тон как ведущий компонент надсегментного уровня языка является музыкальным с точки зрения его физической природы, законов психоакустики и психологии слуха. Интонирование высказывания посредством тона голоса – это психический процесс функционирования языкового сознания, транслирующего мелодическую основу речи. Музыкальная характеристика речи на данном конкретном языке является психолингвистической сущностью. Целью нашей работы было выявление значимости тонально-музыкального параметра речи на уровне восприятия носителя языка. В статье описывается опыт получения сведений о лингвистическом статусе музыкального свойства речи. Применялся аудитивный метод специализированного перцептивного анализа и психолингвистического эксперимента. Полученные данные позволяют предполагать, что в языковом слухе функционируют *тональные (музыкальные) эталоны* единиц интонации.

Ключевые слова: интонация, музыка языка, восприятие, психолингвистика, интонационная единица, перцептивная база, перцептивный анализ

Введение

Слух человека неразрывно связан с восприятием языка и музыки, что во многом объясняется сходной физической и физиологической природой музыкальных и речевых элементов (Л.А. Чистович, Л.В. Златоустова). То, что «фактически все языки являются тоническими не только в фонационном, но и функциональном отношении (музыкальными)» [Вааракс 1964: 59], означает, что они (языки) интонируются. *Интонирование* как «форма первичной психической активности» включена во все функции психики, языковое мышление и сознание [Торопова 2014: 73]. Процесс порождения речи представляется в виде комплекса когнитивных операций программирования [Ахутина 1989]. Особый интерес в нем вызывают механизмы ритмико-интонационного уровня. Есть мнение, что экстериоризация просодической, прежде всего, *ритмико-мелодической*, программы оформления звучащей речи происходит параллельно с процессом формирования синтаксических структур [Veličkova 2007: 5]. Протекание процесса речепорождения (как и речевосприятия) от нас скрыто, «эта область характеризуется самым высоким

уровнем автоматизации, и, следовательно, выбор и реализация единиц происходит бессознательно» [Величкова и др. 2001: 4]. Лингвиста-интонолога в перцептивном процессе прежде всего должны интересовать не сами интонационные единицы в их акустических параметрах, а *реакции* на них, то есть *оценка* этих единиц носителями языка.

Музыкальный характер речевого слуха

Восприятие интонации – довольно сложное явление, обусловленное не только физическими характеристиками звуков, но и целым рядом других (осознаваемых и неосознаваемых) факторов: контекстом общения, смыслом текста, языковым опытом слушателя [Артёмов 1960: 465]. В многомерном параметре «интонация», как представляется, свою роль выполняет музыкальная сущность основного тона, не осознаваемая в ситуации обычного речевосприятия. Доказательством же того, что она всё же воспринимается, служит такое известное явление, как имитация.

Язык и музыка воспринимаются одними и теми же механизмами [Джапаридзе 1985: 53]. Логично допустить, что интонационная единица одновременно входит в две системы – языковую и музыкальную (ладовую).¹ Музыкальный слух в принципе выработался на основе восприятия речевых звуков (А.А. Леонтьев). И тогда следует полагать, что антропологически глубинная связь с ладом в «интонирующем сознании» (термин А.В. Тороповой) существует в *перцептивной* базе носителя языка. Является ли звуковой образ интономы одновременно и «музыкальным эталоном», то есть входят ли в эталон интономы признаки ее ладомызыкальной составляющей – вопрос нашего исследования.

Ядро системы составляют интономы с основными значениями коммуникативных типов предложений. Идентифицирующая работа языкового слухового анализатора (процесс неосознаваемый) состоит в *сравнении* воспринимаемых звучаний с музыкальными эталонами ладовых тяготений. Так, завершение высказывания вызывает ощущение «устоя» или же «неустоя», когда слух ожидает продолжения фразы. В первом приближении удалось наметить музыкальную (ладовую) модель интонации языка [Петроченко 2001], которую следовало проверить экспериментально.

Психолингвистический эксперимент

Зона эталонов речевых интонаций и зона музыкальных эталонов сосуществуют параллельно. Их функции в повседневной жизни человека довольно четко разграничены. Активизацию одной из зон может вызывать ситуация эксперимента через установку, когда восприятие переводится с уровня подсознания на уровень сознания. Получить сведения о восприятии «музыки» фразы возможно в первую очередь от музыкантов. На основе их данных затем строился эксперимент с другими группами испытуемых без использования нотной записи.

Приняв *гипотезу* о различении на уровне восприятия речевой интонации *ладотональной формы* – «музыки» языка, мы хотели получить практическое подтверждение данного предположения. Первый опыт состоял в получении

¹ Уточним, что речь идет о системе лада, системе западноевропейского музыкального мышления: семиступенной диатонической парадигме взаимосвязанных тонов, свойственной нашему языковому сознанию.

экспериментального материала, корректного с точки зрения психологии слухового восприятия, физиологии вокального голоса и лингвистики для предъявления группе испытуемых.

Материалом эксперимента служили русские аутентичные фразы, а именно фрагменты речи из телеинтервью. Вырезанные из них конечные синтагмы (межпаузальные группы) представляли интонационно законченные высказывания, в которых однозначно реализовался дифференциальный признак коммуникативного типа. Рассматривались три интономы, соотносимые с интонационными конструкциями русского языка, выделенными Е.А. Брызгуновой (1977).

Примеры на коммуникативные типы высказываний:

- 1) .../ и я приехал / [и ээ сдал экзамены] (Сообщение, повествование, ИК-1, по Е.А. Брызгуновой).
- 2) .../ [а нельзя было скрыть] (Вопрос общий, ИК-3).
- 3) .../ что касается языка [это жуткая работа] (Подчеркнутое утверждение, смысловое выделение или эмфаза, ИК-2).

С помощью 7 профессиональных музыкантов был произведен перцептивный анализ 30 звучащих речевых фраз, в результате которого они были переведены в нотную транскрипцию (Схема 1).

и я при е-хал [и ээ сдал эк-за-ме-ны]

Схема 1. Пример музыкальной нотации речевой фразы (Фраза 1).

Частичная перепроверка была осуществлена другими 3 экспертами. Единицы с наибольшим процентом совпадения в нотации составили корпус следующего этапа эксперимента (всего 10 фраз). Нотные изложения 10 фраз были воспроизведены двумя музыкантами голосом без артикуляции (приемом пения с закрытым ртом)². *Чисто музыкальная* (ладотональная) структура звучащей фразы, «очищенная» от вербальной составляющей и других просодических компонентов, служила в условиях психолингвистического эксперимента интонационным сигналом речевой фразы. Важно отметить, что результаты эксперимента с группой музыкантов подтверждают мысль о психолингвистическом характере выявляемых структур и параметров речи как на этапе перцептивного анализа речи, так и на этапе вокальной реализации речевых фраз.

Во втором эксперименте предстояло выяснить, имеет ли выявленная музыкальная структура значение коммуникативного типа предложения (повествование, вопрос, подчеркнутое утверждение или эмфатическое высказывание) в системе родного языка. Этот этап виделся существенным

² Нотные изложения транспонировались в удобную для музыканта-вокалиста тональность.

и наиболее проблемным, в нем выяснялась возможность различения единиц интонации родного языка по *музыкальной форме* фразы: может ли слух человека принять решение о коммуникативной направленности фразы, пропетой без слов. Весьма ценной являлась реакция участников эксперимента на всех его этапах. *Вокальные* варианты фраз были составлены в пары по трем интонационным оппозициям (Таблица №1).

Первый сеанс на восприятие проводился с вербальной опорой. Фразы предъявлялись испытуемым в случайном порядке с небольшим перерывом. В протоколе условным знаком отмечалась фраза, которой, по мнению испытуемого, принадлежал звучащий вокальный вариант. В эксперименте приняли участие различные категории носителей языка: студенты и преподаватели гуманитарных факультетов ВГУ и ВГПУ (112 человек), а также другие категории информантов (34 человека).

Таблица №1

Экспериментальный корпус

интонационные оппозиции	тексты минимальных пар, речевые фразы*	коммуникативный тип искомой единицы
1. Законченное сообщение / вопрос	[да вот ээ в первой шайке] [Ваша / формула счастья] [итак, я начну]	? . ?
2. Законченное сообщение / подчеркнутое утверждение	[и я приехал / и ээ сдал экзамены] [он ээ / обожал брата] [не стоит / это повод] [то есть / это счастье]	. ! ! .
3. Подчеркнутое утверждение / вопрос	[так и правили] [так сказать, / не чувствительно] [а нельзя было скрыть]	! ! ?

*Примечание. В протоколе тексты были представлены в орфографии, но без знаков пунктуации.

Следует отметить, что выполнение задания не вызывало у испытуемых никаких негативных реакций и видимых затруднений, о чем свидетельствовала высокая частотность *верных* идентификаций (от 83% до 96% по отдельным парам текстов). В ряде пар повторялись *ошибочные* решения. Так, не опознавался вопрос «Итак, я начну?», или, наоборот, повествование «То есть, это счастье» иногда воспринималось как восклицание. Подчеркнутость (эмоциональность) во фразе «Так сказать, не чувствительно!» почти у 18% испытуемых получила

оценку вопросительности. В целом данный эксперимент выявляет определенную долю релевантности музыкальной структуры высказывания, которая гарантирует высокую надежность противопоставления видов интонации родного языка, соответствующих основным коммуникативным типам.

Представляло интерес выяснить, воспринимает ли ухо «вокальный вариант» как *речевое* высказывание, а именно как его *музыкальный* аналог, если исключить из протокола лексическую опору, соотносит ли речевой слух «вокальный вариант» с высказыванием определенного коммуникативного типа, сохранится ли направление ошибок, если заменить вербальный сегмент названием коммуникативных типов высказывания. С целью получить ответы на эти вопросы отдельно был проведен 2-й сеанс (через 3 недели).

Оказалось, что в результате «усложнения» задания даже сравнительно высокий по отдельным парам текстов процент *ошибочных* решений (более 10%), был значительно снижен. Без лексической опоры все виды интонации (типы предложений) идентифицировались испытуемыми достаточно однозначно.

Таким образом, результаты двух сеансов опознавания коммуникативного типа высказывания, иначе – интонационного значения в «чистом» виде, очередной раз свидетельствуют о наличии многих факторов – семантических, грамматических и фонетических, – влияющих на восприятие речевой интонации. Так, в тексте «*Ваша формула счастья*» неадекватная реакция на интонационную форму, видимо, была обусловлена маркером грамматического плана (местоимением «Ваша»), «подсказывающим» вопросительность семантики. В тексте «*То есть это счастье*» лексема с эмоционально-оценочным коннотатом могла повлиять на решение слушающего. Неоднозначное восприятие фразы «*Так сказать, не чувствительно!*» мы склонны отнести за счет фонетического фактора. Смешение двух видов интонации, вопроса и подчеркнутого утверждения, объясняется аналогичной формой мелодического контура – восходяще-нисходящего. Без лексической «поддержки» данный мотив чаще распознавался как эмфатическое утверждение, что доказывает автономность мелодической составляющей для речевого слуха.

Выводы

Процесс восприятия реципиентом прозвучавшего высказывания скрыт от нас, мы не знаем, какие механизмы были задействованы в нем, какие *единицы* языка были услышаны реципиентом и «судим о них (единицах) лишь по реакциям, связанным с ними» [Джапаридзе 1985: 21]. Исследователи регулярно подчеркивают принципиальную воспринимаемость *тонального* компонента интонации. В настоящей работе представлены результаты опытов по восприятию *музыкальной* составляющей интонации языка. Тоны речевой единицы (еще не ясно, в каком количественном составе и какой сочетаемости), по всей вероятности, вызывают привычную тональную реакцию, направляемую и контролируруемую интонемическим языковым слухом. Мы предлагаем считать эту реакцию также *ладовой*, возникающей на основе *апперцепционной музыкально-ладовой системы*, системы свойственной западноевропейскому музыкальному мышлению. Этап эксперимента с группой музыкантов подтверждает это положение.

Отсутствие музыкальной грамоты у других категорий испытуемых не только не ставит под сомнение данное положение, а скорее, наоборот, усиливает его

релевантность. Полученные данные о восприятии испытуемыми *музыки* речевого высказывания свидетельствуют о наличии в его материальной форме тональной структуры, соотносимой в языковом сознании с коммуникативным типом высказывания. «Вокальный вариант» речевой фразы обладает дифференцирующими возможностями в разграничении видов интонации, что подтверждает нашу гипотезу о наличии музыкально-ладовой структуры в речевой фразе и свидетельствует о релевантности данной характеристики на уровне восприятия. Каждый из видов интонации (коммуникативный тип высказывания) имеет свою музыкальную структуру или некий *ладовый код*. Следовательно, ладовая структура может играть роль в принятии решения о коммуникативной установке фразы. В нашем опыте по музыкальной характеристике носитель языка опознавал коммуникативный тип высказывания, процент правильных идентификаций составил от 83% до 96%. Естественная и адекватная реакция испытуемых на певческое (вокальное) звучание единиц языка выступает психолингвистическим фактором сенсорной системы человека.

Музыкальный план *высказывания* выражает целый ряд важнейших лингвистически значимых интонационных значений: завершенность (повествование), вопросительность, эмоциональная подчеркнутость (выделенность, эмфаза). Не следует ли из этого, что музыкально-ладовая структура речевого высказывания является *психолингвистической единицей*, или музыкальный параметр речевой единицы как минимум является *психолингвистической категорией*?

Можно утверждать, что каждая единица интонации имеет свою музыкально-ладовую структуру, которой она противопоставлена другим интонам (коммуникативным типам) в системе родного языка. Неоднозначная идентификация могла быть вызвана рядом факторов: семантических, грамматических и фонетических, а также уровнем совершенства перцептивной базы (в понимании З.Н. Джапаридзе и И.А. Зимней) в том смысле, что воспринимаемые звучания попадают не в «зоны идентичности», а в «зоны сходства» с эталоном и могут пересекаться друг с другом. Показательно то, что те же единицы без лексической опоры опознавались значительно лучше.

Психолингвистические опыты в структурном (фонологическом) подходе к интонации [Величкова и др. 2001; Петроченко 2001] свидетельствуют о функционировании в языковом сознании единиц интонации, о которых далеко не всё известно. Полученные результаты свидетельствуют о наличии «музыкального» аспекта высказывания. Языковой слух использует механизмы перцептивной базы, одним из которых выступает тональный (ладовый) слух, которым обладает любой носитель языка.

Литература

Абакумова О.В., Бердникова О.В., Величкова Л.В., Петроченко Е.В. Интонация и языковое сознание: психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. 154 с.

Ахутина Т. В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 1989. 216 с.

Артёмов В.А. Восприятие речи в зависимости от ее физических свойств, языковых особенностей и отношения воспринимающего лица // Экспериментальная фонетика и психология речи / Ученые записки 1-го МГПИИЯ. 1960. Т. XX. С. 461-468.

Вааракс П.К. Тонические средства речи. Исследования по синтагматической фонетике // Труды Таллинского политехн. инст-та. сер. Б. 1964. № 10. 196 с.

Величкова Л.В. Попытка психолингвистических характеристик языковых единиц // Коммуникативные и прагматические компоненты в лингвистическом исследовании. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1995. С. 11-16.

Джанапиридзе З.Н. Перцептивная фонетика. Тбилиси: Мецниереба, 1985. 118 с.

Петроченко Е.В. Характеристика интонационных единиц по их соотношенности с музыкально-ладовой структурой: на материале русского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 231 с.

Торопова А.В. Феномен интонирования как антропологический ориентир сохранения и воспроизведения облика человека определенной культуры // Вестник ПСТГУ. IV. Педагогика. Психология. 2014. Вып. 3 (34). С. 72-84.

Veličkova, L. (2007). Phonologische und psycholinguistische Probleme des Ausspracheunterrichts. Zeitschrift für interkulturellen Fremdsprachenunterricht, 12:2, 17 p. (online). <http://tujournals.ulb.tu-darmstadt.de> (дата обращения: 01.02.2018).

THE MUSICAL COMPONENT OF INTONATION UNITS IN LANGUAGE (A PSYCHOLINGUISTIC STUDY)

Elena V. Petrochenko

PhD, Associate Professor

Voronezh State University

1, Universitetskaya ploshchad, Voronezh 394006

petrocenko@mail.ru

The article considers the issue of studying the musical component of language intonation. An attempt is taken to prove that tonemes, i.e. meaningful units of intonation, are directly related to characteristics of music as a system formed in and correlated to the human perceptual basis. As the major component of suprasegmental level of language, the tone is considered musical due to its physical nature, the laws of psychoacoustics and psychology of listening. Phrase toning is a psychic process of language cognition functioning to translate the tonic basis of speech. Musical characteristics of speech of a language represent a psycholinguistic entity. The present research was aimed at testifying the significance of the tonic-musical parameter of speech as perceived by a native speaker. The article describes the experience of obtaining data that prove linguistic status of musical property of speech. During the study, the following methods were applied: the auditory method of specialized perceptual analysis and the method of psycholinguistic testing. The findings suggest that tonic, or musical samples of intonation units do function in linguistic hearing.

Keywords: intonation, language music, perception, psycholinguistics, intonation unit, perception basis, perception analysis

References

Abakumova O.V., Berdnikova O.V., Velichkova L.V., Petrochenko E.V. (2001) Intonacija i jazykovoje soznanije: psiholingvističeskoe issledovane [Intonation and Language Cognition: Psycholinguistic Research]. Voronezh, VGU. 154 P. Print. (In Russian)

Ahutina T.V. (1989) Porozhdenie rechi. Nejrolingvističeskij analiz sintaksisa [Speech Generation: Neurolinguistic Syntax Analysis]. Moscow: Izdatel'stvo MGU. 216 P. Print. (In Russian)

Artjomov V.A. (1960) Vosprijatie rechi v zavisimosti ot jejo fizičeskikh svojstv, jazykovykh osobennostej i otnoshenija vosprinimajushhego lica [Perception of Speech Defined by its Physical Properties, Linguistic Peculiarities and the Listener's Attitude] // Eksperimental'naja fonetika i psihologija rechi [Experimental Phonetics and Speech Psychology] / Uchonye zapiski 1. Moskovskogo gos.instituta inostrannykh jazykov M. Toreza [Proceedings of Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages]: Vol. XX: 461–468. Print. (In Russian)

Vaarak P.K. (1964) Tonicheskie sredstva rechi. Issledovanija po sintagmatičeskoj fonetike [Tone Features of Speech. Syntagmatic Phonetics Studies] // Trudy Tallinskogo politehnicheskogo instituta [Proceedings of Tallinn Polytechnic Institute]. Vol. Б. (10). 196 P. Print. (In Russian)

Velichkova L.V. (1995) Popytka psiholingvističeskikh harakteristik jazykovykh edinic [An Attempt at Psycholinguistic Description of Language Units] // Kommunikativnye i pragmatičeskie komponenty v lingvističeskom issledovanii [Communicative and Pragmatic Components in a Linguistic Study]: 11-16. Voronezh: Izdatel'stvo VGU. Print. (In Russian)

Dzhaparidze Z.N. (1985) Perzeptivnaja fonetika [Perceptive Phonetics]. Tbilisi: Mecniereba. 118 P. Print. (In Russian)

Petrochenko E.V. (2001) Harakteristika intonacionnykh edinic po ih sootnesennosti s muzykal'no-ladovoj strukturoj: na materiale russkogo i nemeckogo jazykov [Intonation Units Description According to their Correlation to Tonal System: Based on Russian and German]: dis... kand. filol. nauk [PhD Thesis]. Voronezh. 231 P. Print. (In Russian)

Toropova A.V. (2014) Fenomen intonirovanija kak antropologičeskij orientir sohraneniya i vostproizvedeniya oblika čeloveka opredeljonnoj kul'tury [Intoning as an Anthropological Guide to Preservation and Reproduction of the Image of a Person of a Certain Culture] // Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta, Vypusk IV. Pedagogika. Psihologija [Proceedings of Saint Tikhon's Orthodox University of the Humanities. Pedagogy. Psychology]: IV: 72-84. Print. (In Russian)

Velichkova, L. (2007). Phonologische und psycholinguistische Probleme des Ausspracheunterrichts. Zeitschrift für interkulturellen Fremdsprachenunterricht, 12:2, 17 P. Web: URL:<http://tujournals.ulb.tu-darmstadt.de> (Retrieval date: 01.02.2018).

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

УДК 159'92. 81'442

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-4-120-136

ЗВУКОВОЙ СИМВОЛ «МАМА» В СИНХРОНИЧЕСКОМ И ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Зельдин Анатолий Евсеевич

Департамент управления
Государственной службы, Израиль
anatolyz@moia.gov.il

Феномен глобального распространения лексемы «мама» как базовой в семантическом поле так называемых парентальных терминов рассматривается как производное физиологии речевого акта на самых ранних стадиях реализации языковой способности (*langage* в де-соссюрской лингвистике). Важнейшую роль в появлении как лексемы 'mama', так и семантически и фонологически сходных с ней, играет социум и окружающая среда. Высказано предположение о формировании семантического поля и образовании смежных полей путем метафорического дрейфа при речевом взаимодействии *младенец – взрослый член социума*, а также пополнении базового лексикона. Указанная тенденция имеет универсальный характер, что демонстрируется примерами из многих неродственных языков, которые относятся более чем к 80 языковым семьям (по версии Ethnologue, XVI изд.). Можно считать, что глобальное распространение указанной тенденции в синхроническом плане при сохранении общей семантики и фонологического контура имеет диахронический базис, в основе чего лежит не только физиология речи, но младенческая когнитивная психология, неизменная в общекультурном масштабе. Отмеченный феномен может служить подтверждением принципа проявления филогенеза языка в онтогенезе.

Ключевые слова: языковые универсалии, парентальные термины, десигнат, детский язык, фонологический контур, назальные фонемы, метафорический перенос, семантическое поле

1. МАМА – семантика и фонология

Целью настоящего исследования является рассмотрение процесса зарождения речи у младенца и влияние просодии первичной речевой стадии в онтогенезе на формирование лексикона с точки зрения лексических универсалий.

Поиск и систематизация языковых универсалий, а также их статистическая обработка могут быть использованы не только для типологической и ареальной классификации, но и в теории лингвогенеза – происхождения и эволюции человеческого языка. Подобные предположения можно обосновать универсальностью физиологии вокализма и человеческой психологии («...крупнейшие антропологи на протяжении последних 50 лет были единодушны в том, что разные народы мыслят едиными категориями» [LePan 1989] (цит. по: [Wierzbicka 1994: 2])).

Диахроническая лингвистика придает особое значение парентальным терминам. При восстановлении протоформ той или иной языковой семьи считается

само собой разумеющимся фонологическое сходство данных лексем, характерных для детской речи [Claiborne 1990; Hoad 1993; Pokorny 195; Rédei 1988; Фасмер 2007], и, соответственно, по ним не следует судить о генетическом родстве языковых семей. Сводеш также не включил эти лексемы в список 100 слов, составляющий базовый корневой фонд любого языка, подразумевая наличие схожего фонологического контура само собой разумеющимся [Swadesh 1955].

Довольно характерно в этой связи мнение Л. Кэмпбелла: «на протяжении нескольких столетий сформировалось мнение, что младенческие созвучия, так называемые *Lallwörter* (слова типа мама-нана-папа-дада-кака)... в самых разных языках мира звучат очень похоже, но эту схожесть никак нельзя отнести к общему происхождению. Среди этих терминов следует выделить формы ‘мать’, ‘отец’, ‘бабушка’, ‘дед’, а также зачастую ‘брат’, ‘сестра’ (особенно старшие), ‘тетя’ и ‘дядя’» [Campbell 1997, 228]. Или, согласно другому автору, во многих языках мира можно найти рудименты ‘шести слов-архетипов - лексем младенческого языка: мама, нана, папа, баба, тата, дада’ [Lewis 1951: 33].

Принято считать, что фонологический контур лексем данного класса лексики (билабиальный назаль *m-/n-* или билабиальный аффрикат *p-/b-* плюс гласный нижнего подъема, как правило, восходят к «сосанию новорожденного», по выражению Р. Якобсона [Biasi et al. 2016; Jacobson 1960; Traunmüller 1996; Wichmann et al. 2010]. Иными словами, это явление можно рассматривать как форму ономотопеи – подражание звукам, сопровождающим младенческое кормление, или, по крайней мере, в той форме, как эти звуки воспринимаются ближайшим социумом. Поскольку анатомия пищевого аппарата универсальна, как и анатомия органов речи, можно предполагать универсальную тенденцию.

В качестве примера можно привести таблицу из «Cambridge Encyclopedia of Language» (глава «Sound Symbolism»): «Можно отметить достаточно специфические соответствия в разных языках, в том числе тенденцию называть мать лексемой с превалирующей передней носовой согласной, а отца – передней согласной, образующейся в ротовой полости.

	‘mother’	‘father’
Dakota	ena	ate
Nahuatl	naan	ta’
Tiv	ng	ter
Luo	mama	baba
Hebrew	ima, em	aba, av
French	mère, mama	père, papa
Tamil	ammaa	appa
Yucatec	nan	tat
Greenlandic	anaana(q)	ataataq»

[Crystal 1991: 175].

Занимавшийся вопросом лексем родственных отношений Дж. Мердок включил в свое исследование 1072 термина (531 наименование матери и 541 наименование отца) [Jacobson 1960: 124].

Попытаемся рассмотреть семантику этих лексем.

Мама:

- «матушка, родительница, кормилица, женщина, кормящая грудью не своего дитя, старшая няня, родъ надзирательницы при малыхъ детяхъ» [Даль 1956, 296].

- то же, что **мать** (в 1-м значении, обычно в обращении) [Ожегов 1983, 298]; **мать** – 1. Женщина по отношению к её детям. 2. Самка по отношению к ее детенышам. 3. Обращение к пожилой женщине или жене [Ibid., 303].

• **mamma:**

– child's name for **mother** [Carver, Wallace & Cameron 1984, 317];

• **mother:**

- 1. female parent. 2. something which causes something else [Ibid., 338];

- 1. female that has given birth to an offspring. 2. female that adopts or principally cares for a child or offspring. 3. that which has given birth to or nurtures something; origin; source. 4. Woman who has a role like that of a mother. 5. qualities characteristic of a mother, such as affection, concern, or protectiveness... 6. mother superior. 7. elderly woman [Halsey 1979, 663].

Очевидно, что подобная семантика, вполне очевидная для любого взрослого (то есть мать это та, которая родила, кормит, заботится, защищает и пр.), недоступна для младенца с его когнитивной сферой, но, с другой стороны, утверждение Якобсона «...мать, по выражению Грегуара, является *la grand despensatrice*, и поэтому основные помыслы и стремления ребенка направлены к ней; при этом дети, понукаемые и поощряемые младенческими словами, постепенно превращают свое междометие, выражаемое назальными согласными, в термин родства и приспособливают выражение к собственным фонемам» [Jacobson 1960: 131] звучит слишком прямолинейно. Следуя этой логике, можно было бы ожидать появления и закрепления в лексиконе различных языков ряда лексем детского языка, таких как десигнации игрушек, еды, посуды, санитарно-гигиенических принадлежностей, домашних животных, ряда элементарных действий, т.е. объектов, непосредственно входящих в когнитивную сферу ребенка. Но этого не наблюдается – подобная терминология составляет исчезающе малую и маргинальную часть лексикона (типа *pick-a-boo*, *lollypop*, *Teddy Bear*, *Tipsy Topsy*), которая ситуативно предельно ограничена и употребляется только при интеракции *взрослый* (как правило, родители) – *ребёнок*, и говорить об универсальной тенденции при сохранении схожего фонологического контура явно не приходится. Тем не менее реализация парентальных терминов со схожим фонологическим контуром в лексиконе неродственных языков, наблюдается в глобальном масштабе и имеет, по нашему мнению, универсальный характер (1).

Формирование указанных лексем с четко очерченной семантикой возникает спонтанно и вместе с тем детерминированно в ходе онтогенеза детской речи с точки зрения синхронического подхода. Не вызывает сомнений, что рефлекторное *tama* (или, если говорить в более широком контексте, *m(-a/V)-m(-a/V)*) является звуковым сопровождением процесса грудного кормления. Или звуковой жест с точки зрения кормилицы и ее ближайшего окружения. Как отмечал Жан Пиаже, «мадам Шпильрейн (2) предприняла попытку анализа детского языка на самой ранней его стадии. Она пыталась доказать, что младенческие слоги *tama*, произносимые на различных языках, состоят из губных звуков, которые представляют собой не что

иное, как продолжение процесса сосания. Таким образом, 'mama' – это возглас проявления желания, и впоследствии он становится командой по отношению к той, которая может это желание удовлетворить. Но с другой стороны, 'mama' несет в себе элемент успокоения – поскольку слог является продолжением акта сосания, он порождает также иллюзию удовлетворения желания. Таким образом, команда и немедленное удовлетворение оказываются практически неразличимы, и эти факторы настолько переплелись в сознании, что едва ли можно сказать с уверенностью, является это слово командой, которую нужно немедленно выполнять или оно играет свою определенную, почти магическую роль» [Piaget 1955: 27-28].

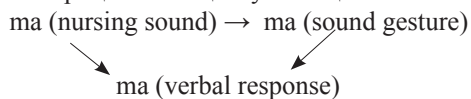
2. МАМА как звуковой жест

Мать (или, в редких случаях, иная кормилица) воспринимает звуки всасывания, производимые младенцем во время кормления, в рамках собственной системы фонем и при интеракции с ним воспроизводит эти звуки билабиальным носовым согласным в сопровождении гласного (в подавляющем большинстве случаев а как гласной минимального подъема и требующей минимальных энергетических затрат при отсутствии движений губами и языком по сравнению с другими гласными фонем [Lieberman 1975]). При этом происходит выделение данного слога в общем потоке младенческой «речи» (babbling) в виде рефлекса на раздражитель – голод и на насыщение, как его производное (т.е. идет подача сигнала «мама – хочу есть!»). Легко убедиться, что произнесение фонемы [m] легко осуществимо на вдохе, в отличие от прочих согласных фонем, в артикуляции не участвует язык, и в очень малой степени участвуют губы; возможно даже произнесение фонемы при сомкнутых губах (что наблюдается в процессе кормления), естественным резонатором служит нёбо, внешняя часть глотки и носоглотка. При этом занавеска мягкого нёба опускается, предотвращая попадание жидкости в дыхательные пути, что почти не меняет амплитуды звука. Низкочастотная фонема хорошо различима внешней аудиторией (в первую очередь, конечно, кормящей матерью) и довольно скоро становится рефлексом для младенца и звуковым жестом для кормящей матери и вообще для ближайшего социума. Образование комплекса CV, как и повторение слога, также хорошо объясняется биомоторной деятельностью пищевого/речевого аппарата, в частности челюстной осцилляцией, сопровождающей кормление [Mac-Neilage & Davis 2000; Swadesh 1971]. В сознании матери/кормилицы происходит закрепление данного звукового жеста, который уже неразрывно связан с сосанием/кормлением, и при довольно частом употреблении (до 5-10 раз в день) принимается матерью, ведущей «диалог» с ребенком, и ее ближайшим окружением. «Ряд таких детских словоформ улетают за порог детской комнаты и проникают в повседневный лексикон взрослых людей и становятся в нем отдельным сегментом детской речи» [Jacobson 1960: 125].

Таким образом, *мама* не есть осознанная номинация родительницы или иного близкого родственника (или неродственного члена социума) женского пола, вовлеченной в процесс кормления/ухода за младенцем, создающим свой идиолект (*la parole*), а просто спонтанная реакция младенческого сознания, которое сенсорно воспринимает окружающую среду, но проявляет еще слабую способность к дифференциации объектов – в силу крайне ограниченного числа потребностей (3). Со стороны мамы / кормилицы данный рефлекс воспринимается как звуковой жест,

на определенном этапе получающий семантическое наполнение и становящийся частью обычного лексикона, при этом важной его составляющей, в силу частого употребления. В таком качестве лексема воспринимается ближайшими членами социума: «В ребенке чувство голода, вынуждающее крик, и действия окружающих его лиц, удаляющие это чувство, при повторении ассоциируются, так что если снова дано будет чувство с сопровождающим его звуком, то тем самым вызовется и ожидание его удовлетворения» [Потебня 1999: 85]). Но на стадии, когда *tama* становится употребительным, семантически конкретизированным словом, можно говорить о концептуализации значения, воспринимаемого взрослым участником диалога, при том, что со стороны младенца звуковой жест ‘*tama*’ является инстинктивным и спонтанным. «Соответствие возгласа *tama* слову с семантикой ‘мать’ не является императивом. Пиаже... приводил пример ребенка, который при возникновении потребности произносил имя своего деда. Кроме того, мы располагаем рядом примеров, когда ребенок использовал обращение *tama* по отношению к другим людям, нежели мать. Ники [мальчик, участник эксперимента – А.З.] говорит *tama*, когда возникает какая-либо потребность... обращаясь не к своей матери... а мать он вообще зовет не *tama*, а называет по имени. А слово *tama* он *использует* даже обращаясь к отцу, хотя владеет словом *папа* (*dada*)» [Greenfield&Smith 1976: 92]. Изредка наблюдается проекция этого семантического переноса в базовом лексиконе на диахроническом уровне. Так, например, в современных языках можно отметить следующие лексемы: тулу (дравидская семья) *amma* ‘mother’, *amme* ‘father’, матагальпа (семья мисумальпа, Никарагуа-Гондурас), *amiske* ‘padre/madre’, тунебо (семья чибча, Колумбия) *umú* ‘papá’, ‘mamá’, пираха (семья мура, Бразилия) *má’i’i* ‘mother’, ‘father’, ‘parent’, ипико (семья Внутренний Залив (Inland Gulf), транс-новогвинейская макросемья) *mama* ‘mother’, ‘my father’).

Итак, примерно к началу второго года жизни младенца складывается вполне мотивированный звуковой комплекс (Якобсон не считал это явление языком в узком смысле слова, то есть системой произвольных символов [Jacobson 1968:» 29]), который становится десигнатом в процессе концептуализации согласно схеме:

В широком смысле формирование такого комплекса можно считать зачаточной формой языка как средства коммуникации и как знаковой системы или, на диахроническом уровне, одной из стадий *protolanguage*, согласно теории Бикертонна [Bickerton 1990]. Соответственно, можно говорить об институализации фонем детского лепета (*babbling*) в семантической сфере языка (или языков). Логично было бы предположить, что в общем когнитивном поле говорящего и слушающего (термин ввел норвежский психолингвист Пагнар Ромметвейт - А.З.) происходит метафорический перенос с концепции процесса кормления на его субъект – материнскую грудь; фонологический контур лексемы при этом сохраняется, что можно проследить, рассматривая соответствующие лексемы. Даже беглый взгляд на мировую карту языков подтверждает это предположение.

Таблица №1

Сходство фонологического контура лексем «мать» и «грудь»

Language	Language family	Macro-family	'mother'	'breast'
Proto-IE	Indo-European		*mater < mā	*mend/ment 'to suck'
Latin	-''-		māter	mamma
OH German	-''-		muoter	mancon 'nipple'
Basque	isolate		ama	muu, muhuo
O Egyptian	Egyptian	Afro-Asiatic	mwt, mst	mD
Amharic	Semitic	-''-	*əmm (Geez)	māffātā 'to suck'
Buwal	Chadic	-''-	mān	māādāā 'chest'
Tamazig	Berber	-''-	imma, mma	muuu 'baby'
Somali	Cushitic	-''-	umul 'to give birth'	mal 'milk'
Gayil	Omoti	-''-	ma:na 'woman/wife'	ami
Ongota	isol.?, unclass?, mixed?	-''- (?)	ʔayma, ʔayma, ama	ama 'woman'
Daur (Dagur)	Mongolic	Altaic	ma:ma:	mək
Evenki	Tungusic	-''-	mamaya	əme- 'to suck'
Uyghur	Turkic	-''-	ana	əmmək 'to suck'
Korean	isolate?	-''- (?)	eme	mongyutit 'to breastfeed'
Japanese	isolate?	-''- (?)	ōmō, ēmu (OJ)	muue 'chest'
Estonian	Finnic	Uralic	amm, ema	imema 'to suck'
Mansi	Ugric	-''-	oma	magyl
Sami Kildin	Saami	-''-	jēm '	nyumme 'to suck'
Nganasan	Samoyedic	-''-	nemy	umu
Ket	Yenissian		ām	maʔm, mamet 'to suck breast'
Tamil	Dravidian		ammā, ammāḷ, ammai	ammam
Lezghi	Dagestian	N. Caucasian	muṁači 'midwife'	mam
Chechen	Nakh	-''-	nāa, mama!	māmag
Burushaski	isolate		im, nau	mamu 'milk'
Kusunda	isolate		mai	ambu, a:mbu?
Heiban	Kordofanian	Nigero-Kordofanian	nana 'girl', 'young woman'	ʔ-an 'milk'
Soninke	Mande	-''-	ma	mucca 'to suck'
Kisi	W. Atlantic	-''-	mama 'female ancestor'	mē 'mother's 'milk'
Dogon	Gur	-''-	ni, nne, ʔjārā, nyi, na	enne, eme, ene
Gā	Kwa	-''-	māmi	mi
Proto-BC	Benue-Congo	-''-	*mama	*-mino 'milk'
Berta	stock-level	Nilo-Saharan	mihlé, millé 'female'	mulhi 'babysitter'
Bongo	C.Sudanic	-''-	mbaga	maiya
Mursi	E.Sudanic	-''-	mamma, joné	madāi
Ik	Kuliak	-''-	yán, ʔjōó, ʔjwaati (4)	mamá, nōmē (5)
Bari	Nilotic	-''-	ngote, yanggo	nōg 'to suck milk'
Katcha	Kadugli-Krongo	-''-	nimo	na 'udder'
Kibet	Maban	-''-	miyik, mi 'wife'	mas 'to suck'
Kanuri-Manga	Saharan	-''-	māmmā	ʔjūmbu 'to suck'
Zarma	Songhai	-''-	ʔa	naanu 'to nurse'
Bangi Me	isolate		nya	mōny 'to suck'
Sandawe	family-level	Macro-Khoisan	maamā 'grandmother'	ʔina huum 'teat'
!Xam	S.Khoisan	-''-	ma, mae, mama	ʔm 'to suck out'
Korana (!Ora)	C.Khoisan	-''-	ma:	lom 'to suck'
Ju'hoan	N.Khoisan	-''-	mama	ʔh 'to suckle'
Writ. Tibetan	Tibeto-Birmanic	Sino-Tibetan	ma	nu-mam
Mandarin	Sinitic	-''-	ma', mo', mi'	naɪ ³
Hmong-Nja	Hmong	Hmong-Mien	ma'li 'female'	mi ²
Iu-Mien	Mien	-''-	mā	ɲo ¹³
Ainu	isolate		menoko 'female', 'woman'	mamma 'milk'
Nivkh	isolate		əmuk	my-ʔh

Rumai	Khasi-Khmu	-ʹ-	<i>mā</i>	<i>myaam</i>
Gorum	Munda	-ʹ-	<i>mamaʔa</i>	<i>mbū</i> <i>muma, mumaʔ</i>
Tai-Ya	Kam-Tai	Tai-Kadai	'to bear', 'to give birth'	'to suck'
Maori	Austronesian		<i>ʔaʹmeʔʔ</i>	<i>namʔ</i> 'milk'
Aka-Kede	Great Andaman	Andamanese	<i>matua</i>	<i>mote</i> 'to suck'
Jarawa	Small Andaman	-ʹ-	<i>meme, memi</i>	<i>meme teyu,</i> <i>meme teyu</i>
Koryak	Chukchi-Kamchatkan		<i>name</i> 'woman'	<i>myyua: yya, yyo</i>
Inupiatun (N. Alaska)	Eskim o-Aleut		<i>aʹnma, mamma</i>	<i>aʹmmE</i>
Holicachuk	Atabaskan	Na-Dene	<i>amaamak,</i> <i>anaana</i>	<i>mamaun</i> 'udder'
Nootka	Wakashan		<i>naʹa!</i> (voc.)	<i>-mama</i>
Arapaho	Algic		<i>ʔomʔa</i>	<i>ʔinna</i> 'nipple'
Oneida	Iroquian		<i>-nooʹn</i>	<i>niineet</i> 'nipple'
Chivere	Sioux		<i>Nʹ!</i> (voc.)	<i>-nuʹ?</i>
Halkomelen	Salishan		<i>mamāiʹe,</i> <i>mamāiʹe</i> 'baby'	<i>māje</i> <i>mélk</i> 'milk'
Alabama	Muscogean		<i>méle</i> 'child'	<i>impichu, maama</i>
Mohave	Esselen-Yuman	Hokan	<i>impichu, maama</i>	<i>impisi</i> 'to suckle'
Miwok-S. Sierra	Yok-Uti	Penutian	<i>māla</i> 'baby'	<i>ama</i> 'milk'
Tsimshian	Tsimshianic	-ʹ-	<i>mu se</i>	<i>mu su</i>
Ineseño	Chumash		<i>maʹt</i>	<i>māsx, mēsx</i>
Chinantec-Sochiapan	Oto-Mangean		<i>mal-</i> (6)	<i>masusanāh</i>
Hacalteco	Mayan		<i>imiʹ!</i> (voc.)	<i>mʹtyuʔʹ!</i> 'milk'
Mixe-Popoluka	Mixe-Zoque		<i>mi</i>	<i>ime</i>
Sayula			<i>mān</i>	<i>mo-y</i> 'milk'
Huave-San Mateo del Mar	Huavean		<i>imim!</i> (voc.)	<i>mal miindaram</i>
Yanesha	Arawakan		<i>ema</i> 'baby'	<i>momosats</i> 'breast milk'
Carib	Cariban		<i>mama</i>	<i>manatee</i>
Border Kuna	Chibchan		<i>mama, nana</i>	<i>mama</i>
Okaina	Witoto		<i>maami</i> 'wife'	<i>moniio</i>
Amarakaeri	Harakambet		<i>nag</i>	<i>eminog, emao</i> 'to suck milk'
Saliba	Saliban		<i>nahna</i>	<i>añajara</i> 'to suck breast'
Colorado	Barbacoan		<i>mama</i>	<i>miʹlá</i> 'to lick'
Jarawara	Arawan		'grandmother'	<i>mohi</i> 'sucker'
Yagua	Peba-Yaguan		<i>mati</i> 'his/her mother'	<i>-muna</i> 'to suck milk'
Koroado	Puri	Macro-Ge	<i>-jami</i>	<i>ayan, ayam</i> 'milk'
Umotina	Bororo	-ʹ-	<i>imáko</i>	<i>ñamanta</i> 'milk'
Kaingang	Ge-Kaingang	-ʹ-	<i>mýnh</i>	<i>moʹhkwá</i> 'milk'
Surui	Monde	Tupi	<i>ni</i>	<i>neminday</i> 'to lick'
Apiaka	Tupi-Guarani	-ʹ-	<i>ni</i>	<i>nōma</i>
Juruna	Juruna	-ʹ-	<i>yāmā</i>	<i>imañare</i>
Aymara	Aymaran		<i>matu</i>	<i>inamá</i> 'childbirth'
Arabela	Saparoan		<i>mama</i>	<i>nīnū</i>
Araona	Tacanoan		<i>manacatusu</i>	<i>moniyacomu</i> 'to suck'
Sanapana	Mascoian		<i>mama</i> 'wife', 'woman'	<i>emi</i>
Vilela	Lule-Vilela		<i>meme ejak</i>	<i>neme ejak</i> <i>ine-, ina-</i> 'to breastfeed'
Paes	isolate		<i>nane</i>	<i>mékis</i> 'chest'
Ticuna	isolate		<i>mama</i>	<i>míʹxʹ?</i>
Puinave	isolate		<i>máʹmaʹ</i>	<i>nemmei</i> 'to lick'
Warao	isolate		<i>-in</i>	<i>ni</i>
Cayubaba	isolate		<i>mokomoko</i>	<i>mame</i>
Yurakare	isolate		'infant', 'baby'	<i>ñuñu</i> 'nipple'
Kandoshi	isolate		<i>mami</i> 'child'	<i>yamá</i> 'to marry'
Kanoe	isol./unclass.		<i>mame</i>	<i>mʹml</i>
Kwaza	isol./unclass.		<i>yamá</i> 'to marry'	<i>nū</i> <i>mūro</i> 'curd'
			<i>mij</i>	
			<i>mā</i>	

Suena	Binanderan	-''-	<i>mia</i>	<i>ami</i>
Minanibai	Inland Gulf	-''-	<i>uuuau</i>	<i>nono, nunu</i>
Dem	stock-level	-''-	<i>ama</i>	<i>ami</i>
Aviyana	Kainantu-Goroka	-''-	<i>-no</i>	<i>na:m</i>
Bamu	Kiwai	-''-	<i>matu</i>	<i>amo</i>
Ndom	Kolopom	-''-	<i>ma</i>	<i>tam</i>
Tauia	Madang	-''-	<i>mimi</i>	<i>mimi</i>
			'mother/breast'	m other/breast'
Oksapmin	stock-level	-''-	<i>em ä</i>	<i>non ä</i>
Kairi (Rumu)	Tirama-Kikorian	-''-	<i>äna</i>	'mommy' <i>nömë</i>
Wano	West	-''-	<i>amea</i>	<i>amewok</i>
			'youngest child'	'chest'
Gusan	Finisterre-Huon	-''-	<i>mey</i>	<i>mom</i>
Wahgi	Chimbu-Wahgi	-''-	<i>mat</i>	<i>am</i>
Daga	SE Papuan	-''-	<i>ina-</i>	'milk'
Amto	Amto-Musan		<i>ena</i>	<i>ne, neh</i>
Anor	Ramu	Ramu-Lower Sepik	<i>ngam</i>	<i>nggëm</i>
Iteri	Arai	Arai-Kwomtari	<i>inA, inë</i>	<i>no", nou</i>
Guriaso	Kwomtari	-''-	<i>mek</i>	<i>mat</i>
Ama	Left May		<i>ʔanaʔ, a:nü</i>	<i>nana, nanë,</i> <i>nä:në</i>
Ram opa	N.Bouganville		<i>aoanoa</i>	<i>nonoʔ-ano</i>
Kemtiuk	Nimboran		<i>mia</i>	<i>min</i>
Karkar-Yuri	Pauwasi		<i>omʔ</i>	<i>mom, mum,</i> <i>momʔ, mo"</i>
Sentani	Sentani	E.Bird's Head-	<i>ana, menake,</i>	<i>nëmbu, nombu,</i>
		Sentani	<i>menakë</i>	<i>nime, nimë</i>
Yawio	Walio	Sepik	<i>ama</i>	<i>mama</i>
Amal	Iwam	-''-	<i>mwoʔ</i>	<i>m, ma, omo</i>
Namia	Yellow River	-''-	<i>mane</i>	<i>mu</i>
Iatmul	Ndu	-''-	<i>ɲəmay, nanime,</i> <i>nime, nyimay</i>	<i>mɲəɲa</i> <i>mɲəyë, mwɲa</i>
Mende	Nukuma	-''-	<i>mamai</i>	<i>muku</i>
Karawa	Ram	-''-	<i>ami</i>	<i>mëy, məy</i>
Kapriman	Sepik Hill	-''-	<i>maynja, maynja</i>	<i>manika</i>
Meriam	E.Trans Fly		<i>ama</i>	<i>nano</i>
Tehit	W.Bird's Head	W.Papuan	<i>eme</i>	<i>ʔmuon</i>
Galela	N.Halmahera	-''-	<i>meme, ma-awa</i>	<i>mamata, manapo</i>
Yele	Yele	Yele-W.New Britain	<i>m:am:aa</i>	<i>ɲmo</i>
			'auntie'	
Rawo	Krisa	Sko	<i>ʔaɲaʔ</i>	<i>nüʔ</i>
Wanimo	Wanimo	-''-	<i>ngaene</i>	<i>nóʔ, në</i>
Kwesten	Orya-Tor	Tor-Kwerba	<i>nani</i>	<i>mom</i>
Kauvera	Great Kwerba	-''-	<i>maya</i>	<i>mem</i>
Yis	Wapei-Palei	Torricelli	<i>nëmo, nëto</i>	<i>nemar, nëmar</i>
Seti	W.Wapei	-''-	<i>ama</i>	<i>momoto</i>
Siliput	Maimai	-''-	<i>mai</i>	<i>may</i>
Kamasau	Marienberg	-''-	<i>matye, mawo,</i> <i>moyu</i>	<i>myi, myi,</i> <i>miny, mÿy</i>
Montumbo	Monumbo	-''-	<i>me:m, me:mon</i>	<i>nim, nim an</i>
Urim	level-stock	-''-	<i>man</i>	<i>ma</i>
Siwai	Buin	S.Bouganville	<i>nuga, nuka, nëkaʔ</i>	<i>nuna, nuno, nunoʔ</i>
Sibe	Nasioi	-''-	<i>n.go</i>	<i>nonoʔ</i>
Tabo	Waia	SC Papuan	<i>maia, maier</i>	<i>amo, nono</i>
Yelmek	Yelmek-Maklev	-''-	<i>mëna (dial.)</i>	<i>momoto</i>
Idi	Pahotari	-''-	<i>nana</i>	<i>nama, ngomo</i>
Abun	isolate		<i>im</i>	<i>muutenap</i>
Yale	isolate		<i>nage</i>	<i>maba</i>
Ngarinyin	Worora	Australian	<i>ɲara</i>	<i>ɲamun, maɲa</i>
Burarra	Gunvinggu	-''-	<i>ama, mampa</i>	<i>ɲamajama</i>
Jingili	W. Barkley	-''-	<i>mali:ɲi</i>	'woman' <i>mayali</i>
Laragiya	stock-level	-''-	<i>minbana</i>	<i>mamabulma</i>
			'father's sister'	
Yawuru	Nyuengula	-''-	<i>mimi</i>	'granny' <i>mimbi</i>
Kamilaroy	Pana-Nyungan	-''-	<i>ngambaa</i>	<i>ngama</i>
Arrartna		-''-	<i>me-</i>	<i>me-</i>

Учитывая географическую распространенность и частотность появления указанных лексем со схожим или совпадающим фонологическим контуром в неродственных языках, можно сделать вывод, что мы имеем дело с примером семантических универсалий, причем фонологически сходных. Отмеченная тенденция имеет, несомненно, глобальный характер (приведены примеры из языков 83 семей и изолятов из 172, в том числе 122 языковые семьи, и 50 изолятов, по версии 16-го издания *Ethnologue* [Lewis 2009], неклассифицированные языки кваза и каноз не учитывались), и учитывая ее распространение, весьма древнее происхождение; во всяком случае, диахронически намного старше области применения сравнительно-исторического метода – 5, 7 или 10 тысяч лет, согласно различным авторам. Также следует отметить, что частотность употребления той или иной лексемы в повседневной речи прямо пропорциональна ее диахронической устойчивости [Pargel et al. 2007].

3. Метафорический перенос в синхроническом и диахроническом разрезе

Вызывает удивление, что отмеченная закономерность практически не привлекла внимания специалистов (в отличие от феномена парентальных терминов). Якобсон вообще не упоминает глоссы с семантикой ‘грудь’, ‘молоко’, ‘сосать’. Крайне редкие упоминания, которые удалось найти в литературе, только отмечают этот феномен исключительно благодаря их фонологическому контуру. Так, Лейл Кэмпбелл считает, что лексемы с семантикой ‘женская грудь’ являются ономотопейей – назальные согласные имитируют звуки сосания [Campbell 1997]. Или, аналогично: во многих языках мать называют *tamma* или *nana*... Чтобы объяснить распространение таких форм, в качестве примера можно привести лат. *tamma* ‘female breast’, и фин. *nisa* ‘teat’ или *nänni* ‘nipple’. Появление таких форм можно объяснить процессом кормления женщиной ее ребенка. В основе своей явление звукоподражательное, так как младенцы часто производят назальные звуки в процессе грудного кормления [Swadesh 1971]. Иногда также можно встретить в популярной литературе сделанные мимоходом замечания: «Так почему же дети в речи выделяют ‘m’, а не ‘p’ или ‘b’? Благодаря женской груди, это несомненно. Звук “m” произносится легче всего, когда губы прильнули к теплой желанной груди. Даже у взрослых “mmm” ассоциируется с чем-то приятным и вкусным. И, само собой, у детей» [O’Neill 2013]. Такие исследователи, как Р. Якобсон и Ф. Либерман рассматривают парентальные термины *per se*, исключительно в контексте их фонологического контура.

Попытаемся проанализировать семантику с точки зрения психологии. Именно материнская грудь является темпорально первичным объектом перцептуальной сферы младенца, наряду с выделительными системами организма. Концептуализация данного первичного объекта является основой когнитивной деятельности и зачатком как семантической сферы, так и речевой деятельности в онтологическом аспекте (*parole* по де Соссюру). А *propos* можно упомянуть, что в литературе отмечался феномен параллельного развития фонологического инвентаря в синхроническом и диахроническом аспектах [Greenlee & Ohala 1980]. Описанное явление можно объяснить с лингвистической точки зрения как метонимию (производное метафорического мышления, точнее, его зачатков), с психологической

точки зрения – явлением идиосинкразии, т.е. аффилиация явлений или объектов в рамках одного концепта. Можно ли говорить об абстрактном мышлении сосунка, которое производит метафорический перенос (в данном случае – метатеза по месту: кормление – грудь)? Едва ли. Наблюдается ли идиосинкразия понятий в мышлении взрослого участника диалога (чаще всего матери/кормилицы), и его/её речи, обращенной к младенцу? Вероятно, да. При этом в когнитивной сфере младенца также происходит идиосинкразия концептов: хочу есть – процесс кормления - грудь/молоко – кормилица/мать, сопровождающаяся формированием нерасчлененного фонетико-семантического комплекса $m(-a/V) - m(-a/V)$ или семантического поля с упомянутым значением. «Если язык образует наименование для сложного понятия, то представить себе это понятие и оперировать им становится проще, потому что разуму проще оперировать набором идей в совокупности, нежели рассматривать каждую в отдельности» [Pinker 2008: 129].

В литературе отмечалось, что первые различимые слова младенческой речи, как правило, являются рефлексом на ситуацию в целом, нежели применительно к отдельным объектам. Так, слово *car* произносилось при наблюдении уличного движения, при взгляде из окна автомобиля, а рара ребенок говорил, услышав звук дверного звонка [Barrett 1995]. Отдельные исследователи идут еще дальше, полагая, что дети на раннем этапе овладения языком используют отдельное слово или даже слог вместо целого предложения. «Сложно сказать наверняка, означает ли единичный слог *ba* ванную (*bath*) или “Я в ванной” или “Смотри! Мыло упало в ванную”. Лингвист Рональд Сколлон записал на магнитофон разговор с маленькой девочкой, которая произносила отдельные слова, и, прослушивая позже эту запись, пришел к выводу, что, произнося ‘машина’ (*‘car’*), ‘ехать’ (*‘go’*) ‘автобус’ (*‘bus’*), она имела в виду шум проходящей машины, что напомнило ей поездку в автобусе за день до того. По сути дела, она составила многосложное предложение, просто соединив отдельные слова» [Ingram 1994: 180]. Очевидно, что ребенок ограничен узкими рамками собственного лексикона и потребность номинации новых предметов и явлений, попадающих в его когнитивную сферу, отстает от медленно пополняющегося словарного запаса.

Как известно, на более позднем этапе, примерно на третьем году жизни, номинативная активность приходит в равновесие с окружающей средой и с социумом, когда последние приобретают признаки постоянства и статичности. Именно с этого периода начинается экспоненциальный рост словарного запаса.

Метафорическое мышление основано на аперцепции сходства, но десигнат закрепляется в лексеме в случае наличия опосредованной связи между частями, в отсутствие таковой мы имеем дело со сферой подсознательного и бессознательного, эзотерики и пр. (на чем, в частности, построил свою знаменитую теорию Зигмунд Фрейд, что остается за рамками настоящей работы). Лев Выготский приводит пример младенца, который использовал комплекс ‘кря’ для десигнации утки в пруду, стакана с молоком, монеты с орлом на реверсе и глазом плюшевого медвежонка (утка крикает ‘кря’, пруд, в котором она плавает метафорически переносится на молоко в чашке, утка похожа на рисунок орла, а круглая монета уподобляется круглому пластмассовому глазу) (цит. по [Ibid: 180]). Все сказанное может служить примером принципа Вильгельма Гумбольдта о неограниченном применении ограниченных

средств. При этом символическое мышление само по себе развивается у ребенка, как показывают эксперименты, на значительно более позднем этапе овладения языком [De Loache 2005]. Весьма соблазнительно искать в младенческом лепете гены языка как сигнальной системы, тем более что подобные предположения озвучивались очень авторитетными исследователями, но пока остановимся на сказанном, не вторгаясь в область принципиально недоказуемого. Придется довольствоваться схемой зарождения и развития детской речи только как суггестивной иллюстрацией к картине филогенеза, поскольку истоки этого феномена следует искать, говоря словами Хомского, в далеком прошлом, окутанном туманом.

Наконец, автору кажется важным отметить тот факт, что *мама* посвящено значительное место в большом количестве исследований, при том, что *рапа* остается в тени. Это не только несправедливо по отношению к отцам, но и порождает лакуны в вопросах изучения детской речи (и, возможно, человеческой речи в целом – можно сослаться на гипотезу двух французских исследователей, согласно которой именно парентальный термин (p)apa/(t)ata со значением ‘отец’ вообще является первым словом человеческого языка, т. наз. Proto-Sapiens [de l’Etang & Bancel 2004]). Как мы видели, *мама* является концептом и одновременно сигнальным ресурсом желания есть/процесса кормления/орудия кормления, т.е. материнской груди. Билабиальная аффриката может служить сигналом насыщения/удовлетворения, когда роль *мама* уже становится на тот момент неактуальной, и эмиссия назальных прекращается. Уход за младенцем может перейти в это время к иному члену социума, не обязательно матери и вообще женщине. Так появляются десигнаты ‘*nana*’, ‘*баба*’, ‘*деда*’, ‘*тятя*’, ‘*тётя*’, ‘*дядя*’. Или в грузинском языке *да* ‘сестра’, *бэбиа* ‘бабушка’, *бабуа* ‘дедушка’, *бидза* ‘дядя’.

В заключение процитируем заключительные слова из «Why ‘Mama’ and ‘Papa’?»: «Для совместной продуктивной работы лингвистов, антропологов и психологов открывается широкой поле деятельности» [Jacobson 1960: 133].

Сходный (а в ряде случаев полностью совпадающий) фонологический контур базовых лексем, относящихся к семантическому полю #мама и #грудь, а также отмеченный в работе метафорический/метонимический перенос может служить примером реализации тенденции проявления онтогенеза в филогенезе человеческого языка при рассмотрении диахронического аспекта последнего.

Таким образом, можно сделать вывод об универсальном характере возникновения сходного фонологического контура, что связано с анатомией вокального аппарата и характером речевого акта, и о сохранении первоначального контура в базовых лексемах благодаря метафорическому/метонимическому переносу. В дальнейшем планируется рассмотрение эволюции отмеченного семантического поля с построением иерархии значений.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Аналогичную тенденцию можно отметить и применительно к десигнатам пищи и процессу еды (такие как хакасск. *мам* ‘кушанье’, каннада *immu* ‘boiled rice’, верх. кускоквим *tama* ‘food’), чему будет посвящена отдельная работа.

(2) Шпильрейн С.Н. (1885-1942) – российский, швейцарский и советский психоаналитик, ученица Карла Юнга. Погибла во время немецкой оккупации Ростова-на-Дону в Змиевской Балке.

(3) «Нельзя яснее выразить тот факт, что ребенок не открывает связи между знаком и значением в самом начале возникновения речи и долгое время не приходит к осознанию этой связи... То, что возникает к началу образования речи у ребенка, есть не открытие, что каждая вещь имеет свое имя, а новый способ обращения с вещами, именно их называние» [Выготский 2005: 1048-1049].

(4) ‘my mother’, ‘your mother’, ‘his/her mother’ соответственно.

(5) ‘used to encourage a child to eat’, ‘used to encourage a child to nurse’ соответственно [Schrock 2014: 462].

(6) ‘A verb prefix having to do with (a) birth and pregnancy (b) inheritance: *maliwil* ‘afterbirth’, *malkuy* ‘womb’, *malik* ‘firstborn child’, *malwaq* ‘to emerge (said of infant being born)’ etc. [Applegate].

(7) «Если можно было бы отмотать историю языка назад, как киноленту, я не удивился бы, услышав среди первых слов языка наших далеких предков слово *мама*. Я не первый, кто выдвигает подобное предположение. Почти век назад независимый исследователь, путешественник и переводчик санскритских текстов Чарльз Джонсон писал в *Fortnightly Review*, что “в детском лепете можно услышать отзвуки голоса древнего человека... и наблюдая становление речи ребенка на самом раннем этапе, можно различить начало человеческой речи”» [Locke 1994, 443]

«...по всей видимости, язык использовался... просто для обозначения прото-концептов, доставших еще с доязыковой эпохи» [Bickerton 1990, 91].

«...удобную модель филогенетической эволюции можно найти, наблюдая онтогенез детского языка» [Szemerényi 1960: 157].

«Наши размышления могут помочь разрешить загадку – как удается ребенку овладеть языком за столь короткий промежуток времени. Тогда можно будет утверждать, что язык на протяжении периода эволюции стал отражать человеческое мышление» [McNeil 1968: 30].

«Позволю себе заметить, что Хомский отметил связь между овладением языком и эволюцией: “Нет никаких оснований всерьез принимать утверждения по поводу того, что это достижение [овладение языком – А.З.] является результатом нескольких месяцев или лет существования в языковой среде, а не продуктом миллионов лет эволюции...” Иными словами, чем больше лингвистических факторов мы отнесем на счет эволюции, тем проще объяснить освоение языка ребенком”» [Jackendoff 2002: 93].

Литература

Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка // Психология развития человека. М. ЭКСМО – Смысл, 2005. 1136 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2. М. Гос. Изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. 779 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. Русский язык. 1983.- 382 с.

Потебня А.А. Мысль и язык. М. Лабиринт, 1999. 300 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. Астрель-АСТ. 2003, Т.2. 972 с.

Applegate R. Ineseño-English Dictionary M Entries. URL: www.chumashlanguage.com/lex/Lex-M.pdf ND

Barrett M. Early lexical development//The Handbook of child language/ Fletcher P.&MacWinney. Oxford, Blackwell, 1995. P. 361-392.

Bickerton D. Language & Species. University of Chicago Press, Chicago, L., 1990. 297 p.

Biasi D., Wichmann S., Hammarström H., Stadler P., Christiansen M. Sound-meaning association biases evidenced across thousands of languages// Proc. Natl.Acad. Sci. USA, 2016, Vol. 113(39). P.10818-10823.

Campbell L. American Indian Languages. The Historical Linguistics of Native America. Oxford: Oxford University Press, 1997. 511 p.

Carver D., Wallace M., Cameron J. Collins English Learners Dictionary. L&Glasgow: Collins, 1984. 1920 p.

Claiborne R. Roots of English. A Reader's Handbook of Words Origins. Anchor Book-Doubleday. 1990. 335 p.

Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge-NY-Melbourne: Cambridge University Press, 1991. 472 p.

de l'Etang A.M., Bancel P.J. The Global Distribution of (P)APA and (T)ATA and their Original Meaning// Mother Tongue. 2004. Vol. 9. P. 133-169. ([http://www.nostratic.net/books/\(311\)Papa-1stPaper-2004.pdf](http://www.nostratic.net/books/(311)Papa-1stPaper-2004.pdf)).

De Loache J. Mindful of symbols// Scientific American. 2005.Vol. 36. P.73-77.

Greenfield P., Smith J. The Structure of Communication in Early Language Development. NY-SF-L.: Academic Press, 1976.238 p.

Greenlee M., Ohala J. Phonetically Motivated Parallels between Child Phonology and Historical Sound Change// Language Sciences. 1980.Vol. 2(2). P. 283-308.

Halsey W. Macmillan Contemporary Dictionary. NY-L.: Macmillan Publishing Co., Inc.& Collier Macmillan Publishers, 1979. 1158 p.

Hoad T. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford – NY: Oxford University Press, 1993. 552 p.

Ingram J. Talk, talk, talk. Decoding the Mysteries of Speech. Anchor Books. NY-L.-Toronto-Sydney-Auckland, 1994. 318 p.

Jacobson R. Why 'Mama' and 'Papa'? // Perspectives in Psychological Theory: Essays in Honour of Heinz Werner/ Kaplan B., Wapner S.-NY: International University Press, 1960. P. 124-134.

Jacobson R. Child Language. Aphasia and Phonological Universals. The Hague-Paris: Mouton, 1968. 104 p.

Jackendoff R. Foundations of Language. Brain, Meaning, Grammar, Evolution. Oxford: Oxford University Press, 2002. 477 p.

Lewis M. Infant Speech. Humanities Press. NY-L.: Routledge &Kegan Paul, 1951. 383 p.

Lewis M.P. (ed.) Ethnologue: Languages of the World, Sixteenth edition. Dallas. Texas. SIL International. <http://www.ethnologue.com/16/> 2009.

Lewis M.P., Simons G.F., Fennig Ch.D. (eds.) Ethnologue: Languages of the World, Seventeenth edition. Dallas. Texas. SIL International. <http://www.ethnologue.com/> 2013

- Lieberman Ph.* 1975. On the Origins of Language. McMillan. 1975. 196 p.
- Locke J.* 1994. Phases in the Child's Development of Language// American Scientist. 1994. Vol. 82. P. 436-445.
- MacNeilage P., Davis B.* On the Origin of Internal Structure of Word Forms// Science. 2000. Vol. 288. P. 527-531.
- McNeill D.* 1968. The creation of language//Language. Selected Readings. Penguin Modern Psychology Reading/ Foss B.M., 1968. P.21-31.
- O'Neill Th.* Why babies in every country on Earth say 'mama'.
<http://news.yahoo.com/why-babies-every-country-earth-mama-085800967.html>, 2016
- Pargel M., Atkinson Q., Meade A.* Frequency of word-use predicts rates of lexical evolution throughout Indo-European history// Nature. 2007. Vol. 449. P.717-720.
- Piaget J.* The language and thought of the child. NY: Meridian, 1955. 251 p.
- Pinker S.* Stuff of Thought. Language as a Window into Human Nature. L.: Penguin Books, 2008. 499 p.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. I band. Bern und München: Francke Verlag, 1951. 1678 p.
- Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band I. Uralische und finnisch-ugrische Schicht. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1988. 274 p.
- Schrock T.* A grammar of Ik (Icé-tód), North-east Uganda's last thriving Kuliak language. Diss. For PhD degree, Univ. of Leiden. 2014. 747 p.
- Swadesh M.* Towards Greater Accuracy in lexicostatistic Dating// International Journal of American Linguistics. 1955. Vol. 21(2). P.121-137.
- Swadesh M.* The Origin and Diversification of Language. Adeline Transaction. Transaction Publishers, 1971. 350 p.
- Szemerényi O.* Studies in the Indo-European Systems of Numerals. Heidelberg: Carl Winter, Universitätsverlag, 1960. 190 p.
- Trautmüller H.* Sound symbolism in deictic words// Fonetik 96, Swedish Phonetic Conference, Nässligen, 29-31 May, 1996. P.147-150.
- Vygotsky L.* The Crisis of the First Year// The Collected Works of L.S. Vygotsky, vol. 5. "Child Psychology"/ Rieber R. (ed.). NY: Plenum Press, 1998. P. 243-260.
- Wichmann S., Holman E., Brown C.* Sound Symbolism in Basic Vocabulary// Entropy. 2010. Vol. 12. P.844-858.
- Wierzbicka A.* Opening Statement // Semantic and Lexical Universals: Theory and Empirical Findings / Goddard C., Wierzbicka A., Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1994. P.2-6.

“MAMA” SOUND SYMBOL VIEWED
SYNCHRONICALLY AND DIACHRONICALLY

Anatoly E. Zeldin

Civil Service Commission, Israel

anatolyz@moia.gov.il

“Mama” lexeme is a basic one among so-called parental terms, and its world-wide distribution is treated in the present paper as a derivative of speech physiology on the earliest stage of the language (speaking de-Saussurian) realization. Socium and environment effect in the most important way on the emergence of ‘mama’-lexemes and semantically and phonetically similar lexemes thereof. The conjecture of semantic domains’ occurrence and the formed domains’ transition during a toddler – adult interaction, is considered. The discussed tendency is a universal one and abundant evidence is submitted, including lexemes’ examples from unrelated languages, which belong to more than 80 language families (according to Ethnologue, XVI edition). We may consider that the synchronic distribution of the lexemes in question which preserve the similar semantics and prosodic patterns is diachronically conditioned. This tendency is shaped both by the speech physiology and child cognitive psychology unchanged cross-culturally. The mentioned phenomenon may exemplify the recapitulation of the language phylogenesis in the ontogenesis.

Keywords: language universals, parental terms, designate, child speech, phonological contour, nasal phonemes, metaphoric extension, conceptual domain

References

- Vygotskij L.S.* Orudie i znak v razvitii rebenka [Tool and sign in child development] // *Psihologija razvitija cheloveka*. M. JeKSMO - Smysl. 2005.- 1136 s.
- Dal’ V.I.* Tolkovyj slovar’ zhivogo velikorusskogo jazyka [Explanatory dictionary of the living great Russian language], t. 2. M. Gos. Izd-vo inostrannyh i nacional’nyh slovarej. 1956.- 779 s.
- Ozhegov S.I.* Slovar’ russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language]. M. Russkij jazyk. 1983.- 382 s.
- Potebnja A.A.* Mysl’ i jazyk [Thought and language]. M. Labirint. 1999.- 300 s.
- Fasmer M.* Jetimologicheskij slovar’ russkogo jazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. M. Astrel’-AST. 2003. – T.2. – 972 s.
- Applegate R.* Ineseño-English Dictionary – M Entries. www.chumashlanguage.com/lex/Lex-M.pdf ND
- Barrett M.* Early lexical development// *The Handbook of child language/ Fletcher P.&MacWinney*. - Oxford, Blackwell, 1995. – P. 361-392.
- Bickerton D.* *Language & Species*. University of Chicago Press, Chicago, L. 1990. – 297 p.
- Biasi D., Wichmann S., Hammarström H., Stadler P., Christiansen M.* Sound-meaning association biases evidenced across thousands of languages// *Proc. Natl.Acad. Sci. USA*.-2016.- Vol. 113(39).- P.10818-10823.
- Campbell L.* *American Indian Languages*. The Historical Linguistics of Native America. Oxford: Oxford University Press, 1997. - 511 p.

Carver D., Wallace M., Cameron J. Collins English Learners Dictionary. L&Glasgow: Collins. 1984. - 1920 p.

Claiborne R. Roots of English. A Reader's Handbook of Words Origins. Anchor Book-Doubleday. 1990. - 335 p.

Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge-NY-Melbourne: Cambridge University Press, 1991. - 472 p.

Dal' V. Tolkovyj slovar' živogo velikoruskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language, vol. 2]. Moscow: Gosudarstvennoye izdastel'stvo inostrannyx i nacional'nyx slovarei, 1956.- 779 p.

de l'Etang A.M., Bancel P.J. The Global Distribution of (P)APA and (T)ATA and their Original Meaning// Mother Tongue. - 2004. - Vol. 9. - P. 133-169. ([http://www.nostratic.net/books/\(311\)Papa-1stPaper-2004.pdf](http://www.nostratic.net/books/(311)Papa-1stPaper-2004.pdf))

De Loache J. Mindful of symbols// Scientific American. - 2005. -Vol. 36. - P.73-77.

Greenfield P., Smith J. The Structure of Communication in Early Language Development. NY-SF-L.: Academic Press, 1976.- 238 p.

Greenlee M., Ohala J. Phonetically Motivated Parallels between Child Phonology and Historical Sound Change// Language Sciences. - 1980.- Vol. 2(2). - P. 283-308.

Halsey W. Macmillan Contemporary Dictionary. NY-L.: Macmillan Publishing Co., Inc.& Collier Macmillan Publishers, 1979. - 1158 p.

Hoad T. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford - NY: Oxford University Press, 1993. - 552 p.

Ingram J. Talk, talk, talk. Decoding the Mysteries of Speech. Anchor Books. NY-L.-Toronto-Sydney-Auckland, 1994.- 318 p.

Jacobson R. Why 'Mama' and 'Papa'? // Perspectives in Psychological Theory: Essays in Honour of Heinz Werner/ Kaplan B., Wapner S.- NY: International University Press, 1960. - P. 124-134.

Jacobson R. Child Language. Aphasia and Phonological Universals. The Hague-Paris: Mouton, 1968. - 104 p.

Jackendoff R. Foundations of Language. Brain, Meaning, Grammar, Evolution. Oxford: Oxford University Press, 2002. - 477 p.

Lewis M. Infant Speech. Humanities Press. NY-L.: Routledge &Kegan Paul, 1951.- 383 p.

Lewis M.P. (ed.) Ethnologue: Languages of the World, Sixteenth edition. Dallas. Texas. SIL International. <http://www.ethnologue.com/16/> 2009

Lewis M.P., Simons G.F., Fennig Ch.D. (eds.) Ethnologue: Languages of the World, Seventeenth edition. Dallas. Texas. SIL International. <http://www.ethnologue.com/> 2013

Lieberman Ph. 1975. On the Origins of Language. McMillan. 1975.- 196 p.

Locke J. 1994. Phases in the Child's Development of Language// American Scientist. - 1994. - Vol. 82. - P. 436-445.

MacNeilage P., Davis B. On the Origin of Internal Structure of Word Forms// Science. - 2000. - Vol. 288 - P. 527-531.

McNeill D. 1968. The creation of language//Language. Selected Readings. Penguin Modern Psychology Reading/ Foss B.M., 1968. - P.21-31.

O'Neill Th. Why babies in every country on Earth say 'mama'. <http://news.yahoo.com/why-babies-every-country-earth-mama-085800967.html>, 2016

Ozhegov S. Slovar' russkogo yazyka [Russian Language Dictionary]. Moscow: Russkij yazyk, 1983.- 382 p.

Pargel M., Atkinson Q., Meade A. Frequency of word-use predicts rates of lexical evolution throughout Indo-European history// *Nature*. – 2007. – Vol. 449. – P.717-720.

Piaget J. The language and thought of the child. NY: Meridian, 1955.- 251 p.

Pinker S. Stuff of Thought. Language as a Window into Human Nature. L.: Penguin Books, 2008. – 499 p.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. I band. Bern und München: Francke Verlag, 1951. - 1678 p.

Potebnya A. Mysl' i yazyk [The Thought and the Language]. Moscow: Labyrinth, 1999.- 300 p.

Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band I. Uralische und finnisch-ugrische Schicht. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1988.- 274 p.

Schrock T. A grammar of Ik (Icé-tód), North-east Uganda's last thriving Kuliak language. Diss. For PhD degree, Univ. of Leiden. 2014.- 747 p.

Swadesh M. Towards Greater Accuracy in lexicostatistic Dating// *International Journal of American Linguistics*. 1955.- Vol. 21(2). – P.121-137.

Swadesh M. The Origin and Diversification of Language. Adeline Transaction. Transaction Publishers, 1971.- 350 p.

Szemerényi O. Studies in the Indo-European Systems of Numerals. Heidelberg: Carl Winter, Universitätsverlag, 1960.- 190 p.

Trautmüller H. Sound symbolism in deictic words// *Fonetik 96*, Swedish Phonetic Conference, Nässligen, 29-31 May, 1996.

Vasmer M. Etimologičeskij slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of Russian Language], vol. II Moscow: Asrtrel-AST, 2007.- 671 p.

Vygotsky L. The Crisis of the First Year// *The Collected Works of L.S. Vygotsky*, vol. 5. "Child Psychology"/ Rieber R. (ed.). NY: Plenum Press, 1998.- P. 243-260.

Vygotsky L. Orudiye i znak v razvitii rebyonka [The Tool and the Symbol in Child Development]// *Psychologiya razvitiya čeloveka* [Human Development Psychology], Moscow: EXMO-Smysl, 2005.- P.1039-1118.

Wichmann S., Holman E., Brown C. Sound Symbolism in Basic Vocabulary// *Entropy*. – 2010.- Vol. 12. – P.844-858.

Wierzbicka A. Opening Statement// *Semantic and Lexical Universals: Theory and Empirical Findings/* Goddard C., Wierzbicka A., Amsterdam-Phyladelphia: John Benjamins Publishing Company, 1994.- P.2-6.

УДК 81'23

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-4-137-148

ЯЗЫК КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ В СВЕТЕ ИДЕЙ Э.С. БАУЭРА

Яковлев Андрей Александрович

доцент кафедры романских языков
и прикладной лингвистики ИФиЯК СФУ

г. Красноярск, пр. Свободный 82а

mr.koloboque@rambler.ru

В статье представлен анализ предмета психолингвистики с позиций некоторых идей Э.С. Бауэра. Язык понимается как достояние человека, т.е. как открытая самоорганизующаяся функциональная система образов, ассоциированных с материальной формой знаков, служащая посредством выражения мыслей и чувствований для организации своего и чужого поведения. Основное свойство языка состоит в устойчивом неравновесии между ним и внешней средой, которое сохраняется благодаря свободному знанию, пристрастному к миру и не сводимому к информации, получаемой извне. При воздействии извне, т.е. при изменении внешней среды, язык осуществляет деятельность, которая корректирует изменения, вызванные в самом языке воздействиями окружающей среды. Язык изменяет и внешнее воздействие, и свои внутренние связи и состояния. Явления сознания, обуславливающие такое двойное действие языка, — это опережающее отражение действительности и наличие в образах сознания личностного смысла. Диалектика языка обуславливается, с одной стороны, тем, что язык для поддержания неравновесия преломляет воспринимаемую извне информацию, с другой стороны — тем, что поступающая извне информация не переходит непосредственно в деятельность. Предмет психолингвистики определяется как закономерности того, каким образом и насколько сильно разные условия внешней среды и их изменения влияют при сохранении устойчивого неравновесия языка на изменение внутренней структуры образов, ассоциированных со словами, в общем и целом и относительно разных групп людей.

Ключевые слова: предмет психолингвистики, Эрвин Бауэр, устойчивое неравновесие, опережающее отражение, личностный смысл

Живое не поддается определению. Однозначно и исчерпывающим образом определить, что такое жизнь, невозможно. Однако наличие известной совокупности свойств, которыми обладает некоторая система, почти со стопроцентной вероятностью говорит о том, что эта система — живая, живой организм. Так, живое способно к самоподдержанию, размножению и получению энергии извне для осуществления своих функций, оно обладает наследственной информацией, передающейся потомкам, раздражимостью, подвижностью, обменом веществ. Тем не менее ни одно из этих свойств не является единственно достаточным или главным (какие из них имеются и у вирусов). Кроме того, живое и неживое не отличаются по какому-то однозначно определенному свойству; живое является живым в силу тех же универсальных законов природы, в силу которых неживое остается неживым.

Различия между живым и неживым определяется не каким-то особым состоянием или свойством, а сочетанием состояний и свойств.

Язык тоже проявляет свойства, которые можно сравнить со свойствами живых организмов (но именно лишь сравнить, о полном подобии языка и живого организма на манер А. Шлейхера говорить не приходится). Поэтому можно попытаться применить к нему не столько соответствующую логику рассуждения, сколько, так сказать, способ осмысления.

Книга Э.С. Бауэра с грандиозным названием «Теоретическая биология» вышла почти 100 лет назад [Бауэр 1935]. Более поздние исследования показали, что теория Э.С. Бауэра не оправдала себя в некоторых важных для нее пунктах, но основная идея – живая система как устойчиво неравновесная – не опровергнута и, видимо, не будет опровергнута. Чтение его книги наводит на мысль, что его суждения могут помочь разобраться в неравновесии языка как достоинства человека и его психики, как формы существования и проявления сознания, а также в том, какую роль в сохранении этого неравновесия играет личностный смысл.

Начать надо с основных положений и понятий, на которые будет опираться все дальнейшее.

Ниже язык все время (за единственным исключением) будет рассматриваться не как система научных абстракций, а как достоинство человека – открытая самоорганизующаяся функциональная система образов, ассоциированных с материальной формой знаков, служащая посредством выражения мыслей и чувствований для организации своего и чужого поведения. В такой трактовке мы придерживаемся отечественной традиции языкознания и психолингвистики [Залевская 2005: 33–34; Поливанов 2006: 40–41; Фортунатов 1956: 111–113]. Язык понимается как психическое явление, как форма (т.е. способ) существования сознания, что чрезвычайно важно для уяснения нижеизложенных суждений. Для простоты ниже всюду будет употребляться слово «язык» именно в таком содержании этого понятия. Кроме этого, слово «язык» будет употребляться в метонимическом смысле – как обозначение субъекта речевой деятельности (если говорится, например, что язык осуществляет деятельность, то имеется в виду, что человек с помощью языка осуществляет деятельность).

Под знанием всегда будет пониматься живое знание [Залевская 2007: 51–59; Зинченко 1998: 30–47; Ильенков 2009: 78–90], хотя так же для простоты будет употребляться одно только слово «знание». Живое знание – это такое знание, которое усвоено человеком с полным переживанием его как своего, как имеющего существенное значение для его жизни (не обязательно всей жизни). Живое знание не сводится к информации и ее получению. Живое знание не может быть повторено в его раз навсегда данном виде, оно строится каждый раз заново, возобновляется в каждом акте его использования в аффективно и лично окрашенной деятельности. В живом знании существен не только собственно интеллектуальный (когнитивный, познавательный) аспект, но и аспект эмоционально-личностный и в ряде случаев телесный (перцептивный). Кроме того, ниже будет говориться о свободном знании; оно понимается как такое живое знание, которое, будучи лично значимым, не зависит от непосредственно действующей потребности и не направлено на ее удовлетворение.

Жизнь языка состоит в том, что образы сознания в ходе деятельности человека (не только речевой) получают из внешнего мира некоторые «вещества» – информацию, которая, получая эмоционально-личностное преломление и изменяя опыт осуществления данной деятельности в условиях, схожих с данными, становится знанием. Образы сознания, вовлеченные в данное действие (а также связанные с ними), перестают быть такими, какими они были до этого действия. Разные условия и разные деятельности обуславливают разницу и в знании, а также в его выражении через язык.

Как представляется, нет надобности объяснять, что при всех своих достижениях традиционный (системно-структурный) подход к языку выявляет лишь закономерности проявления жизни языка, лишь **результат** закономерностей его движения, а не сами эти закономерности. Следовательно, традиционный подход является теорией проявления жизни языка в ходе истории, принимая во внимание только часть языковых явлений и не выявляя внутренних закономерностей, приводящих к этим явлениям.

Следует обратить внимание на то, что такие новые (или часто просто новомодные) направления языкознания, как, например, когнитивная лингвистика и психолингвистика, отличаются от традиционных (якобы сугубо описательных) совсем не только своим экспериментальным характером. Это отличие состоит в иной, углубленной постановке вопроса о сущности и движении языка. Экспериментальный метод в таком случае является ключевым, но не единственным средством решения возникающих задач. Важнейшее отличие этих направлений от традиционных состоит в стремлении найти законы движения языка и объяснить разнообразие форм их проявления в разных условиях. Задача состоит не только в углублении нашего понимания этих законов, но и в расширении той перспективы, с которой они рассматриваются. Законы жизни языка должны с необходимостью вытекать из основных законов, свойств и внутренних связей сознания человека.

Можно бесконечно долго вести психологические и психолингвистические эксперименты, но без **теории** языка (еще раз обратим внимание: именно в оговоренном выше смысле слова) невозможно понять закономерностей его жизни. А создание никакой теории не может быть обеспечено путем суммирования эмпирических фактов или результатов эмпирических исследований [Степин 2000: 141]. Для создания теории решающее значение приобретают не методы, а подлежащие объяснению явления в их существенных свойствах.

Традиционное языкознание дает общий принцип для объяснения многообразия форм и функций языков мира, теорию, охватывающую закономерности языковых систем, их происхождения и изменения. Теперь же ставится вопрос: «Возможна ли такая теория для языка, причем как независимо от исторических и социальных условий его жизни, так и в связи с этими условиями?» Иначе говоря: «Можно ли найти такие всеобщие законы жизни языка, которые действуют во всех формах его проявления, которые уже известны или возникнут в будущем и в основе которых лежат некоторые всеобщие закономерности человеческого сознания?» И этот вопрос равнозначен вопросу: «Имеет ли язык свои собственные законы?» А коль скоро языкознание есть наука о всех языковых явлениях, то такая постановка вопроса приводит и к другой: «Существует ли наука о языке? И если да, то каков ее предмет?»

Традиционное языкознание могло лишь констатировать наличие внешних сил, но объяснить их оно не могло (впрочем, и не ставило перед собой такой задачи), т.к. для этого надо понять внутренние законы языка (именно языка, а не одной лишь языковой системы). Но понять их можно, лишь представив в виде исторических закономерностей, т.е. таких, которые основываются на свойствах самого языка (как частных проявлений свойств сознания), а не только в силу действующих извне причин.

Таким образом, если языку приписываются особые, только ему свойственные законы движения, то следует признать наличие и необходимость поиска таких общих законов, которые лежат в основе частных законов лексики, онтогенеза языка и речи, семантики и т.д. Задача состоит в том, чтобы выразить в форме одного или нескольких законов то, что свойственно языку.

Психические процессы, протекающие в жизни языка, подчиняются законам психики и сознания, а равно и условиям общественной жизни и общения (вообще взаимодействия) людей. Это означает, что в языке действуют два рода факторов: внутренние (факторы сознания) и внешние (факторы языкового коллектива и культуры в целом).

Всякая живая система подразумевает активность, т.е. некоторое противодействие воздействиям окружающей среды и в то же время внесение некоторых изменений в окружающую среду [Бауэр 1935: 16–17]. Такая «двойная» активность означает, что в самой системе во время внешних воздействий происходят такие изменения, которые не являются следствием только изменений окружающей среды и действий внешних сил и первоначальных условий. Другими словами, в языке, как в живых системах, во время внешних воздействий происходит такая активность, которая изменяет первоначальные состояния самого языка, а за счет этого и эффект действия окружающей среды.

Коротко говоря, язык изменяет и внешнее воздействие, и свои внутренние связи и состояния.

Важно не то, чтобы каждое внешнее воздействие среды непременно сопровождалось внешне выраженной активной деятельностью языка, но то, чтобы происходили не только пассивные изменения, полностью и однозначно детерминированные условиями внешней среды. И хотя в науке принято считать восприятие речи именно целенаправленной и организованной деятельностью, мы здесь подразумеваем, что оно может быть и непреднамеренным, а изменения языка могут быть неконтролируемыми самим его субъектом.

Такое активное реагирование на внешние воздействия обеспечивается восприятием речи (имеется в виду не процесс восприятия в его протекании, а восприятие как потенциальная возможность такого процесса; речь же имеется в виду как устная, так и письменная). Под восприятием речи с позиций языка понимается свойство языка, в силу которого на изменения внешней среды (не обязательно направленные непосредственно на язык или на данного индивида) язык отвечает изменением собственных состояний и внутренних связей. Причем даже при многократных воздействиях внешней среды язык не теряет способности к изменению внутренних связей вследствие восприятия речи. Такие изменения не выводятся непосредственно из воздействий окружающей среды, а конечный

эффект действия изменений среды не соответствует «силе» этого воздействия. Незначительные с виду воздействия могут вызвать значительные изменения языка, как и наоборот. Кроме того, воздействие оказывается на одну «область» языка и вообще сознания, а конечное изменение захватывает и другие тоже (или только другие) «области» языка. Так, в одном случае воздействие может оказываться только на мыслительную, эмоциональную или перцептивную «сферу» сознания, но в результате этого будет изменяться также и язык. В другом случае воздействие на язык не будет подразумевать воздействия на эмоционально-личностный аспект связанных с языковыми знаками образов, а эти последние тем не менее будут претерпевать в значительной мере именно эмоционально-личностное изменение.

Сказанное приводит к выводу: первая закономерность, которой подчиняется язык и его жизнь, состоит в том, что при неизменной социокультурной внешней среде язык не находится в равновесии, а обладает свободным знанием (излишним с точки зрения внешней среды), которое может быть реализовано в действии без внешнего воздействия на язык. Социокультурная среда может быть ограничена двумя людьми, а может расширяться до всего языкового коллектива; важно, что субъекты ее связаны не случайными, а регулярными отношениями межличностного и/или социально-экономического порядка. Вторая закономерность состоит в том, что при каком-либо воздействии извне, т.е. при некотором изменении внешней среды, язык осуществляет некоторую деятельность, которая корректирует и влияет на изменения, вызванные в самом языке воздействиями окружающей среды. Отсюда следует, что изменение эмоционально-личностного аспекта языка и вообще его внутренних связей при изменении внешних условий происходит в определенном направлении, которое с большей вероятностью даст в будущих схожих условиях более эффективное действие, более эффективное регулирование своего и чужого поведения. Другое следствие: в силу различия между информацией и знанием (лично переживаемой и эмоционально оцениваемой информацией) язык отдает во внешнюю среду не только информацию о некотором объекте, но и информацию о его оценке самим языком (точнее, конечно, субъектом деятельности), т.е. о своих собственных состояниях.

Сказанное дает возможность охарактеризовать устойчивое неравновесие языка и внешней среды. Устойчивое неравновесие языка — это такое его состояние, при котором он не просто обладает избытком знания, но и способен использовать этот избыток для поддержания неравновесия. Такое состояние не поддерживается стихийно и требует притока информации извне, которая должна не использоваться непосредственно как таковая, а перерабатываться языком и сознанием.

Итак, чтобы можно было с необходимостью, а не по случайности определить язык как живое (осуществляющий жизнь в вышеуказанном смысле и опирающийся на живое знание человека), он даже при неизменной окружающей социокультурной среде должен быть способным, реализуя свободное живое знание, осуществлять такую деятельность, которая приводит и к изменению условий внешней среды, и к изменению внутренних связей и состояний самого языка. Кроме того, эта деятельность должна искажать или целенаправленно регулировать в зависимости от состояний и нужд субъекта деятельности прямое воздействие на язык (и вообще сознание и поведение субъекта) со стороны внешней среды в данный момент и обеспечивать предвидение и искажение будущих воздействий.

Если эти два требования не выполняются, язык невозможно назвать живым, его жизнь приостановлена или остановлена. Пассивность и вместе с ней смерть языка – это усвоение ровно того количества информации, которое в него поступает извне, а равно и отдача в среду ровно того количества информации, которое требуется для некоторого изменения ее условий. Следовательно, язык не может быть назван живым (все так же в указанном выше смысле, а не в смысле привычного выражения «мертвые языки», т.е. такие, на которых никто, кроме лингвистов, не говорит), если между ним и окружающей социокультурной средой установилось равновесие (его можно условно назвать информационным равновесием).

Наступит равновесие при определенном состоянии среды или нет и, следовательно, будет язык способен осуществлять деятельность при определенном состоянии среды или нет – это зависит от состояний и внутренних связей языка. Если происходящие в языке процессы служат источником свободного живого знания и если в языке существует некоторое «приспособление», способствующее превращению свободного знания в действие, изменяющее внутренние связи самого языка, то язык вследствие этого действия при константных внешних условиях останется способным совершить действие, а без этого «приспособления» он пришел бы в равновесие со средой.

Действительно, жизнь языка при любых условиях окружающей среды имеет целью устранение равновесия со средой и сохранение собственного неравновесия. Для этого в языке должно быть «приспособление», превращающее свободное знание в деятельность. Такое «приспособление», однако, содержится не в самом языке, а является одним из существенных свойств сознания. Это – опережающее отражение действительности.

Отвлечемся и уясним, что имеется в виду под опережающим отражением. Оно является лишь одной из форм фундаментальной отражательной способности живой материи, на основе которой сформировался и специализировался мозг как орган психической деятельности и орган всеобщего отражения мира в сознании человека [Анохин 1978: 25]. Последовательно и повторно развивающиеся события внешнего мира создают условия для возникновения в поведении живого (особенно обладающего нервной системой) существа «предупредительного» приспособления к предстоящим изменениям среды, к будущим событиям [Там же: 41–42, 172–174, 177, 181]. В основе опережающего отражения лежат именно значимые для живого организма факторы окружающей среды: «Именно биологически значимые или эмоциогенные раздражения, скрепляющие следовые реакции от прежних раздражений, составляют необходимое условие, подготавливающее путь для будущих опережающих реакций под действием какого-то отдаленного звена пространственно-временного континуума» [Там же: 173].

Вернемся. Все сказанное до сих пор означает, что язык не выполняет никакой другой деятельности, кроме деятельности против равновесия. А свободное знание изменяет структуру и связи самого языка, но не осуществляет непосредственно деятельности против воздействий окружающей среды. Язык путем усвоения и переработки опыта переживания мира и жизни в нем создает в себе самом собственный источник информации за счет существующего в нем же свободного живого знания.

Структуры языка не находятся в равновесии, и для его поддержания необходимо постоянно возобновлять избыток информации, перерабатываемой в знания. Информация, поступающая извне, употребляется в языке для построения, возобновления и развития свободного живого знания, а не непосредственного использования в деятельности. Накапливаемый опыт деятельности и усвоения лично-значимой информации употребляется для создания пристрастного отношения к миру, для возникновения, сохранения и развития свободного знания, а не для непосредственного его превращения в информацию, т.е. в тексты.

В языке только его внутренние ресурсы являются источником деятельности, хотя и вызываются, как бы провоцируются определенными изменениями внешней среды. Поэтому происходящее в познавательной деятельности и общении превращение информации в живое знание является необходимым условием для сохранения жизнеспособности языка.

Отсюда вывод: структуры живого языка обладают знанием (перцептивно-когнитивно-аффективным опытом деятельности), которое может уменьшаться в данных условиях, т.е. эти структуры неравновесны, и в языке всякая внутренняя (размышление, воображение и т.п.) деятельность или направленная вовне (речь, действие и т.п.) только за счет этого неравновесия.

Во всякой искусственной системе переработки информации внутренние состояния ее частей остаются за редчайшим исключением неизменными, они служат только для прямого превращения некоторой поступающей в них информации в тексты. В языке в речевую деятельность и ее продукты (тексты) трансформируется знание, в том числе свободное. Воспринятая извне информация устных и письменных текстов при помощи структур языка и других явлений психики не трансформируется в деятельность, а идет на возобновление и поддержание внутренних связей языка и свободного живого знания.

Следовательно, поступающая извне информация через общение, в которое вовлечен человек, нарушает имеющиеся структуры языка и знания. Точнее, конечно, не сама она: информация через опережающее отражение результата общения подталкивает язык и вообще сознание к такому изменению. В этом и состоит роль речевого общения. В данном случае неважны мотив, условия и характер осуществления речевой деятельности, важно лишь, что деятельность языка возможна только вследствие временного нарушения связей между образами и/или ассоциированными с ними языковыми знаками и что восприятие и порождение речи находятся в противоречии друг другу, поскольку первое сопровождается переработкой и частичным разрушением того, что лежит в основе второго. С другой стороны, порождение речи содержит в себе и внутреннее противоречие: само оно основывается на определенных внутриязыковых связях, но его результат (который в силу внешних условий может оказаться далек от запланированного) вносит изменения во внутренние связи языка, частично разрушая и перестраивая их.

Эти противоречия (по большей части между усвоением опыта и организацией собственной и чужой деятельности, осуществляемыми посредством языка) с необходимостью даны в самом языке и неотделимы от законов его движения и жизни. Раз возникнув, язык не может не осуществлять деятельности (направленной в основном внутрь – познания, как и направленной в основном

вовне – общения). Поэтому речь, речевая деятельность, общение с помощью языка, наличествующая хотя бы в самой слабой степени, является общим свойством языка, одной из форм его жизни (наряду, например, с внутренней речью или мышлением, осуществляемым средствами языка в виде монолога). Отсюда следует, что противоречие и обоюдонаправленность построения знания (познание) и его реализации (речь) появляется уже с возникновением языка, т.е. с появлением самых первых связей между образами сознания и языковыми знаками. Противоречие (скорее, диалектика) обуславливается, с одной стороны, тем, что язык должен воспринимать извне информацию, нужную для поддержания его жизни (лежащего в ее основе неравновесия), чтобы жить и действовать в меняющемся мире, а с другой стороны – тем, что поступающая извне информация не переходит непосредственно в деятельность.

Однажды возникнув, язык неминуемо развивается, поскольку помогает более эффективно осуществлять различные виды деятельности, перестраивает способы осуществления деятельности, психические явления и сознание. Развитие внутренних связей языка должно происходить в двух направлениях: 1) в направлении увеличения разнообразия используемых (или потенциально могущих быть использованными) источников знаний и разнообразия условий их использования; 2) в направлении увеличения разнообразия форм деятельности в пределах одной и той же группы людей (или разных групп) и увеличения разнообразия условий, пригодных для речевой деятельности. При этом следует помнить, что различные группы людей не существуют отдельно и независимо друг от друга (иногда границы между ними не более чем условность), они сосуществуют во времени и пространстве социально-культурного взаимодействия, обеспечивая друг друга источниками знаний.

Нетрудно понять, что в ходе возникновения языка и нарастания его внутреннего разнообразия речевая деятельность (как в форме восприятия, так и в форме порождения речи) становится все более важной и увеличивается количественно. Хотя такое увеличение происходит через единичные случайные акты в случайных условиях, их повторяемость и обобщение в опыте дают закономерные следствия. В частности, близкие по условиям возникновения и развития языки, пользующиеся для поддержания неравновесия одинаковыми источниками информации в одинаковых условиях, будут иметь схожие внутренние связи и состояния (разумеется, не все и не во всем схожие), развивающиеся к тому же схожим образом, а вновь возникающие связи, могущие использовать новые источники информации и/или порождаемые этими последними, в начале такого использования будут иметь минимальную способность перестраивать эту информацию в знания и осуществлять в соответствующих новых условиях речевую деятельность с последующим нарастанием этих способностей.

Важно тем не менее отметить одно обстоятельство. Объем речи в сравнении с объемом изменений внутренней структуры языка увеличивается. Это происходит потому, что общие итоги большого количества актов общения не способны более вносить существенные (именно существенные) изменения в язык. Акты общения становятся все более похожи друг на друга, и тогда эти однотипные речевые акты не требуют затрат знаний на осуществление деятельности и не нарушают в существенной степени устойчивое неравновесие языка.

Люди целенаправленно создают такие знаки, которые иначе организуют взаимоотношения между языком и речевой деятельностью, между информацией и знаниями. Термины – показательный пример таких систем: необходимо обладать особым, профессиональным, опытом, чтобы информация, содержащаяся в термине, определенным образом меняла язык. Сюда относится также любой «тайный» язык (в смысле набора знаков), известный только двоим или группе людей.

Если законы живого языка имеют своей необходимой предпосылкой неравновесные состояние (точнее: совокупность состояний, обеспечивающих неравновесие) и динамику его структур, то спрашивается: «Чем обуславливается это самое состояние? Чем обусловлено неравновесие языка?»

Ответ, по-видимому, состоит в следующем: неравновесием образов сознания.

Если отвлечься от специальных случаев и рассматривать только такие образы сознания, в которых наличествуют все свойственные им аспекты, то можно констатировать, что во всяком образе имеется пять аспектов: языковой (материальная форма языкового знака), предметный (собственно образ предмета, явления или ситуации), когнитивный (значение), эмоциональный (личностный смысл), телесный (запечатленные в памяти, а также актуально вовлеченные в деятельность физиологические состояния и акты) [Василук 1993]. Следует пояснить, что аспекты образа не являются некоторыми отдельностями, из суммирования которых можно составить образ. Образ существует всегда во всех пяти аспектах, но в зависимости от деятельности и условий ее осуществления значимость приобретает какой-то один, хотя участвуют всегда все.

В свете всего сказанного можно заключить, что для возникновения и сохранения свободного живого знания, лежащего в основе устойчивого неравновесия языка, необходимо превалирование эмоционально-смыслового аспекта образа сознания.

Личностный смысл есть «...отношение между субъектом и объектом или явлением действительности, которое определяется местом объекта (явления) в жизни субъекта, выделяет этот объект (явление) в образе мира и воплощается в личностных структурах, регулирующих поведение субъекта по отношению к данному объекту (явлению)» [Леонтьев Д.А. 2007: 114]. Если некоторое явление переживается человеком как значимое, необходимое для его жизни или значительной ее части, это и означает, что данное явление обладает личностным смыслом. Иными словами, это означает, что между человеком и явлением установилась такая связь, в силу которой именно данное явление переживается как имеющее отношение к реализации некоторой потребности человека (от потребности сиюминутной до жизненной).

Смыслы – это те формы переживания мира, в которых отношения субъекта к некоторому объекту даны самому субъекту. Но отношение не может быть дано непосредственно, а только через определенную чувственную ткань – через эмоцию. «...Эмоциональная реакция, как правило, сигнализирует нам о личностном смысле. Можно говорить о том, что эмоции выполняют вспомогательную функцию презентации личностного смысла на осознаваемом уровне, не столько содержательно отображая его (это невозможно, поскольку смысл гораздо сложнее и глубже эмоции), сколько привлекая к нему внимание и ставя задачу на его содержательное раскрытие» [Там же: 164–165].

Но зачем вообще нужны эмоции самому человеку? Во-первых, эмоции в некоторой данной ситуации отражают адекватность или неадекватность этой ситуации относительно мотивов и целей деятельности человека [Леонтьев А.Н. 2001: 474]. Во-вторых, они отражают то, какую значимость уже совершенное действие имеет для человека, чтобы тот был готов к соответствующей организации своей деятельности в схожих будущих условиях. В-третьих, именно через эмоции как особые состояния сознания человек (т.к. сам личностный смысл не дан ему) организует собственную деятельность [Там же: 479].

Не обязательно, чтобы во всех образах сознания превалировал смысл (абсолютно для всех образов это, видимо, невозможно), но обязательно, чтобы существовали такие образы, в которых смысл всегда превалирует, и образы, в которых смысл потенциально может превалировать в зависимости от условий. Неравновесие образа в сторону смысла обеспечивает возникновение свободного живого знания, а вовлеченность данного образа в деятельность (а значит, организация и осуществление деятельности в соответствии со смыслом, а не только со значением) обеспечивает поддержание неравновесия образа. В таком случае способ осуществления деятельности, а также ее результат будут значимы, не будут безразличны для субъекта, что и внесет эмоционально-личностное переживание в измененный посредством деятельности образ сознания и зафиксируется в связи образа с материальной формой языкового знака.

Поддержание неравновесия образа через деятельность, организуемую с существенной ролью личностного смысла, соответствует важнейшим свойствам сознания. Выше ставилась задача нахождения таких всеобщих законов языка, в основе которых лежат всеобщие свойства и законы сознания. Такими свойствами является активность и пристрастность сознания, а законами – преломление отраженных в сознании предметов и явлений в зависимости от их места и роли в деятельности и в опережающем отражении. Точно так же и личностный смысл, лежащий в основе свободного живого знания, позволяет давать предметам, явлениям и ситуациям субъективную оценку в зависимости от их роли в регуляции и организации речевой деятельности (организации усвоения и передачи опыта познания мира и жизни в нем), а также в регуляции и организации уже имеющегося опыта для более эффективного познания и общения в будущем. Эффективного — с позиций личности, т.е. лично значимого, необходимого для жизни и развития личности.

Выше был поставлен вопрос: что является предметом языкознания? Разумеется, языкознание — это комплекс дисциплин, изучающих не один какой-то предмет, а широкую предметную область. И коль скоро язык рассматривается не во всем богатстве своих аспектов, а только как достояние человека, как форма (точнее: одна из форм) существования индивидуального сознания, то этот вопрос конкретизируется: «Что является предметом психолингвистики?» Все сказанное позволяет на него ответить. Психолингвистика как наука о языке в очерченном выше содержании понятия «язык» (язык как достояние человека) имеет в качестве предмета закономерности того, каким образом и насколько сильно разные условия внешней среды и их изменения влияют при сохранении устойчивого неравновесия языка на изменение внутренней структуры образов, ассоциированных со словами, в общем и целом и относительно разных групп людей.

Литература

Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. 400 с.

Бауэр Э.С. Теоретическая биология. М. Л.: Изд. ВИЭМ, 1935. 151 с.

Василюк Ф.Е. Структура образа // *Вопросы психологии*. 1993. № 5. С. 5–19.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. 2-е изд. испр. и доп. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 560 с.

Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Часть I. Живое знание (2-е испр. и доп. изд.). Самара: Самарский Дом печати, 1998. 296 с.

Ильенков Э.В. Школа должна учить мыслить. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2009. 112 с.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007. 511 с.

Поливанов Е.Д. Введение в языкознание (для востоковедных вузов). Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. – 232 с.

Степин В.С. Теоретическое познание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.

Фортулатов Ф.Ф. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1956. 450 с.

LANGUAGE AS THE OBJECT OF PSYCHOLINGUISTICS FROM THE PERSPECTIVE OF E.S. BAUER'S IDEAS

Andrey A. Yakovlev

Assistant professor

Department of romance languages
and applied linguistics, SibFU

82a, Svobodny av., Krasnoyarsk, Russia
mr.koloboque@rambler.ru

The paper analyzes the object of psycholinguistics from the perspective of some ideas of Ervin S. Bauer. Language is understood as the property of individual; as an open self-organizing functional system of images associated with the sign's material form which while expressing thoughts and feelings shapes one's own and others' behavior through the expression of thoughts and feelings. Due to the free knowledge that is biased towards the world and cannot be reduced to the information obtained from the outside, there exists a stable disequilibrium between the language and the outer world, that makes up the language main feature. When exposed to the external factors, i.e. when the environment changes, the language performs activities that compensate for the effects of the environment. The language changes both the external influence, and its internal connections and states. The phenomena of consciousness that cause such a double action of the language are an anticipatory reflection of reality, and they provide for the presence

of the personal sense in the images of consciousness. The dialectics of the language is conditioned, on the one hand, by the fact that for the maintenance of disequilibrium the language refracts the information perceived from the outside, on the other hand, by the fact that information coming from the outside does not pass directly to the activity. The subject matter of psycholinguistics is regarded as laws driven by the environment along with the stable disequilibrium change the internal structure of images associated with words, in general and in relation to different groups of people.

Keywords: object of psycholinguistics, Erwin Bauer, stable disequilibrium, anticipatory reflection, personal sense

References

- Anokhin P.K.* (1978) *Izbrannye trudy. Filosofskie aspekty teorii funkcional'noj sistemy* [Selected Works. Philosophic aspects of the theory of functional system]. Moscow: Nauka. 400 P. Print. (In Russian)
- Bauer E.S.* (1935) *Teoreticheskaja biologija* [Theoretic Biology]. Moscow, Leningrad: Izd. VIEM. 151 P.
- Vasiljuk F.E.* (1993) *Struktura obraza* [Image structure]. *Voprosy psihologii* [Questions of psychology]: 5: 5–19. Print. (In Russian)
- Zalevskaja A.A.* (2005) *Psiholingvisticheskie issledovanija. Slovo. Tekst. Izbrannye trudy* [Psycholinguistic Research. Word. Text. Selected works]. Moscow: Gnozis. 543 P. Print. (In Russian)
- Zalevskaja A.A.* (2007) *Vvedenie v psiholingvistiku* [An Introduction to Psycholinguistics]. Moscow: Rossijsk. gos. gumanit. un-t. 560 P. Print. (In Russian)
- Zinchenko V.P.* (1998) *Psihologicheskaja pedagogika. Materialy k kursu lekcij. Chast' I. Zhivoe znanie* [Psychological Pedagogy. Materials to the lectures course. Part one: living knowledge]. Samara: Samarskij Dom pečati. 296 P. Print. (In Russian)
- Ilyenkov E.V.* (2009) *Shkola dolzhna učit' myslit'* [School Should Teach Thinking]. Moscow: Izd-vo Mosk. psihologo-social'nogo in-ta; Voronezh: Izd-vo NPO «MODEK». 112 P. Print. (In Russian)
- Leont'ev A.N.* (2001) *Lekcii po obshhej psihologii* [Lectures on General Psychology] Moscow: Smysl. 511 P. Print. (In Russian)
- Leont'ev D.A.* (2007) *Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti* [Psychology of Sense: Nature, Structure and Dynamics of Conceptual Reality]. Moscow: Smysl. 511 P. Print. (In Russian)
- Polivanov E.D.* (2006) *Vvedenie v jazykoznanie (dlja vostokovednyh vuzov)* [An Introduction to Linguistics (for universities of oriental studies)]. Moscow: KomKniga. 232 P. Print. (In Russian)
- Stjopin V.S.* (2000) *Teoreticheskoe poznanie* [Theoretical Cognition]. Moscow: Progress-Tradicija. 744 P. Print. (In Russian)
- Fortunatov F.F.* (1956) *Izbrannye trudy. V 2 t. T. 1* [Selected Works. In 2 Volumes. Vol. 1]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo. 450 P. Print. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания Российской академии наук

и

Российский университет дружбы народов

06–08 июня 2019 г.

проводят XIX международный симпозиум
по психолингвистике и теории коммуникации

«ТЕОРИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ»

Основная проблематика:

- **Методология и теория речевой деятельности.**
- **Проблемы анализа сознания.**

Языковое сознание: онтология и гносеология.

Русское языковое сознание: динамика и вариативность (конец XX–начало XXI вв.).

Аксиологическое языковое сознание: проблемы анализа.

- **Межкультурное общение.**

Межкультурное общение: контакты и конфликты.

Би-, поли-, транслингвизм: теоретический анализ и практика.

Психолингвистические проблемы перевода.

- **Новые методы анализа речевых практик: цифровая реальность.**

Мультимодальность современной коммуникации.

Медиатекст в новой информационной среде.

Современные технологии анализа текста.

Психолингвистический анализ больших данных.

Новые медиа как материал для психолингвистического анализа.

- **Ассоциативные базы данных.**

Ассоциативные базы данных: обработка и анализ.

Слово как средство доступа к информационной базе человека.

Ассоциативная лексикография.

- **Онтогенез языка.**

Овладение языком в онтогенезе.

Речевые патологии как инструмент анализа речевых практик.

- **Проблема анализа гипертекста: производство и восприятие.**
- **Экология языкового сознания и родного языка.**
- **Психолингвистические аспекты преподавания русского языка.**
- **Право в языковом сознании.**

Право в обыденном языковом сознании.

Особенности правосознания носителей разных языков/культур.

Закон и его восприятие в обыденном языковом сознании: региональный аспект.

- **Круглый стол «Диагностика и коррекции трудностей письма и чтения».**

- **Круглый стол «Гендерная лингвистика в третьем тысячелетии».**

- **Круглый стол «Русский язык и процесс глобализации: проблемы**

научного осмысления и защиты в свете глобалистской ревизии научных концепций».

- **Круглый стол «Психолингвистическое исследование феномена**

полиглотии».

ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ У ПОЗДНИХ СУБОРДИНАТИВНЫХ БИЛИНГВОВ КАК ОСНОВА ИХ ДВУЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Голигузова Ольга Альбертовна

аспирант ФГБУН Институт языкознания РАН

Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д 1 стр. 1

goliguzova_o@mail.ru

Основная проблема, рассматриваемая в статье, – необходимость адаптирования современных подходов и взглядов на организацию билингвального лексикона к реалиям формирования высокого уровня владения вторым языком у поздних субординативных билингвов. В статье обосновывается приоритетность формирования билингвального лексикона как важного условия для преодоления пассивного билингвизма и перевода индивида с рецептивного режима использования второго языка на активный и продуктивный и, в частности, актуализируется необходимость проведения четкой границы между языковыми значениями и ментальными репрезентациями, или концептами, в сознании человека, ибо именно трудности в формировании связи «новое слово второго языка – концепт» и есть то, что не позволяет индивиду преодолеть так называемое плато и выйти за рамки ограниченного продуцирования второго языка к его многофункциональному и комфортному использованию. Статья акцентирует внимание на том, что в контексте деконтекстуализированного аудиторного обучения второму языку нужно отойти от дихотомии словесно-ассоциативной и концепто-медиативной модели и взять за основу положение о том, что и ранние билингвы способны формировать прямые связи «концепт – слово» без посредничества переводных эквивалентов первого языка, при этом обращается внимание на особенности усвоения двух основных групп слов – конкретных и абстрактных – и важную роль образного кода при соотношении слова как единицы языка с индивидуальной репрезентацией объекта в сознании человека.

Ключевые слова: билингвизм, билингвальный лексикон, концепт, субординативные билингвы, модели билингвального лексикона, абстрактные/конкретные слова

Введение

Вслед за М.М. Бахтиным, который советовал рассматривать язык «не как систему абстрактных грамматических категорий, а как язык идеологически наполненный, язык как мировоззрение и даже как конкретное мнение, обеспечивающий максимум взаимного понимания во всех сферах идеологической жизни» [Бахтин 2012: 24], билингвизм в современном контексте часто понимается как сложный процесс поиска человеком своего места на перекрестке доминантных и маргинальных идеологий и конструирования им собственной идентичности. Особую

актуальность данное положение приобретает в связи с интернационализацией английского языка во второй половине 20-го века и начале нового тысячелетия и закрепления за ним статуса глобального лингва франка, когда развитие основных навыков использования именно этого языка определяет статус и возможность дальнейшего раскрытия потенциала индивида в обществе и выполнения им новых социальных ролей.

Как отмечает М. Хеллер [Heller 2000: 10], в современном постмодернистском контексте, где культурный и лингвистический плюрализм часто провозглашается как ценность, языковое смешение тем не менее не получает высокую оценку общества. Билингвы, инкорпорирующие элементы одного языка в другой, рассматриваются как менее предпочтительные кандидаты на значимые общественные роли, так как ценный с точки зрения общества билингвизм включает в себя высокий уровень сформированности языковой компетенции как на родном языке (Я1), так и на втором языке (Я2) билингва. Другими словами, цель, которую ставят для себя многие при осознанном изучении второго языка, есть развитие сбалансированного билингвизма, или эквILINGвизма, при котором человек способен функционировать одинаково хорошо на любом из своих двух языков во всех сферах и без каких-либо следов одного языка при использовании второго [Beardsmore 1986: 7].

Если наиболее ранние определения билингвизма выделяли равное владение двумя языками как важный критерий того, кого мы можем назвать билингвом, а кого нет, то современный подход допускает большую вариативность в расхождении между уровнями владения двумя языками, указывая на то, что сбалансированный билингвизм – скорее идеализированное понятие, чем реальность [Baker, Prys Jones 1998: 12]. Однако, чем меньше будет разрыв между двумя языками у человека, использующего их, тем выше будет его способность к вертикальной социальной мобильности.

Основная проблема на пути достижения большой сбалансированности у билингва – разрыв между уровнем знания данного языка и его практическим использованием. Например, человек имеет явно выраженную тенденцию к использованию одного языка, несмотря на достаточное знание второго, иначе говоря, он либо избегает использовать второй, либо переключается на первый при любой возможности. Одно из существующих обозначений данной проблемы – пассивный/рецептивный билингвизм, который наблюдается вследствие негативной оценки человеком его попытки производить язык, а не просто воспринимать его. Негативная оценка, зафиксированная в концептуальной системе человека (в терминах MOGUL – Modular Online Growth and Use of Language), может быть вызвана двумя факторами. Во-первых, восприятием одного из двух языков как языка с низким статусом. Так, например, язык, используемый в семье ребенка, может рассматриваться негативно самим ребенком по сравнению с языком, используемым в обществе и среди сверстников. Во-вторых, что для нас наиболее важно, негативная оценка использования второго языка может быть связана с негативным восприятием человеком своей текущей способности использовать язык на практике, а именно осознания недостаточности средств, которые предоставляет второй (не доминантный) язык для выражения своих мыслей, прежде всего ограниченности лексического репертуара [Sherwood 2017: 177].

Безусловно, разнообразие и объем лексического репертуара напрямую зависит от того, как лексическая информация обрабатывается, как она представлена и хранится, и как обеспечивается доступ к ней, поэтому понимание этих процессов может качественно повлиять на методы и стратегии формирования позднего субординативного билингвизма, что, в свою очередь, повысит позитивную оценку билингвом способности выразить себя на втором языке и приведет к более активному его использованию.

Основное различие в формировании лексической и грамматической компетенции

Формирование лексической компетенции более трудоемко, чем развитие грамматической, так как при формировании грамматических навыков и при расширении ментального лексикона работают разные виды долгосрочной памяти: имплицитная память и эксплицитная память. Имплицитная память реализуется в виде неосознанных изменений в действиях индивида, вызванных постепенным накоплением информации на протяжении длительного времени, и именно она работает при усвоении грамматических структур. Эксплицитная память, подразделяющаяся на семантическую (для общих фактов, к которым относятся связи между словами и их значениями) и эпизодическую (для событий и их лингвистического окружения), задействуется при пополнении ментального лексикона [Bartolotti, Marion 2013: 9].

Таким образом, если, пользуясь терминологией У. Вайнрайха, субординативный билингв может довольно долго оперировать достаточными для большинства высказываний основными грамматическими структурами, постепенно накапливая информацию для неосознанного инкорпорирования новых, то дисбаланс между внешними и внутренними событиями и явлениями, которые требуют языкового выражения, и сформированными ассоциациями типа «концепт – слово» им ощущается постоянно, что, как следствие, часто и приводит к негативной оценке своей способности актуализировать языковые знания и выбору рецептивного режима использования второго языка.

С другой стороны, как отмечает Д. Слобин [Slobin 1996: 78] вслед за Ф. Боасом, грамматика – это набор опций для схематизирования человеческого опыта в зависимости от целей высказывания, и, соответственно, одна и та же ситуация может быть описана как 1) He seems to be working hard или 2) It looks as if he is working hard, или 3) He might be working hard, или 4) He is working hard, I guess. Все четыре высказывания демонстрируют разные грамматические способы схематизации опыта, и при отсутствии одного из этих способов на уровне грамматически сформированного навыка у билингва может быть выбран любой другой без значительной информационной потери, то есть «человек использует существующие рамки для вербализации своих мыслей», и выбор «рамки» не приводит к существенному изменению смысла высказывания. В то время как если необходимо выразить лексически точно то, что соответствует слову *obsession* ‘наваждение, помешательство’, варианты *interest*, и даже *strong interest* не будут более-менее равнозначной заменой: *He has an obsession with fitness. / He has a strong interest in fitness.* Следовательно, именно проблема установления связей между новой лексемой второго языка (Я2) и существующим концептом, сопровождающаяся или

нет его модификацией, либо возможное формирование нового концептуального содержания, стоящего за новой лексемой, и является важным условием для развития более сбалансированного билингвизма.

Постановка проблемы. Приоритет билингвального ракурса над монолингвальным

Анализируя процесс полного усвоения и, как следствие, правильного использования лексических единиц второго языка, необходимо, во-первых, дать ответ на вопрос, как, с современной точки зрения, организован билингвальный или мультилингвальный лексикон в отличие от монолингвального, во-вторых, обосновать валидность разграничения «семантический – концептуальный» и, в третьих, определить особенности включения в билингвальный лексикон лексических единиц в зависимости от степени метафоричности и абстрактности их значения.

В контексте современных исследований сформировалась позиция, согласно которой для того, чтобы добиться большей объективности выводов относительно оперирования билингвами двумя языками, нужно постараться уйти от монолингвального ракурса на эту проблему, так как существует высокая степень взаимодействий между двумя языками билингва [Bartolotti, Marian 2013: 8], и при активном использовании одного языка второй никогда полностью не отключается.

Прежде всего, подобные взаимодействия были выявлены при выполнении участниками экспериментов задания на принятие лексического решения, когда нужно ответить на вопрос, является ли предложенная на экране компьютера цепочка слов действительно существующим словом или нет, при этом измеряется время реакции, необходимое для принятия решения. Часто испытуемым предлагались семантически связанные пары слов, например nurse – doctor или bread – butter, и пары переводных эквивалентов в двух разных направленностях: первый язык (Я1) – второй язык (Я2) и второй язык (Я2) – первый язык (Я1). В целом было установлено, что в семантически связанных словах из двух разных языков билингва, например pencil (Я2) – goma (Я1; исп. ‘ластик’), наблюдается эффект семантического прайминга, когда время на лексическое решение относительно второго слова сокращается по сравнению с семантически несвязанными парами, причем прайминг будет сильнее, в случае когда первое слово (target) будет из родного языка, а второе слово (prime) – из неродного языка. Когда испытуемым предлагались пары переводных эквивалентов, то здесь время реакции было быстрее, чем в случае с семантически связанными парами. Всё это говорит о том, что билингв имеет доступ одновременно к концептуальным репрезентациям слов из двух языков [Altarriba, Basnight-Brown 2009: 81]. Важно отметить, что дихотомия «значение – концептуальная репрезентация» в последнее время обретает особую значимость, хотя нет единой позиции о том, насколько взаимозаменяемы «лексический», «лексико-семантический», «концептуальный», «ментальный» в терминоточетании «концептуальная репрезентация». Так, В. Френсис использует термины «семантический» и «концептуальный» как взаимозаменяемые [Francis 1999: 195], А. Коста различает лексические репрезентации, с одной стороны, и семантические/концептуальные – с другой [Costa 2005: 309], так же, как и Р. Дуфор и Дж. Кролл [Dufour, Kroll 1995: 167].

Нетождественность значения слова и его концептуальной репрезентации

Одним из первых проблему о нетождественности значения слова в языке и концептуальной/ментальной репрезентации поставил Дж. Фодор в своей работе «Язык мысли» (1975), где он заявил, что, когда мы говорим, мы на самом деле формулируем высказывание на языке мысли, а потом переводим его на тот язык, который мы усвоили для коммуникации с окружающими, иными словами, ментальные концепты не равны словам и первичны по отношению к ним [Teubert 2010: 53]. Любопытно, что подтверждение тому, что слова и концепты не идентичны, было найдено в ходе исследования случаев тотальной и пароксизмальной афазии, когда отсутствует понимание и продуцирование языка, но сохраняется поведение, для которого характерна саморегуляция и способность к коммуникации, основанная на внеязыковых, концептуальных репрезентациях, что дает основание говорить о том, что разные отделы головного мозга, а соответственно, и разные виды памяти (декларативная/эсплицитная и недеklarативная/имплицитная) участвуют в сохранении семантической и концептуальной информации [Pavlenko 2000: 211-212].

Концепты можно рассматривать как стабильные единицы знания в долгосрочной памяти, которые являются репрезентациями значимых единиц и сущностей окружающего мира и представляют собой «кирпичики» для построения сложных мыслей [Malt, Gennari, Imai, Ameel, Saji, Majid 2015: 292]. Другое определение, предложенное А. Павленко, акцентирует способность концептов как ментальных репрезентаций выполнять важные для индивида функции: идентифицировать, понимать, делать выводы, категоризировать [Pavlenko 1999: 211].

По мнению Г. Мёрфи, различие состоит в том, что концепт – это внеязыковая психологическая репрезентация класса объектов окружающего мира, значение слова – это тот его аспект, благодаря которому он реализует свою функцию в языке и соотносится с окружающим миром, таким образом слова приобретают свою значимость за счет соотнесения или связи с концептами [Murphy 2002: 386]. «Знание английского языка снабжает слово значением, знание окружающего мира снабжает смысл слова в данном контексте» [Kecskes, Papp 2004: 49], но концепты более динамичны и индивидуальны, чем слова, и их содержание модифицируется под влиянием опыта индивида, его включения в различные ситуации общения и взаимодействия. Важно отметить, что независимо от словарного значения слова билингв строит свою концептуальную репрезентацию, связанную с этим словом, скорее опытным путем, добавляя и убирая признаки, что является его реакцией на прямой контакт с соответствующей лексической единицей. Не все концепты ассоциируются с определенным словом первого или второго языка, но они могут быть выражены предложением [Frances 2005: 252], следовательно, всегда существует возможность соотнесения существующего концептуального комплекса/набора признаков со словом из второго языка при отсутствии релевантной единицы в первом.

Современные модели билингвального лексикона

Такие исследователи, как Мишель Парадиз (Michel Paradis), Иштван Кешкес и Тунде Папп (Istvan Kecskes & Tünde Papp) считают, что и у монолингвов, и у

билингвов есть отдельная концептуальная система, содержащая концептуальные репрезентации. У Кешкеса и Папп она получила название общей фундаментальной концептуальной базы (Common Underlying Conceptual Base – CUCB), так как они исследовали билингвальный лексикон и рассматривали ее как общую для двух языков. Парадиз также использует этот термин, уточняя при этом, что концептуальная база билингвов не отличается по своей природе, организации, развитию и использованию от монолингвальной концептуальной базы. В обоих случаях она обновляется и динамически развивается под воздействием нового опыта (у монолингвов это знакомство с новой реальией, у билингвов соотнесение единицы второго языка с соответствующим ей концептуальным содержанием): концептуальные репрезентации возникают или модифицируются как набор концептуальных черт, одинаково ведут себя при активации и могут комбинироваться друг с другом для создания более сложных образований [Paradise 2007: 12].

Концептуалайзер (conceptualizer) как самостоятельный элемент в процессе производства речи был также описан В. Левельтом в его модели производства речи в 1989 году, где первым этапом порождения высказывания является концептуализация, когда говорящий формирует коммуникативную интенцию – «что я хочу сказать» и выбирает соответствующую этой интенции информацию из памяти, создавая довербальное сообщение (preverbal message). Лексикон вступает в процесс производства высказывания на втором этапе, когда довербальное сообщение переводится в языковую форму и подбираются слова, соответствующие концептуальному содержанию [Harley 2005: 374]. У Левельта лексикон содержит не только значения слов, но также синтаксическую, морфологическую и фонологическую информацию о каждой лексической единице. С ним согласен и Парадиз, который рассматривает билингвальный лексикон как трехэлементную систему: концептуальная база и два лексикона, соответствующие двум языкам билингва, в которых хранятся формы слов, их фонологические и морфосинтаксические особенности.

Парадиз считает, что в концептуальной базе концептуальные особенности сгруппированы в соответствии с теми лексико-семантическими ограничениями, которые налагает язык, и релевантными прагматическими обстоятельствами словоупотребления. В качестве примера приводятся английское слово *ball* и французское – *balle*, которые во многих случаях будут активировать аналогичный набор концептуальных признаков, но ограничение, которое накладывает французский язык, – это размер мяча, описываемого словом *balle* (маленький мяч, помещающийся в ладони), поэтому со временем билингв добавит эту особенность в концептуальную репрезентацию, активируемую для слова *balle*. По мнению Парадиза, каждый язык билингва понимается прямо [Paradis 2004: 194], то есть нет такой формы посредничества как доступ слов второго языка к общей концептуальной базе через их переводные эквиваленты в первом языке.

Кешкес и Папп разделяют дихотомию словесно-ассоциативной и концепто-медиативной модели, предложенной Поттером в 1984 году [Kecskes, Papp 2004: 55], где первичной является словесно-ассоциативная модель, когда слова второго языка связаны с соответствующими концептуальными репрезентациями через свои эквиваленты в первом, то есть родном языке. Подобная организация билингвального

лексикона описывалась еще Вайнрайхом, который называл ее субординативной, используя термин, предложенный Робертсом для тех случаев, когда один из двух языков билингва является подчиненным по отношению к первому. У Вайнраха нет терминов «слово – концепт», он пользуется терминологией Ф. де Соссюра и рассматривает связь между означаемым и означающим, допуская, что когда второй язык учится с помощью первого, то означаемые знаков изучаемого языка могут быть не реальные «вещи», а эквивалентные знаки в родном языке [Weinreich 1968: 9]. И Вайнрах, и Поттер рассматривают связь «знак первого языка (Я1) – знак второго языка (Я2)» как промежуточную, за которой следует этап образования прямых связей между словами второго языка и соответствующими концептуальными репрезентациями (концепто-медиативная модель Поттера).

Эта идея получила развитие в Обновленной иерархической модели (The Revised Hierarchical Model), предложенной Кролл и Стюарт (Kroll & Stewart), которые поставили перед собой задачу объяснить переход от построения словесно-ассоциативных связей к концептуальной медиации по мере совершенствования билингвом своего уровня владения вторым языком. Согласно этой модели, связи, которые образуют знаки второго языка со знаками первого языка, сильнее, чем те связи, которые возникают у них с соответствующими концептами, и наоборот, связи между единицами первого языка и концептами сильнее, чем их связи с единицами второго языка, чем авторы модели объясняют асимметрию в переводе с родного языка на второй (forward translation) и со второго языка на первый (backward translation) [Szubko-Sitarek 2015: 78-79]. В втором случае скорость перевода выше, так как прочнее связи именно между переводными эквивалентами и перевод не осуществляется через концептуальную систему. Модели подобно этой называют паразитическими, так как они предполагают существование не интегрированного лексикона, а двух отдельных лексиконов для каждого языка, и усвоение слов второго языка происходит за счет «паразитирования» на словах первого, то есть сначала устанавливается связь между новым словом второго языка и его эквивалентом в первом, и через эквивалентное слово родного языка активируется соответствующая концептуальная репрезентация [Meade, Dijkstra 2017: 50].

Если Кролл и Стюарт в построении своей модели отталкивались от различий в двух возможных видах перевода, то авторы другой известной модели – Модели дистрибутивных семантических компонентов (The Distributed Feature Model) обратили внимание на взаимосвязь между двумя основными типами слов (конкретными и абстрактными) и скоростью и качеством восприятия и обработки билингвами этих слов, что привело их к предположению о том, что в случае конкретных единиц, таких как «стол» или «книга», слова из двух языков соответствуют или налагаются на тот же или максимально похожий набор семантических признаков в концептуальной репрезентации [Basnight-Brown 2014: 89], что, как и в модели Парадиза, указывает на общую концептуальную базу. В случае слов с более абстрактным значением, таких как *virtue*, возникает большое расхождение или, если сформулировать точнее, неопределенность в том, насколько тот же набор признаков соответствует единице второго языка, отсюда и разные варианты перевода одного и того же слова или невозможность установить эквивалентную связь.

Мысль о том, что слова родного и второго языка имеют непосредственную связь с концептуальной базой даже на ранних этапах развития билингвизма, когда уровень владения языком низкий, соответствует мнению о том, что билингвальный лексикон – интегрированная система. На этом основана другая влиятельная модель – Билингвальная интерактивная активационная модель распознавания слов (The Bilingual Interactive Activation Model), предложенная в 1998 году, как переработанный вариант монолингвальной интерактивной активационной модели МакКлеланда и Румельхарта (1981). С точки зрения этой модели, визуальный инпут, то есть слово, которое видит билингв, вызывает сначала активацию элементов букв, которые не противоречат инпуту, и одновременно происходит подавление тех элементов, которые не согласуются с тем, что видит билингв. Это первый уровень идентификации, за которым следуют уровень букв, слов и языковой уровень (language-level), где определяется к какому языку относится слово, при этом наблюдаются два вида процессов – от нижнего уровня к верхнему (bottom-up) и от верхнего уровня к нижнему осуществляется обратная связь. Данная модель предполагает одновременную активацию слов из обоих языков индивида, так, например, как реакция на стимул lire могут быть параллельно активированы французские lire, pire, cire и английские fire, line, hire [Altarriba, Basnight-Brown 2009: 63]. В более поздней версии этой модели (BIA+) исследователи добавили таких два фактора, влияющих на активацию/подавление конкурирующих между собой единиц, как уровень переработки внеязыковой информации, такой как условия задания эксперимента, инструкции, ожидания испытуемого и языковой контекст, под которым они, прежде всего, подразумевают контекст предложения [Sunderman, Fancher 2013: 275].

Особенности построения связи «концепт – слово» у абстрактных и конкретных слов

Так или иначе, подобные модели, подразумевающие интегрированный лексикон и прямую связь между словом и концептуальным содержанием, не зависящим от языка, заставляют задуматься над следующими вопросами: Верно ли, что даже на ранних стадиях усвоения второго языка у поздних субординативных билингвов визуальная и слуховая информация, то есть форма слова, напрямую соотносится с существующими единицами общей концептуальной базы? Если да, то какие наиболее эффективные способы соотнесения содержания концептуальной базы с соответствующими новыми единицами второго языка можно выработать? Если ментальные репрезентации конкретных единиц обоих языков имеют максимальную или высокую степень совпадения и, соответственно, могут формироваться за счет отсылки к конкретным референтам, то в случае с абстрактными словами, такими как, например, ostensible или roignant, это затруднительно, поэтому, очевидно, должны быть предложены иные способы формирования связи «концепт – слово». Другой вопрос, который нуждается в исследовании, состоит во взаимодействии конкретных и абстрактных смыслов одних и тех же единиц, а именно насколько первые являются необходимым условием для формирования того, что называется лексическая устойчивость (lexical robustness), которая определяется как сила репрезентаций и способность получить доступ к лексической единице [Altarriba, Kazans 2017: 121].

В современной когнитивной науке существуют две точки зрения на то, что, собственно, собой представляют концепты. Первая состоит в том, что репрезентационный формат концептов качественно отличается от того сенсорного опыта, который связан с их формированием. Вторая же точка зрения утверждает, что концепты укоренены в перцептивных и интероцептивных состояниях мозга, которые их порождают [Evans 2015: 253]. Если отталкиваться от второй точки зрения, то снова возникают трудности, относящиеся к абстрактным лексическим концептам, внешняя укорененность которых вызывает вопросы, но, если согласиться с теорией двойного кодирования, предложенной А. Пайвио [Paivio 1990], согласно которой ментальные репрезентации не могут быть абсолютно абстрактными, то есть используются два кода – вербальный и образный, то формирование связи «абстрактное слово – концепт» через сложный образ, например *humble* как состояние человека, обращающегося к Богу, или через конкретное значение этого же слова, которое часто связано с происхождением (*run-of-the-mill* досл. ‘сошедший с фабричной конвейерной ленты’), кажется перспективным с точки зрения формирования билингвизма при аудиторном изучении второго языка.

В заключение отметим, что если для говорения решающим фактором является наша способность подбирать слова, которые адекватно отражают нашу интенцию, то вопрос формирования связи «слово – концепт» является ключевым для формирования билингвальной компетенции и его успешное решение, начиная с начальной стадии усвоения второго языка поздними субординативными билингвами, позволит в значительной степени интенсифицировать аудиторное обучение второму языку, а также найти важные точки соприкосновения между огромным объемом теоретических исследований в области билингвизма за последние несколько десятилетий и практическими вопросами методики преподавания второго языка.

Литература

- Бахтин М.М.* Собрание сочинений в 7-ми тт. Т. 3: Теория романа (1930-1961 гг.). М: Языки славянских культур, 2012. 880 с.
- Altarriba J., Basnight-Brown D.* Overview of Semantic Processing in Bilinguals: Methods and Findings // *The Bilingual Mental Lexicon. Interdisciplinary Approaches* / Ed. by Aneta Pavlenko. Bristol, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters, 2009. P. 79-99.
- Altarriba J., Kazans S.A.* The Cost of Being Bilingual: The Example of Verbal Fluency and Switching // *Psychology of Bilingualism. The Cognitive and Emotional World of Bilinguals* / Ed. by Alfredo Ardila, Anna B. Cieslicka, Roberto R. Heredia, Monica Roselli. Vol. 5. Springer, 2017. P. 119-137.
- Baker C., Prys Jones S.* Encyclopedia of Bilingualism and Bilingual Multilingual Matters. 1998. 784 p.
- Bartolotti J., Marion V.* Bilingual memory: structure, access and processing // *Memory, Language, and Bilingualism: Theoretical and Applied Approaches* / Ed. by Jeanette Altarriba, Ludmila Isurin. CUP, 2013. P. 7-48.
- Basnight-Brown D.* Models of Lexical Access and Bilingualism // *Foundations of Bilingual Memory* / Ed. by Roberto R. Heredia and Jeanette Altarriba. Springer, 2014. P. 85-111.
- Beardmore B.* Bilingualism: Basic Principles. Clevedon, UK: Multilingual Matters, 1986. 207 p.

Costa A. Lexical Access in Bilingual Production // Handbook of Bilingualism: Psycholinguistic Approaches / Ed. by Judith F. Kroll, Annette M.B. de Groot. OUP, 2005. P. 308-325.

Dufour R., Kroll J. Matching Words to Concepts in Two Languages: A Test of the Concept Mediation Model of Bilingual Representation // Memory & Cognition. 1995. 23(2). P. 166-180.

Evans V. What is in a concept? Analog versus Parametric Concepts in LCCM Theory // The Conceptual Mind New Directions in the Study of Concepts / Ed. by Eric Margolis and Stephen Laurence. Cambridge Massachusetts, London England: The MIT Press, 2015. P. 251-291.

Frances W. Bilingual Semantic and Conceptual Representation // Handbook of Bilingualism: Psycholinguistic Approaches / Ed. by Judith F. Kroll, Annette M.B. de Groot. OUP, 2005. P. 251-268.

Frances W. Cognitive Integration of Language and Memory in Bilinguals: Semantic Representation // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125. No. 2. P. 193-222.

Harley T. The Psychology of Language. From Data to Theory. Hove, New York: Psychology Press Taylor & Francis Group, 2005. 562 p.

Heller M. Bilingualism and identity in the post-modern world // Estudios de Sociolingüística. 2000. № 1(2). P. 9-24.

Kecskes I., Papp T. Foreign Language and Mother Tongue. Mahwah, New Jersey London: State University of New York, Albany Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2004. 134 p.

Malt B., Gennari S., Imai M., Ameel E., Saji N., Majid A. Where are the Concepts? What words can and can't reveal? // The Conceptual Mind. New Directions in the Study of Concepts / Ed. by Eric Margolis, Stephen Laurence. Cambridge, Massachusetts; London, England: the MIT PRESS, 2015. P. 291-327.

Meade G., Dijkstra T. Mechanisms Underlying Word Learning in Second Language Acquisition // Bilingualism: A Framework for Understanding the Mental Lexicon / Ed. by Maya Libben, Mira Goral and Gary Libben. Amsterdam Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 49-73.

Murphy G. The Big Book of Concepts. Cambridge, London: A Bradford Book The MIT Press, 2002. 555 p.

Paivio A. Mental Representations. A Dual-Coding Approach. Oxford Psychology Series. No.9: OUP, 1990. 322 p.

Paradis M.A. Neurolinguistic Theory of Bilingualism. Studies in Bilingualism. Vol. 18. Amsterdam Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004. 299 p.

Paradis M. The Neurofunctional Components of the Bilingual Cognitive System // Cognitive Aspects of Bilingualism / Ed. by Istvan Kecskes, Liliana Albertazi. Springer 2007. P. 3-29.

Pavlenko A. New Approaches to Concepts in Bilingual Memory // Bilingualism 3(01): 1-4 April 2000. P. 211-212.

Sherwood Smith M.M. Active-Passive Bilingualism and the functional distance between L1 and L2 as Viewed within one Unifying Theoretical Framework // Psychology of Bilingualism. The Cognitive and Emotional World of Bilinguals / Ed. by Alfredo

Ardila, Anna B. Cieslicka, Roberto R. Heredia, Monica Roselli. Vol. 5. Springer, 2017. P. 157-189.

Slobin D. From Thought and Language' to 'Thinking for Speaking // Rethinking Linguistic Relativity / Ed. by John J. Gumperz and Stephen C. Levinson. CUP, 1996. P. 70-97.

Sunderman G., Fancher E. Lexical Access in Bilinguals and Second Language Learners // Innovative Research and Practices in Second Language Acquisition and Bilingualism / Ed. by John W. Schwieter. Amsterdam Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2013. P. 267-287.

Szubko-Sitarek W. Multilingual Lexical Recognition in the Mental Lexicon of Third Language Users // Second Language Learning and Teaching / Ed. by Miroslaw Pawlak. Springer, 2015. 211 p.

Teubert W. Meaning, Discourse and Society. CUP, 2010. 291 p.

Weinreich U. Languages in Contact Findings and Problems. The Hague, Paris, New York: Mouton Publishers, 1968. 148 p.

LEXICAL CONCEPTS FORMATION IN LATE SUBORDINATE BILINGUALS AS THE CORE OF THEIR BILINGUAL COMPETENCE

Olga A. Goliguzova

a post-graduate student

The Institute of Linguistics

Russian Academy of Sciences

1bld. 1 Bolshoi Kislovsky lane, 125009 Moscow, Russian Federation

goliguzova_o@mail.ru

The main problem explored in the article is the need to adapt modern theoretical perspectives on how the bilingual lexicon works to the practical task of developing second language competence in late subordinate bilinguals. The article aims to establish the validity of laying emphasis on bilingual lexicon formation as it may be key to overcoming passive bilingualism and propelling the individual from the predominantly receptive use of L2 to its active deployment for practical purposes. It is highlighted that distinguishing between word meaning and concept has important practical applications as difficulties in forging the word-concept link hinder the individual from going beyond the plateau and reaching ease and comfort in the multifunctional use of the second language. The article stresses the need to shift from the dichotomy of word-associative/concept-mediative model towards recognizing the capacity of early bilinguals to form direct links between words and conceptual representations and acknowledging the important role of imaginal code in mapping abstract words onto conceptual constructs.

Keywords: bilingualism, bilingual lexicon, concept, subordinate bilinguals, bilingual lexicon models, abstract and concrete words.

References

- Bahtin M.M.* (2012) *Sobranie sochinenij v 7-mi tt. T. 3: Teorija romana* (1930-1961 gg.) [Collected Works in 7 Volumes. Vol. 3: The Theory of the Novel]. M: Jazyki slavjanskih kul'tur. 880 P. Print. (In Russian).
- Altarriba J., Basnight-Brown D.* (2009) Overview of Semantic Processing in Bilinguals: Methods and Findings // *The Bilingual Mental Lexicon. Interdisciplinary Approaches* / Ed. by Aneta Pavlenko. Bristol, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters, 2009. P. 79-99. Print.
- Altarriba J., Kazans S.A.* (2017) The Cost of Being Bilingual: The Example of Verbal Fluency and Switcing // *Psychology of Bilingualism. The Cognitive and Emotional World of Bilinguals* / Ed. by Alfredo Ardila, Anna B. Cieslicka, Roberto R. Heredia, Monica Roselli. Vol. 5. Springer, 2017. P. 119-137. Print.
- Baker C., Prys Jones S.* (1998) *Encyclopedia of Bilingualism and Bilingual Multilingual Matters*. 1998. 784 P. Print.
- Bartolotti J., Marion V.* (2013) Bilingual memory: structure, access and processing // *Memory, Language, and Bilingualism: Theoretical and Applied Approaches* / Ed. by Jeanette Altarriba, Ludmila Isurin. CUP, 2013. P. 7-48. Print.
- Basnight-Brown D.* (2014) Models of Lexical Access and Bilingualism // *Foundations of Bilingual Memory* / Ed. by Roberto R. Heredia and Jeanette Altarriba. Springer, 2014. P. 85-111. Print.
- Beardsmore B.* (1986) *Bilingualism: Basic Principles*. Clevedon, UK: Multilingual Matters, 1986. 207 P. Print.
- Costa A.* (2005) Lexical Access in Bilingual Production // *Handbook of Bilingualism: Psycholinguistic Approaches* / Ed. by Judith F. Kroll, Annette M.B. de Groot. OUP, 2005. P. 308-325. Print.
- Dufour R., Kroll J.* (1995) Matching Words to Concepts in Two Languages: A Test of the Concept Mediation Model of Bilingual Representation // *Memory&Cognition*. 1995. 23(2). P. 166-180.
- Evans V.* (2015) What is in a concept? Analog versus Parametric Concepts in LCCM Theory // *The Conceptual Mind New Directions in the Study of Concepts* / Ed. by Eric Margolis and Stephen Laurence. Cambridge Massachusetts, London England: The MIT Press, 2015. P. 251-291. Print.
- Frances W.* (2015) Bilingual Semantic and Conceptual Representation // *Handbook of Bilingualism: Psycholinguistic Approaches* / Ed. by Judith F. Kroll, Annette M.B. de Groot. OUP, 2005. P. 251-268. Print.
- Frances W.* (1999) Cognitive Integration of Language and Memory in Bilinguals: Semantic Representation // *Psychological Bulletin*. 1999. Vol. 125. No. 2. P. 193-222. Print.
- Harley T.* (2005) *The Psychology of Language. From Data to Theory*. Hove, New York: Psychology Press Taylor&Francis Group, 2005. 562 P. Print.
- Heller M.* (2000) Bilingualism and identity in the post-modern world // *Estudios de Sociolinguistica*. 2000. № 1(2). P. 9-24. Print.
- Kecskes I., Papp T.* (2004) *Foreign Language and Mother Tongue*. Mahwah, New Jersey London: State University of New York, Albany Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2004. 134 P. Print.

Malt B., Gennari S., Imai M., Ameer E., Saji N., Majid A. (2015) Where are the Concepts? What words can and can't reveal? // *The Conceptual Mind. New Directions in the Study of Concepts* / Ed. by Eric Margolis, Stephen Laurence. Cambridge, Massachusetts; London, England: the MIT PRESS, 2015. P. 291-327. Print.

Meade G., Dijkstra T. (2017) Mechanisms Underlying Word Learning in Second Language Acquisition // *Bilingualism: A Framework for Understanding the Mental Lexicon* / Ed. by Maya Libben, Mira Goral and Gary Libben. Amsterdam Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 49-73. Print.

Murphy G. (2002) *The Big Book of Concepts*. Cambridge, London: A Bradford Book. The MIT Press, 2002. 555 P. Print.

Paivio A. (1990) *Mental Representations. A Dual-Coding Approach*. Oxford Psychology Series. No.9: OUP, 1990. 322 P. Print.

Paradis M.A (2004) *Neurolinguistic Theory of Bilingualism*. Studies in Bilingualism. Vol. 18. Amsterdam Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004. 299 P. Print.

Paradis M. (2007) The Neurofunctional Components of the Bilingual Cognitive System // *Cognitive Aspects of Bilingualism* / Ed. by Istvan Kecskes, Liliana Albertazi. Springer 2007. P. 3-29. Print.

Pavlenko A. (2000) New Approaches to Concepts in Bilingual Memory // *Bilingualism* 3(01): 1-4 April 2000. P. 211-212. Print.

Sherwood Smith M.M. (2017) Active-Passive Bilingualism and the functional distance between L1 and L2 as Viewed within one Unifying Theoretical Framework // *Psychology of Bilingualism. The Cognitive and Emotional World of Bilinguals* / Ed. by Alfredo Ardila, Anna B. Cieslicka, Roberto R. Heredia, Monica Roselli. Vol. 5. Springer, 2017. P. 157-189. Print.

Slobin D. (1996) From Thought and Language' to 'Thinking for Speaking // *Rethinking Linguistic Relativity* / Ed. by John J. Gumperz and Stephen C. Levinson. CUP, 1996. P. 70-97. Print.

Sunderman G., Fancher E. (2013) Lexical Access in Bilinguals and Second Language Learners // *Innovative Research and Practices in Second Language Acquisition and Bilingualism* / Ed. by John W. Schwieter. Amsterdam Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2013. P. 267-287. Print.

Szubko-Sitarek W. (2012) Multilingual Lexical Recognition in the Mental Lexicon of Third Language Users // *Second Language Learning and Teaching* / Ed. by Mirosław Pawlak. Springer, 2015. 211 P. Print.

Teubert W. (2010) *Meaning, Discourse and Society*. CUP, 2010. 291 P. Print.

Weinreich U. (1968) *Languages in Contact Findings and Problems*. The Hague, Paris, New York: Mouton Publishers, 1968. 148 P. Print.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

УДК 81>33

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-4-163-177

ПРОЕКТ «СУГГЕСТИВНЫЕ РЕСУРСЫ ВЕРБАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ»

Рогожникова Татьяна Михайловна

доктор филологических наук
профессор, заведующий кафедрой языковой коммуникации и
психолингвистики Уфимского государственного авиационного
технического университета,
450008, г. Уфа, К. Маркса, 12
burzian@yandex.ru

Основная концепция проекта связана с разработкой, обоснованием и установлением специфики *законов действия и законов воздействия вербальных моделей*, а также поиском путей формализации их суггестивных ресурсов. Отличительная особенность данного проекта в том, что психолингвистика выступает как методологическая платформа для выявления единиц анализа и описания установленных законов. В ходе реализации проекта была выстроена логика аналитической и экспериментальной работы, которая предполагала определенную последовательность исследовательских шагов, метаязык описания результатов, а также специально созданный для процедур анализа инструментарий, обеспечивающий формализацию процессов обнаружения и декодирования воздействующих ресурсов. В рамках данной статьи описывается *часть проекта*, связанная с декодированием суггестивного потенциала вербальных моделей разного уровня сложности. *Вербальная модель* рассматривается как материализованная структура любой сложности – звукобуква, слово, текст, являющаяся носителем внутренней формы, через проявления которой во внешней среде реализуются латентные ресурсы воздействия конкретных моделей. *Под суггестивным потенциалом* понимается «сила вербальной модели», которая может быть декодирована, измерена и представлена в количественных показателях. Потенциал соотносится с внутренней формой, существующей благодаря механизму ассоциирования. *Суггестивные ресурсы* трактуются как совокупность воздействующих элементов, которыми обладает конкретная модель и обсуждать которые возможно с помощью аналитических единиц, выявленных для уровней, позволяющих производить количественные замеры, сопоставлять получаемые показатели и сравнивать характеризующие признаки. Для декодирования воздействующего потенциала вербальной модели и измерения «силы слова» обозначены направления, в рамках которых расшифровка суггестивного потенциала возможна. Автором выделены восемь таких направлений, о которых пойдет речь в статье.

Ключевые слова: суггестивный потенциал, суггестивные ресурсы, вербальная модель, ассоциативная цветность, ритмы мозга, ритмические коды, формализация, признаки, единицы анализа, компьютерная программа

Введение

Данный проект реализуется с 1981 г. с изучения динамических аспектов семантики слова и изучения функционирования слова в индивидуальном сознании в различных условиях, в широком возрастном диапазоне и на материале различных языков. Этап анализа семантического развития завершился в 2000 г. выходом книги «Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова» [Рогожникова 2000]. В период с 1981 по 1986 гг. была установлена специфика семантического развития в онтогенезе в условиях нормы и патологии и создана *спиралевидная модель развития значения слова* на материале четырех языков (русский, белорусский, словацкий, английский) в возрастном диапазоне от дошкольного возраста до возраста взрослых испытуемых для условий нормы [Рогожникова 1981; 1984-1986], а также рассмотрены особенности семантической динамики на материале, полученном в ходе психолингвистических экспериментов с участием умственно отсталых испытуемых разных возрастов [Рогожникова 1983]. К 2000 г. количество привлекаемых для исследований языков увеличилось до шести (добавились татарский и башкирский языки), возрастной диапазон охватил весь жизненный отрезок. С этого года начались проверка прогностического и объяснительного потенциала спиралевидной модели в различных условиях, отражающих аспекты семантической динамики, и моделирование различных семантических пространств. Опираясь на разработанные модели и выявленные в ходе работы идентификационные стратегии в онтогенезе и в условиях зрелого интеллекта, используя созданные авторские инструменты для измерения «силы» слова и текста, автор в 2005 г. приступил к реализации той части исследовательского проекта, целью которого стало изучение потенциала *воздействия слова и текста* и поиск путей формализации суггестивных ресурсов вербальных моделей. Первым результатом в разработке данного направления стала статья [Рогожникова 2005].

Для психолингвистического моделирования и формализации семантической динамики были нужны особые *единицы анализа*. Оценка суггестивных ресурсов вербальных моделей, декодирование их воздействующего потенциала и латентной информативности возможны при наличии соответствующего инструментария, поскольку отсутствие языковых манифестаций этих скрытых форм не поддается анализу с помощью традиционных лингвистических методов. Проявления скрытых форм, образующих виртуальное суггестивное пространство, обнаруживаются через разные модальности восприятия (аудиальная, визуальная, дигитальная, кинестетическая модальности) и манифестируются через расшифровку многих кодов, в которых задействованы различные единицы для работы в условиях данного пространства (ритмы мозга, суперпозиция взаимоисключающих состояний, ассоциативная цветность, признаковые комбинации, информационная плотность, ритмическая организация текста или «пульс» вербальной модели, гендерный статус). Получаемые с помощью таких единиц результаты мы назвали *суггестивными ресурсами* вербальных моделей, поскольку обнаруживаемый воздействующий потенциал конкретных моделей отличается по качественным и количественным показателям, при этом создание текстов по заданным параметрам приводит к прогнозируемым результатам в уже не виртуальной, но

реальной действительности. В данном контексте мы полагаем, что этот потенциал соотносится с *внутренней формой* вербальной модели и реализуется с помощью механизма ассоциирования. Внутренняя форма и суггестивный потенциал *ассоциативны* по своей природе. Суггестивный потенциал, материализующийся во внешней речи через звукорезонансные вибрации текста, создает мыслеобраз, становящийся воздействующим фактором. По степени внушающего воздействия звукорезонансные ряды разных моделей различны, но все они оказывают воздействие на психомоторную систему человека. Нейрофизиологическая природа механизма ассоциирования, исправная работа которого способствует запоминанию языка, делает его ответственным не только за процессы функционирования речевой организации человека, но и за многие другие процессы жизнедеятельности человека, включая эволюцию человеческого сознания. Ассоциативная активность представляет собой универсальный динамический принцип с большими суггестивными возможностями.

Таким образом, мы обозначили два основных этапа в ходе исследований. Этап изучения действия или функционирования слова в индивидуальном сознании и этап изучения и измерения воздействующего потенциала слова и текста, что позволило нам говорить о *законах действия и законах воздействия вербальной модели*. Подробное изложение принципов работы на каждом из этапов излагается в отдельной монографии, готовящейся к изданию. В формате данной публикации речь пойдет о той части исследовательского проекта, целью которого стало изучение потенциала воздействия слова/текста и путей его формализации.

Латентность суггестивного потенциала языка можно отнести к самой большой проблеме при изучении языковых суггестивных ресурсов. Их скрытый характер затрудняет исследование, при этом непроявленность воздействующих составляющих не является свидетельством их «пассивности». Для декодирования суггестивного потенциала вербальной модели и измерения *«силы слова»* потребовалось обозначить наиболее перспективные, на наш взгляд, направления, в рамках которых расшифровка потенциала воздействия возможна. Сегодня мы выделяем восемь таких направлений. *Первое направление* увязывается с изучением результатов ритмической активности мозга, получаемых в ходе предъявления вербальных стимулов [Рогожникова 2010]. *Второе направление* связано с исследованиями в области фоносемантики, психосемантики цвета и потенциала звукоцвета [Рогожникова, Кочетова 2012; Ефименко 2011; Рогожникова, Яковлева, 2016]. *Третье направление* опирается на возможную аналогию с моделями, используемыми в квантовой физике [Рогожникова 2009; Даминова 2010]. *Четвертое направление* ориентировано на изучение языковых явлений в контексте разных модальностей восприятия, что позволяет выявлять изменения, происходящие в моделях восприятия и кодирования информации об окружающем мире [Рогожникова, Навалихина 2011]. *Пятое* связано с ранжированием эмоционально-оценочных признаков, характеризующих вербальную модель [Рогожникова 2016]. *Шестое* затрагивает ритмическую организацию и ритмические коды вербальных моделей [Рогожникова, Кишалова 2015]. Мы предположили, что тексты с разной ритмической структурой обладают различным суггестивным потенциалом. В рамках *седьмого направления* исследуются суггестивные ресурсы музыкального дискурса [Рогожникова, Кудашов 2012; Рогожникова, Богословская 2016]. *Восьмое*

направление исследований сфокусировано на возможностях идентификации гендера в текстовом пространстве. Отчасти, это направление может рассматриваться одним из этапов в установлении авторства текста, поскольку затрагивает проблему организации языкового сознания по гендерному признаку.

В настоящее время идет работа над созданием многофункциональной компьютерной программы с рабочим названием UNIVERSAL, позволяющей проводить максимально полный анализ вербальных моделей. Первые шаги в этом направлении коснулись вопросов создания математической модели для оценки информационной избыточности текста [Рогожникова, Воронов 2016]. Авторы предприняли попытку адаптировать теорию информации Клода Шеннона к языковым явлениям и применить полученный математический аппарат для анализа информационной избыточности произвольного текста на русском языке.

Психолингвистические инструменты для анализасуггестивных ресурсов

Для изучения суггестивных ресурсов необходимы специальные *инструменты*, позволяющие анализировать большие массивы данных.

В 2011 г. коллектив авторов (Т.М. Рогожникова, С.А. Воронков, Н.В. Ефименко, Р.В. Яковлева) разработал программное обеспечение для автоматизированного анализа звуко-цветовых соответствий в слове и тексте на русском и английском языках. Программа для ЭВМ **БАРИН** (Автоматизированный анализ слова и текста). *Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2011618299.*

В 2013 г. завершена разработка компьютерной программы, основным компонентом которой стали цветовые матрицы звукобукв *татарского и башкирского языков*. Авторы программы Т.М. Рогожникова, Д.Д. Кудашов, Г.Р. Кочетова, Н.В. Ефименко. Программа для ЭВМ **БАТЫР** (Автоматизированный анализ слова и текста). *Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014613238.*

В 2014 г. написана компьютерная программа для перепроверки ряда моделей, разработанных для отображения ассоциативного цветового фона языков. Авторы Т.М. Рогожникова, Д.Д. Кудашов. Программа для ЭВМ **СЧЕТОВОД** (Автоматизированный анализ текстов). *Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014618598.*

В 2015 году разработан формализованный компьютерный алгоритм для анализа уровня ритмичности текста. Авторы Т.М. Рогожникова, Л.В. Кишалова, А.Е. Кишалов. Программа для ЭВМ **ПУЛЬС** для обработки ритма прозаического текста. *Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2015614549.* Продукт создавался на базе системы автоматизированного моделирования сложных технических объектов (*САМСТО 2011*). *Свидетельство об официальной регистрации, Роспатент, № 2011611712.*

В 2016 г. завершена компьютерная программа для работы с текстами на немецком языке. Авторы Т.М. Рогожникова, Д.Д. Кудашов, Р.В. Яковлева. Программа для ЭВМ **БЮРГЕР** (Автоматизированный анализ слова и текста). *Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2016616320.*

О некоторых результатах анализа суггестивного потенциала вербальных моделей

Одним из важных результатов проделанной работы являются модели, представленные в виде *картин ассоциативной цветности*, в которых в равных долях закодированы ассоциативные цвета всех звукобукв русского, английского, татарского, башкирского и немецкого языков. Идею создания подобных моделей предложила Т.М. Рогожникова, технически ее выполнил Д.Д. Кудашов. Мы можем увидеть ту виртуальную внутреннюю форму, для которой была найдена внешняя форма материального представления.

Ассоциативная цветность звукобукв русского языка богата синим цветом и его оттенками. Русский язык похож на васильковое поле. Английский язык в ассоциативной цветовой гамме изобилует оранжевым, желтым вкраплениями, создавая яркий солнечный фон календулового луга. Психологическая цветность звукобукв башкирского языка сравнима с фиштакковым цветом, а цветность звуков татарского языка – с изумрудным. Ассоциативная цветовая матрица немецкого языка похожа на фиалковое поле.

Эти картины поясняют понятие эмерджентности, являющейся формой проявления принципа трансформации количественных изменений в качественные. Каждая звукобуква, психологически определенным образом окрашенная, присутствуя на полотне рядом с другими, помогает создать общий цветовой фон языка. Для перепроверки «правильности» созданных ассоциативных картин было необходимо найти еще один способ получения ассоциативного фона языка. Был избран путь установления частотности звукобукв каждого языка через анализ большого массива текстов разных жанров и сопоставления отдельной жанровой разновидности текста с полученными «эталонными» (средними) показателями. Последовательно набиралась база данных, в которой были представлены разные виды дискурса, и строилась «эталонная» или средняя модель, в основу которой был положен показатель частотности звукобуквы. С помощью программы *СЧЕТОВОД* была построена эталонная (средняя) модель для русского языка. В итоге стало возможным сопоставление «эталонной» модели, полученной на основе частотности, с моделью, созданной по принципу равного долевого «цветового» участия каждого звука языка без опоры на показатель частотности. Модели практически идентичны, что позволяет нам говорить о том, что получаемые нами результаты могут рассматриваться как достоверные

Обратимся к наиболее сильно воздействующим на человека текстам – молитвенным текстам. С помощью компьютерной программы *БАТЫР* Г.Р. Кочетова проанализировала свыше 200 молитв на татарском и башкирском языках. Молитвенные тексты на башкирском языке изобилуют белым и зеленым цветами, на татарском молитвы наполнены *желтым, белым, черным и зелеными оттенками*. Анализировались как отдельные молитвенные тексты, так и весь корпус отобранных молитв как единый суггестивный текст.

Нами было проведено специальное исследование суггестивного потенциала имени. Рассматривались политические альтернативные имена и анализировались глубинные показатели «суггестивной успешности» или «неуспешности» подобного вербального камуфляжа на материале отдельных партийных псевдонимов и кличек.

Политический псевдоним интересен как перекодирование суггестивной компоненты с внутреннего кода на ее внешнюю вербализацию в процессах порождения имени и интерпретации с учетом идеологических, социально-психологических типов языковых личностей, ролевых установок. Этот процесс перекодирования можно обозначить как считывание неявной информации, которая после многократных проверок на устойчивость полученных результатов вербализуется с помощью имеющегося на сегодняшний день инструментария. Были проанализированы свыше 200 псевдонимов видных партийных деятелей и революционеров, а также около 100 альтернативных имен Ленина и 22 псевдонима Сталина. Изучались *качество воздействия имени* (через установление доминирующего при его восприятии ритма мозга), *наборы характеризующих и определяющих признаков*, которые описывают фоническую оболочку слова, а также информация о *цветовой ассоциативности* имен. Примерно в 70% случаев псевдоним меняет тип возникающих вибраций, запуская при восприятии имени иной физиологический процесс, который условно назовем «оптимизирующим» процессом, благотворно воздействующим как на носителя имени, так и на всех вступающих в коммуникацию с данным человеком (см. Таблицу №1).

Таблица №1

Изменения фоносемантической оценки имени и псевдонима (в %)

ИМЯ	ПЛЮС	МИНУС
Настоящее имя	45.5	54.5
Псевдоним	69.3	30.7

Психолингвистический «портрет» имени Ленин, свидетельствующий о лингвистической интуиции вождя революции, «написан» в синих, голубых, зеленых тонах. Псевдоним характеризуется признаками: *прекрасный, светлый, радостный, яркий*, вызывая у окружающих легкий позитивный транс, расслабленность и доверие через возникновение дельта-плюс ритма. Анализ 22 альтернативных имен Сталина показывает, как тщательно отбирались и отбраковывались вождем его псевдонимы, как много удачных имен ему удавалось создать перед тем, как было создано его главное имя, вызывавшее и продолжающее вызывать и сегодня столь сильные эмоции у людей. Эти эмоции полярны, как полярны его настоящее имя (*тихое, темное, минорное, устрашающее, медлительное, зловещее, печальное*) и главный псевдоним его жизни (*прекрасный, светлый, радостный, яркий, нежный, медлительный*).

Важную информацию возможно получить при ранжировании эмоционально-оценочных признаков, характеризующих вербальную модель. Под доминирующими или сильными признаками имеются в виду высокие показатели среднего значения, полученного делением суммы всех показателей признаков звукобукв данного текста на их число в данном тексте. Под слабовыраженными или слабыми признаками предполагаются низкие показатели среднего значения. Условной границей между положительным и отрицательным значением признака считается нейтральная нулевая позиция.

Для примера приведем анализ имени ГРИГОРИЙ и его вариантов по шкалам эмоционально-оценочных признаков.

Имя *ГРИГОРИЙ* характеризуется следующими сильными признаками: *яркий, хороший, активный, радостный, подвижный, веселый; периферийные признаки: мужественный, холодный, угловатый, злой.*

ГРИША – *простой, радостный, хороший, могучий, храбрый, яркий, активный;* периферийные признаки: *мужественный, небезопасный.*

ГРИШАНЯ – *светлый, хороший, простой, яркий, красивый, храбрый;* периферийные признаки: *мужественный, медленный, короткий.*

ГРИШКА – *простой, хороший, подвижный, шероховатый, угловатый;* периферийные признаки: *грубый, страшный, холодный.*

ГРИШЕНЬКА – *хороший, простой, красивый, активный, легкий, храбрый;* периферийные признаки: *шероховатый, тусклый, тихий.*

Среди сильных признаков только один (*хороший*) встречается в статусе сильного признака во всех рассматриваемых нами вариантах. Признак *хороший*: *ГРИГОРИЙ* – 0.56; *ГРИШАНЯ* – 0.47; *ГРИША* – 0.47; *ГРИШКА* – 0.33; *ГРИШЕНЬКА* – 0.36, т.е. *ГРИГОРИЙ* – самый хороший.

Рассматривая доминантные признаки в окружении других признаков, мы видим, что *ГРИГОРИЙ* «по-другому хороший». Он – *яркий, активный, радостный, подвижный, веселый*, но при этом он, может быть, *мужественный, холодный, угловатый, злой.*

Приведем пример работы по изучению результатов ритмической активности мозга, получаемых в ходе предъявления вербальных стимулов. Мы обращаемся только к тем аспектам, которые касаются психолингвистического (не медицинского) аспекта проблемы.

Заслуживают описания результаты анализа 32 мантр, которыми пользовались для подготовки воинов в средневековом Китае. В XVI веке в Китае была создана методика, ставшая основой для дальнейшего развития китайского ушу. Как описывает в своей книге И.А. Воронов, методика была создана талантливым полководцем Ци Цигуаном (1528-1587) на основе эмпирических знаний психомоторных механизмов организма человека и структуры личности. В определенных условиях эта методика позволяла в кратчайшие сроки (3–10 суток) подготовить воинов к боевым действиям. «В середине XVI века этот военачальник командовал корпусом численностью 32 тысячи человек. Для обучения новобранцев основам боевых приемов генерал Ци Цигуан написал трактат – «Новый справочник назидательных приемов» («Цзи сяо синь шу»)» [Воронов, 2006: 355]. В основе методики используется психомоторная гимнастика «дао-инь», но все приемы выполняются вместе с хоровым произношением 32 четверостиший, описывающих как эти приемы, так и связанные с ними образы. Нас заинтересовало использование при подготовке бойца метода произношения звукорезонансных рядов в обучении двигательным действиям. Мы попытались смоделировать траекторию суггестивного воздействия звукорезонансных рядов данных четверостиший. Анализ четверостиший показал картину необычной ритмической активности: *стойкую активизацию тэта-минус ритмов мозга* (см. График 2).

В новой версии программы И.Ю. Черепановой встроена дополнительная функция – влияние текста на ритмы мозга. Технически с помощью инструмента

возможен анализ 11 основных состояний ритмов мозга и связанных с ним эмоций. Каждому типу мозговых волн приписываются знаки «+» или «-», в зависимости от избыточности или недостаточности их проявлений, фиксируется нейтральная позиция, позиция полной синхронизации потенциалов (+) и позиция жесткого воздействия (-). Преобладание определенного ритма означает, что восприятие данного стимула способствует возникновению эмоций, связанных с данным ритмом. На графике по оси абсцисс отмечены номера мантр, по оси ординат – ритмы мозга с характеристикой воздействия. В центре оси ординат символом N (neutral) обозначена нейтральная позиция, которая означает сведенную к минимуму суггестию. Далее ритмы – D+ (дельта-плюс), T+ (тэта-плюс), A+ (альфа-плюс), B+ (бета-плюс). Ниже нейтральной позиции перечислены ритмы со знаком «минус».

График 2. Анализ ритмической активности (на материале 32 мантр)

Возможно, что мантры, активизирующие тэта-ритмы и вызывающие потребность в разрушительных действиях, которые производились без помех по горным проходам и ущельям бойцами-новобранцами, приводили их в состояние длительного ассоциативного транса, в котором воины буйствовали и переворачивали все вверх дном. Подобное трансовое состояние с «выключенной» критической оценкой происходящего и с концентрацией на словах заклинания и на тех образах, которые оно вызывает, безусловно, будет способствовать победам таких воинов в условиях военных действий. Тэта-ритм как материализованный коррелят эмоций (как положительных, так и отрицательных) может стать, судя по успеху использования метода произношения звукорезонансных рядов на примере подготовки войск китайского полководца XVI века Ци Цигуана, показателем степени эмоционального внушающего воздействия вербальной модели на психомоторную систему человека.

При этом вербальная модель, описывающая двигательное действие человека и мыслеобраз, ассоциативно с ним связанный, *сама становится воздействующим*

фактором. И возможно, именно тэта-минус тексты способны сыграть решающую роль в быстрой подготовке супербойца. Именно такие стресс-тексты, создающие состояния напряжения, эмоционального возбуждения, раздражения и бессознательного гнева, оказались способны оказывать на психомоторную систему человека узконаправленное воздействие и формировать профессионально важные для воина качества.

В литературе по тэта-активности эти ритмы характеризуются также приведением человека в особое состояние сознания, которое называют «сумеречным». Этот волновой диапазон называется идеальным для не критического принятия внешних установок из-за уменьшения действия защитных психических механизмов, что дает возможность трансформирующей информации проникнуть в подсознание. Ментальный образ, совмещенный с определенным звукорезонансным рядом, обладающий собственной текстовой ритмикой, ассоциативной цветностью и способный активизировать устойчивые паттерны мозговых волн, становится носителем суггестивного заряда, сила которого зависит от комбинаций составляющих воздействующего потенциала внутренней формы.

Не всегда созданный инструмент оправдывает все надежды автора. В этом случае приходится искать пути для моделирования более тонких и точных «приспособлений» для анализа. В ходе работы с ассоциативной цветностью возникла идея ее представления не только через отношение доминантного цвета конкретного текста к доминантному цвету языка, но также через логарифм соотношения. Первым разработанным нами подходом к изучению ассоциативной окраски вербальной модели мы назвали подход, в рамках которого цветность анализируется через сравнение с эталонными или среднестатистическими цветовыми моделями языка, полученными разными способами: по принципу учета равного долевого участия каждой звукобуквы или по показателю частотности использования звукобуквы в дискурсе.

Недостатком первого подхода к анализу ассоциативной цветности относится естественная схожесть любой вербальной модели на русском языке с эталонной моделью русского языка, в котором доминантными цветами, как было установлено в экспериментах, являются *синий, красный, белый*. Отличия будут лежать в плоскости количественных показателей, касающихся доминантных цветов языка.

Второй подход, предложенный программистом Н.Н. Вороновым, основывается на логарифме соотношения. Помимо абсолютных (то есть исходных) показателей также интересны относительные, представляющие собой отношение числового значения параметра, рассчитанного для рассматриваемого текста, к числовому значению, рассчитанному для языка в целом. Например, в определенном тексте звукобуквы с белым ассоциативным цветом составляет 12,34 % от общей доли звукобукв в тексте, в то время как в языке их доля составляет 14,4%. Таким образом, 12,34% – это абсолютный показатель параметра. Относительный показатель параметра составит $14,4\%/12,34\%=1,167$. В качестве параметра мы рассматриваем количество ассоциативного цвета. Математически отношение записывается в виде дроби (текст/язык). При равенстве показателей отношение равняется 1. Однако сам по себе данный показатель крайне неинформативен из-за несообразности значения отношения в зависимости от того, какой параметр

является доминирующим: если показатель для текста превосходит показатель для языка в 4 раза, соотношение будет равняться 4, а если наоборот – $\frac{1}{4}$. Проблема в том, что при росте числителя (при неизменном знаменателе) отношение стремится к бесконечности, а при росте знаменателя (при неизменном числителе) – к нулю. Таким образом, когда числитель больше знаменателя, отношение принимает значения от 1 до бесконечности, а когда знаменатель больше числителя – от 0 до 1. Данные значения несоразмерны, что затрудняет анализ сразу нескольких соотношений. Решением данной проблемы является нормализация соотношения за счет перехода к логарифмической шкале. Тогда при равенстве показателей для текста и для языка значение соотношения равняется нулю, а значения соотношения больше и меньше нуля имеют одинаковую размерность и лежат от нуля до бесконечности и от нуля до минус бесконечности соответственно. Для простоты анализа в своих исследованиях мы используем логарифм по основанию 2, при котором соотношение 2/1 дает значение $1 (\log_2 \frac{2}{1} = 1)$, а 1/2 – значение $-1 (\log_2 \frac{1}{2} = -1)$. Доминантным ассоциативным цветом при таком подходе принимается такой ассоциативный цвет, логарифм соотношения текст/язык которого является максимальным для данного текста. Например, в тексте молитвы «О прощении обид и памятовании злого» доминантными ассоциативными цветами являются розовый, *фиолетовый* и *темно-голубой цвета*, логарифм соотношения которых составляет 2.33, 1.61 и 1.34 соответственно. Впервые ассоциативная цветность молитвенных текстов на русском языке была проанализирована не через отношение доминантного цвета текста к доминантному цвету языка, а через логарифм соотношения.

Мы получили заслуживающие внимания результаты. Из корпуса проанализированных молитвенных текстов, который включает около 1000 молитв, были выделены 100 «идеальных» текстов, характеризующихся положительными показателями ритмов мозга, эмоционально-оценочными признаками, гармоничной ритмической структурой, и их психологическая цветность рассматривалась через логарифм соотношения.

Установлено, что в проанализированных православных молитвах доминируют *сиреневый*, *малиновый* и в меньшей степени – *коричневый* цвета. Сиреневый цвет чаще других оказывается в первой позиции. В психологии восприятия цвета есть точка зрения, в соответствии с которой сиреневый цвет – цвет медитации. Нейрофизиологи сегодня говорят о молитвенном бодрствовании как о четвертом состоянии мозга, которое характеризуется медленными дельта-ритмами, возникающими при глубоком сне или в бессознательном состоянии. Анализ доминирующих эмоционально-оценочных признаков показал, что рассматриваемые молитвы *светлые* (44%), *яркие* (21%), *медленные* (18%), *сильные* (6%), *нежные* (5%), *прекрасные* (2%), *устрашающие* (1%), *тихие* (1%), *темные* (1%), *минорные* (1%).

Таким образом, сегодня мы можем говорить о двух подходах к рассмотрению ассоциативной (психологической) цветности вербальной модели. Оба подхода вносят существенный вклад в изучение суггестивных резервов речевых продуктов и могут быть полезны при их экспертизе.

Заключение

Итак, мы кратко описали *часть проекта*, связанную с декодированием суггестивного потенциала вербальных моделей. Многие наши результаты оказались за пределами данной публикации, но они не рассматриваются нами как менее значимые. Свою главную задачу на данном этапе исследований мы видим в формулировании законов действия и воздействия вербальных моделей разного уровня сложности и в приведении теоретических и экспериментальных доказательств их универсальности. Кроме этого, архиважно в любом проекте раскрывать прикладной потенциал психолингвистической парадигмы. Востребованность результатов, получаемых с помощью психолингвистических методов, велика. Столь же велика их социальная польза, связанная с проблемами экологии коммуникации и с попытками ухода от коммуникативного хаоса. Получаемые нами результаты затрагивают все сферы жизни человека, проникают во все профессиональные пространства, охватывают широкий возрастной диапазон и касаются любого языка, на котором общается его носитель. Это обязывает нас дружить с точными науками, искать способы формализации языковых явлений и манифестации того, что функционирует как латентная форма.

Литература

Воронов И.А. Психотехника восточных единоборств (Восточноазиатская классическая концепция психологической подготовки единоборцев) / И. А. Воронов. М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2006. 432 с.

Ефименко Н.В. Ассоциативная структура цветового значения слова и текста: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2011. 208 с.

Даминова Р.А. Ассоциативная структура значения и фонетическая значимость слова: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010. 168 с.

Рогожникова Т.М. Предварительные материалы свободного ассоциативного эксперимента с русскими детьми разных возрастных групп // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики: межвуз. тем. сб. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1981. С. 100–104.

Рогожникова Т.М. Сопоставление ассоциативных реакций детей разных возрастных групп в условиях нормы и патологии // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики: сб. науч. тр. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1983. С. 133–139.

Рогожникова Т.М. Межъязыковое сопоставление путей развития значения полисемантических слов у детей // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов: сб. науч. тр. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1984. С. 116–124.

Рогожникова Т.М. Развитие значения полисемантического слова у детей разных возрастных групп // Материалы VIII Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации: тез. докл. М.: АН СССР, 1985. С. 185–186.

Рогожникова Т.М. О спиралевидной модели развития значения слова у ребенка // Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста: сб. науч. тр. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1986. С. 100–105.

Рогожникова Т.М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова (монография) // Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2000. 242 с.

Рогожникова Т.М. Мозговые волны и ядро ментального лексикона // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2005. Вып. 5. С. 96–103.

Рогожникова Т.М. Идиосостояния семантики слова как реальный квантовый объект // Вопросы психолингвистики. Вып. 2 (10). М.: ИЯ РАН; МИЛ., 2009. С. 50–56.

Рогожникова Т.М. Вербальные модели и ритмическая активность мозга // Вопросы психолингвистики. Выпуск посвящен 75-летию юбилею Е.Ф. Тарасова. № 2 (12). М.: ИЯ РАН, 2010. С.48–56.

Рогожникова Т.М. Суггестивный потенциал языковой системы и его стратегические возможности в процессе коммуникации // Теория языка и межкультурная коммуникация. Курск: Курск. гос. ун-т, 2016. № 4 (23). С. 95–108.

Рогожникова Т.М., Богословская И.В. Ассоциативная цветность нотного алфавита: предварительные результаты эксперимента // Теория языка и межкультурная коммуникация. Курск: Курск. гос. ун-т, 2016. № 3 (22). С. 118–126.

Рогожникова Т.М., Воронов Н.Н. Построение математической модели для оценки информационной избыточности текста // Теория и практика языковой коммуникации: Материалы VIII Международной научно-метод. конф. Уфа: УГАТУ, 2016. С. 216–232.

Рогожникова Т.М., Кочетова Г.Р. Ассоциативная цветность звуков башкирского и татарского языков // Вестник Башкирского гос. ун-та. Уфа: Изд-во Баш. гос. ун-та. 2012. Том 17. № 3. С. 1313–1320.

Рогожникова Т.М., Кишалова Л.В. Слово-акцентный оберритм как инструмент анализа суггестивных ресурсов текста // Вестник Тверск. гос. ун-та. Серия: Филология. 2015. № 2. С. 272–282.

Рогожникова Т.М., Кудашов Д.Д. Психологическая и физическая цветность звука: взаимосвязь двух реальностей // Теория и практика языковой коммуникации: Материалы IV Международной научно-метод. конф. Уфа: УГАТУ, 2012. С. 280–290.

Рогожникова Т.М., Навалихина А.И. Доминантные модальности восприятия и их динамика // Вестник Башкирского гос. ун-та. Том 16. № 2. Уфа: Изд-во Баш. гос. ун-та., 2011. С. 469–473.

Рогожникова Т.М., Яковлева Р.В. Изучение ассоциативной цветности звуков немецкого языка в синхроническом срезе // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2016. № 2 (106). С. 174–182.

THE PROJECT “SUGGESTIVE RESOURCES OF VERBAL MODELS”

Tatiana M. Rogozhnikova

Doctor of Philology, Full Professor
Head of the Department of Language
Communication and Psycholinguistics
Ufa State Aviation Technical University
12 K. Marx St., Ufa, 45000
burzian@yandex.ru

The project main concept is that dedicated to developing, supporting and specifying the laws of functioning and affecting of verbal models, as well as the search for pathways of models' suggestive resources formalization. The project specificity lies with the new role of psycholinguistics that serves as a methodological framework to reveal analysis units and describe the laws established.

In the course of the project implementation, the logic of analytical and experimental work was developed. It included a certain sequence of research steps, the metalanguage of results description along with specially created analysis tools providing formalization of the processes of affecting resources detection and decoding. Within the framework of this article, the part of the project, connected with the decoding of the suggestive potential of verbal models with different complexity levels, is described. A verbal model is referred to as a materialized structure of any complexity, i.e. a sound-letter, a word, a text, as the carrier of some inner form, which manifests into the outer environment the latent impact resources of particular models. The author regards suggestive potential as the strength of a verbal model, which may be decoded, measured, and represented in quantity indices. The potential correlates to an inner form existing due to the mechanism of association. Suggestive resources are interpreted as the combination of affecting elements, possessed by a definite model. They can be described by means of analytical units revealed for each level, thus allowing for quantitative measurements, correlation of the obtained indices, and features comparison. To decode the impact potential of a verbal model and to measure “the strength of a word”, the directions are defined within which the decoding of a suggestive potential becomes possible. The author has specified eight investigation trends.

Keywords: suggestive potential, suggestive resources, verbal model, associative coloring, brain rhythms, rhythmic codes, formalization, features, analysis units, computer program

References

Voronov I. A. (2006) *Psihotekhnika vostochnykh edinoborstv* [Psychotechniques of Eastern Martial Arts] (Vostochno-aziatskaya klassicheskaya koncepciya psihologicheskoy podgotovki edinoborcev) M.: AST, Mn.: Harvest. 432 P. Print. (In Russian).

Efimenco N.V. (2011) *Associativnaya struktura cvetovogo znacheniya slova i teksta* [Associative Structure of the Colour Meaning of Word and Text]: Dis. ...kand. filol. nauk. Ufa. 208 P. Print. (In Russian).

Daminova R.A. (2010) Associativnaya struktura znacheniya i foneticheskaya znachimost' slova [Word Associative Meaning Structure and Phonetic Significance]: dis. ... kand. filol. nauk. Ufa. 168 P. Print. (In Russian).

Rogozhnikova T.M. (1981) Predvaritel'nye materialy svobodnogo associativnogo ehksperimenta s russkimi det'mi raznyh vozrastnyh grupp [On preliminary results of associative experiments with children of different ages] // Psiholingvisticheskie issledovaniya v oblasti leksiki i fonetiki: mezhvuz. tem. sb. [Psycholinguistic Studies in Lexis and Phonetics]: 100-104. Kalinin: Kalininsk. gos. un-t. Print. (In Russian).

Rogozhnikova T.M. (1983) Sopostavlenie associativnyh reakcij detej raznyh vozrastnyh grupp v usloviyah normy i patologii [The comparison of associative reactions of children from different age groups with and without pathologies] // Psiholingvisticheskie issledovaniya v oblasti leksiki i fonetiki: sb. nauch. tr. [Psycholinguistic Studies in Lexis and Phonetics]: 133-139. Kalinin: Kalininsk. gos. un-t. Print. (In Russian).

Rogozhnikova T.M. (1984) Mezhyazykovoe sopostavlenie putej razvitiya znacheniya polisemantichnyh slov u detej // Psihologicheskie i lingvisticheskie aspekty problemy yazykovykh kontaktov: sb. nauch. Tr [Psychological and Linguistic Aspects of Language Contacts]: 116-124. Kalinin: Kalininsk. gos. un-t. Print. (In Russian).

Rogozhnikova T.M. (1985) Razvitie znacheniya polisemantichnogo slova u detej raznyh vozrastnyh grupp // Materialy VIII Vsesoyuznogo simpoziuma po psiholingvistike i teorii kommunikacii: tez. dokl.: 185-186. AN SSSR Print. (In Russian).

Rogozhnikova T.M. (1986) O spiralevidnoj modeli razvitiya znacheniya slova u rebenka // Psiholingvisticheskie problemy semantiki i ponimaniya teksta: sb. nauch. tr.: 100-105. Kalinin: Kalininsk. gos. un-t. Print. (In Russian).

Rogozhnikova T.M. (2000) Psiholingvisticheskoe issledovanie funkcionirovaniya mnogoznachnogo slova (monografiya) [A Psycholinguistic Study of Polysemantic Words Functioning] Ufa: Ufimsk. gos. aviac. tekhn. un-t. 242 P. Print. (In Russian).

Rogozhnikova T.M. (2005) Mozgovye volny i yadro mental'nogo leksikona // Slovo i tekst: psiholingvisticheskij podhod: Sb. nauch. tr. [Word and Text]: 5: 96-103. Tver': Tversk. gos. un-t. Print. (In Russian).

Rogozhnikova T.M. (2009) Idiosostoyaniya semantiki slova kak real'nyj kvantovyy ob'ekt // Voprosy psiholingvistiki. [Journal of Psycholinguistics]: 2(10): 50-56 M.: IYA RAN; MIL. Print. (In Russian).

Rogozhnikova T.M. (2010) Verbal'nye modeli i ritmicheskaya aktivnost' mozga // Voprosy psiholingvistiki. Vypusk posvyashchen 75-letnemu yubileyu E.F.Tarasova. [Journal of Psycholinguistics]: 2(12): 48-56. M.: IYA RAN. Print. (In Russian).

Rogozhnikova T.M. (2016) Suggestivnyj potencial yazykovoj sistemy i ego strategicheskie vozmozhngosti v processe kommunikacii // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya. [Theory of Language and Cross-cultural Communication]: 4 (23): 95-108. Kursk: Kursk. gos. un-t. Print. (In Russian).

Rogozhnikova T.M., Bogoslovskaya I. V. (2016) Associativnaya cvetnost' notnogo alfavita: predvaritel'nye rezul'taty ehksperimenta // [Theory of Language and Cross-cultural Communication]: 3(22): 118-126. Kursk: Kursk.gos. un-t. Print. (In Russian).

Rogozhnikova T. M., Voronov N.N. (2016) Postroenie matematicheskoy modeli dlya ocenki informacionnoj izbytochnosti teksta // Teoriya i praktika yazykovoj kommunikacii: Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. [Theory and Practice of Language Communication. Proceedings of the 8th International Conference]: 216-232. Ufa: UGATU. Print. (In Russian).

Rogozhnikova T.M., Kochetova G.R. (2012) Associativnaya cvetnost' zvukov bashkirskogo i tatarskogo yazykov // Vestnik Bashkirskogo universiteta [Letters of Bashkir University]: 17(3): 1313-1320. Ufa: Izd-vo Bash. gos. un-ta. Print. (In Russian).

Rogozhnikova T.M., Kishalova L.V. (2015) Slogo-akcentnyj oberitm kak instrument analiza suggestivnyh resursov teksta // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. [Letters of Tver' State University. Philology]: 2: 272–282. Print. (In Russian).

Rogozhnikova T.M., Kudashov D.D. (2012) Psihologicheskaya i fizicheskaya cvetnost' zvuka: vzaimosvyaz' dvuh real'nostej // Teoriya i praktika yazykovoj kommunikacii: Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii. [Theory and Practice of Language Communication. Proceedings of the 4th International Conference]; 280-290. Ufa: UGATU. Print. (In Russian).

Rogozhnikova T.M., Navalikhina A.I. (2011) Dominantnye modal'nosti vospriyatiya i ih dinamika // Vestnik Bashkirskogo gos. un-ta [Letters of Bashkir University]: 16 (2): 469-473. Ufa: Izd-vo Bash. gos. un-ta. Print. (In Russian).

Rogozhnikova T.M., Yakovleva R.V. (2016) Izuchenie associativnoj cvetnosti zvukov nemetskogo yazyka v sinhronicheskom srezhe // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Letters of Volgograd State Pedagogical University]: 2(106): 174–182. Volgograd. Print. (In Russian).

СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД КАК ЭКСТРЕМАЛЬНЫЙ ВИД КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ (ОБЗОР ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Конина Алена Артемовна

Лаборатория когнитивных исследований
Санкт-Петербургский государственный университет
a.konina@spbu.ru

Черниговская Татьяна Владимировна

Кафедра общего языкознания
Кафедра проблем конвергенции гуманитарных и естественных наук
Лаборатория когнитивных исследований
Санкт-Петербургский государственный университет
t.chernigovskaya@spbu.ru

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 16-06-00501а,

**Динамика функционального состояния человека при реализации
синхронного перевода**

Синхронный перевод, будучи одним из самых сложных видов профессиональной деятельности, представляет особый интерес для когнитивной науки. Его потенциал в области оценки влияния стресса на речевосприятие и речепроизводство, изучения когнитивных механизмов, обеспечивающих сложную моторную деятельность, сложно переоценить. История экспериментальных исследований синхронного перевода начинается через несколько лет после его создания, в 50-х годах XX века, переживает всплеск в 80-х и конце 90-х и практически сходит на нет в 2000-х. Одна из основных причин этому – методологические сложности, с которыми сталкиваются ученые при разработке эмпирических исследований синхронного перевода. Насколько нам известно, на сегодняшний день до сих пор не существует единой теоретической модели синхронного перевода. Долгое время бытовало мнение, что основным когнитивным механизмом, стоящим за успешным осуществлением синхронного перевода, считалась память, однако экспериментальные данные противоречивы и не дают однозначного ответа на этот вопрос. Наибольший прорыв удалось сделать с помощью методов нейровизуализации: большинство данных указывает на то, что практика синхронного перевода не сводится к чисто лингвистическим навыкам и потенциально может оказывать положительное влияние на другие когнитивные навыки.

Ключевые слова: синхронный перевод, когнитивные процессы, стресс, рабочая память

Введение

Синхронный перевод (СП), одно из самых энергозатратных направлений профессиональной деятельности, кажется на первый взгляд невозможным. Скорость обработки сигнала и точность результата на выходе, который демонстрируют профессиональные переводчики, представляются недостижимыми без долгих лет тренировок и очень строгого отбора. Неудивительно, что эта разновидность сложного моторного и ментального навыка привлекла внимание исследователей всего через несколько лет после того, как СП стал полноценно использоваться в международной практике (например, [Herbert 1952]). Однако первые же попытки исследовать его с помощью экспериментальных методов столкнулись с рядом методологических сложностей. В частности, СП невозможно воспроизвести в первоначальном варианте (переводчик будет производить новый текст при предъявлении одного и того же лингвистического материала, более того, степень знакомства с материалом качественно изменит результат перевода); сам процесс можно разложить на составные части с точки зрения теории, но на практике изолировать его компоненты исключительно сложно, а выборка профессиональных синхронных переводчиков весьма ограничена.

В настоящей статье мы проследим, а) как различные исследователи подходили к эмпирическому изучению СП и поведения переводчиков и как они преодолевали методологические трудности; б) какие когнитивные механизмы позволяют переводчикам противостоять высокому уровню рабочего стресса и осуществлять свою профессиональную деятельность с минимальными потерями для качества.

Модели синхронного перевода

Какие когнитивные механизмы позволяют переводчикам-синхронистам успешно справляться с поставленной задачей? Первые попытки теоретического обобщения экспериментальных данных начались в 1970-х годах [Gerver 1975; 1976, Moser 1976; 1978], однако пик разработок пришелся на 1990-е [Darò & Fabbro 1994, Mizuno 1994, Setton 1997]. Одной из первых моделей когнитивных механизмов, стоящих за синхронным переводом, была модель Gerver (1976 г.). Gerver делает акцент на обработке поступающей информации и признает приблизительность приводимой схемы. Модель описывает последовательность ментальных процессов и включает в себя серию систем временного хранения информации на разных этапах обработки текста и точек контроля за исполнением операций. Текст оригинала поступает во входной буфер и проходит обработку. На этом этапе подключается долговременная память, которая активирует соответствующие лингвистические эквиваленты (чисто лингвистический процесс). Далее перекодированная информация переходит в выходной буфер и проходит дополнительный контроль перед тем, как переводчик произносит «конечный» вариант. В модели также присутствует накопительный буфер: он необходим для хранения информации, которая уже была обработана входным буфером, но еще не прошла контроль выходного.

Другим первопроходцем в области построения когнитивных моделей СП была В. Moser [Moser 1976; 1978]. В ее модели центральное место занимает рабочая память. Автор называет ее общей абстрактной памятью, и она является

структурным и функциональным компонентом СП. Она управляет хранением элементов, прошедших семантическую и синтаксическую обработку, а также процессом языкового перекодирования. Используя модель распознавания устной речи Massaro [Massaro 1975 (2014)], В. Moser описывает поступление информации через аудиальный канал и её последующую обработку на разных этапах начиная с системы распознавания звуков речи через синтаксический и семантический анализ к перекодированию обработанной информации. На каждом этапе обработки присутствует точка контроля, которая позволяет судить об успешности операции. Новым элементом модели по сравнению с Gerver является этап предсказания последующего высказывания.

Стоит отметить, что обе модели практически не использовались в эмпирических исследованиях, а модель Moser в основном применялась в педагогических целях [Hauenschild et al. 2011]. Две перечисленные модели предпринимают попытку полностью описать процесс СП. Более усеченные модели, основанные на экспериментальных данных, стали появляться позже [Lambert 1983, Dillinger 1989, Darò & Fabbro 1994, Mizuno 1994, 1995, Setton 1997].

Особое внимание стоит обратить на попытку создания чисто лингвистической динамической модели СП, разработанной В. Alexieva [1985; 1988]. Она определила свойства четырех уровней СП: (1) временные характеристики (скорость, количество пауз, их длина и функция), (2) произношение, просодия, пара- и экстралингвистические факторы, (3) морфология, синтаксис, лексика и (4) семантические единицы выше уровня слова (словосочетания, предложения, параграфы). Предполагалось, что события (например, ошибки или выбор переводчиком определённого выражения), которые невозможно объяснить на нижнем (первом) уровне, получают обоснование на более высоком уровне.

В 1988 г. D. Gile представляет свою модель СП, т.н. «модель усилия» (The Efforts Model, [Gile 1988; 1995; 1999]). Автор исходит из предположения, что ресурсы обеспечивающей СП системы ограничены и распределяются по четырем базовым конкурирующим, осознанным действиям – «усилиям»: (1) слушание и анализ, (2) продукция и (3) запоминание, а также (4) координационное усилие. Энергозатраты на перевод обусловлены суммой всех четырех «усилий» и динамически меняются вместе с входящим потоком речи. Так, в переводе относительно простого отрывка речи оригинала могут появиться ошибки, поскольку отрывок, идущий перед ним, представлял большую сложность и усилия по его запоминанию заняли слишком много общих ресурсов. De Groot и Christoffels [De Groot & Christoffels 2006], однако, отмечали, что выделение координационного усилия в отдельный компонент модели расходится с литературой на тему приобретения сложных навыков, где речь идет скорее об «управлении вниманием» или «контроле внимания». Полноценной экспериментальной проверки этой модели, насколько нам известно, проведено не было, однако существуют исследования, частично подтверждающие ее [Seeber & Kerzel 2012, Koshkin et al. 2017].

В 1994 г. появилась модель V. Darò и F. Fabbro, объединившая предыдущие исследования СП с открытиями в области памяти из когнитивной психологии. Эта модель согласуется с современными моделями памяти [Timarová 2008] и включает две системы: долговременную память и рабочую. Теория рабочей памяти

основывается на работах Baddeley и Hitch [Baddeley & Hitch 1974] и в этой модели включает только центральный исполнительный контроль и артикуляторную петлю. Согласно этой модели, рабочая память исполняет роль пассивного хранилища текста оригинала; текст перевода интерферирует с функцией хранения, ограничивая объем рабочей памяти. По результатам экспериментов на вербальную память и фонологическую интерференцию, авторы заключают, что рабочая память производит обработку входящей информации на языке оригинала до того, как к процессу подключается перекодирование на язык перевода.

В том же году M. Paradis [Paradis 1994] представил нейролингвистическую модель СП. Он исходил из предположения, что все элементы одного языка связаны в единую сеть и каждый из этих элементов может быть выбран, если его активация превышает активацию его конкурентов (которые в то же время подавляются). По мнению Paradis, порог активации языка оригинала выше порога активации языка перевода, поскольку продукция требует больше ресурсов, чем понимание [цит. по Kroll & De Groot 2009]. Он предположил, что перекодирование информации происходит на разных уровнях языковой системы через автоматическое применение правил и что существуют специфические для процесса перевода системы, которые обеспечивают перекодирование. Согласно его подходу, из этого следует, что на нейрональном уровне существуют четыре независимых системы: одна обеспечивает деятельность L1, вторая – L2, и две другие, специфичные для перевода, обеспечивают связи между двумя языками, одна с L1 на L2, и соответственно, наоборот. Нам также неизвестны попытки экспериментально подтвердить или опровергнуть эту модель.

Более точной моделью СП (и самой современной) можно назвать модели когнитивной нагрузки (CLM, [Seeber & Kerzel 2012]). Динамическая схема моделирует когнитивную нагрузку, возникающую в результате взаимодействия компонентов СП (понимания, запоминания и продукции), на уровне предложения. Авторы описывают четыре поведенческие стратегии, которые переводчики, по их мнению, применяют в своей работе: ожидание (waiting), затягивание перевода (stalling), сегментация (chunking), предсказание (anticipation). Делаются предположения об объеме когнитивной нагрузки (в рамках парадигмы ограниченных ресурсов), связанной с каждой из этих стратегий. Модели экспериментально подтверждаются на примере перевода между языками с разным порядком слов [Seeber & Kerzel 2012].

Завершить дискуссию о моделях стоит кратким упоминанием об одном из самых крупных теоретических споров о механизмах СП: о том, что происходит в момент перекодирования информации на языке оригинала в информацию на языке перевода. Существует две основные теории (см. обзор в [Kroll & De Groot 2009]): теория значения (например, [Seleskovitch 1976]) и теория перекодирования [Darò 1994, Gile 1991]. Первая предполагает, что переводчик запоминает значения отрывков информации и перекодирует значения этих отрывков на язык перевода. Тогда как по теории перекодирования, СП происходит через применение конкретных правил транспозиции слов или словосочетаний [Fabbro et al. 1990]. Вопрос далек от разрешения, но по некоторым данным [Fabbro & Gran 1994], последняя модель скорее описывает стратегии, применяемые неопытными переводчиками, при высокой сложности текста оригинала или в условиях стресса; однако Paradis [Paradis 1994],

например, утверждает, что начинающие переводчики часто используют единицы значения оригинала, тогда как их более опытные коллеги применяют усвоенные ими в ходе практики правила перекодирования.

Когнитивные механизмы синхронного перевода Роль рабочей памяти в СП

Рабочая память считается одной из ключевых когнитивных способностей, необходимых для осуществления СП [Seleskovitch 1978, Darò 1989, Bajo et al. 2000, Christoffels et al. 2003]. Согласно Hansen et al. [Hansen et al. 2010], наиболее значимыми моделями памяти в исследованиях устного перевода остаются многокомпонентная модель рабочей памяти Baddeley и Logie [Baddeley & Logie 1999] и модель эксплицитной и имплицитной памяти Squire и Zola [Squire & Zola 1996]. Именно в парадигме этих теорий и проводится большинство исследований памяти как компонента СП. Экспериментальные исследования рабочей памяти у синхронных переводчиков в основном ставили своей целью установить, является ли большой объем рабочей памяти необходимым условием для этой профессиональной деятельности, увеличивается ли он вследствие обучения СП, и больше ли он у синхронных переводчиков, чем в среднем в генеральной выборке.

Множество исследований пытаются найти связь между мастерством и опытом переводчика и рабочей памятью, в их рамках обычно сравниваются группы переводчиков, студентов, обучающихся СП, и людей с высоким уровнем владения иностранным языком. По некоторым данным, эта связь действительно есть [Padilla et al. 1995, Padilla 2005, Injoque-Ricle et al. 2015], но другие исследователи не обнаружили различий между перечисленными группами [Chincotta & Underwood 1998, Liu et al. 2004]. Согласно последним данным [Lin et al. 2018], объем рабочей памяти играет ключевую роль в качестве исполнения СП у студентов (а не уровень владения языком перевода).

В исследовании 2003 г. Christoffels и коллеги [Christoffels et al. 2003] показали наличие корреляции между более быстрыми временами реакции при извлечении лексики и лучшими показателями в тесте на объем восприятия текста (reading span) с одной стороны и более успешным синхронным переводом, с другой стороны. Корреляции между результатами теста на запоминание цифр (digit span) и теста на называние изображений с одной стороны и результатами выполнения СП найдено не было.

Padilla и коллеги [Padilla et al. 1995] обнаружили больший объем рабочей памяти у синхронных переводчиков, чем у испытуемых без такого опыта, сразу по двум разным методикам определения объема рабочей памяти (digit span и listening span), однако объем материала недостаточен для такого вывода (см. [Timarova 2008]). В 2005 г. Padilla подтвердил свои данные в группах профессиональных синхронистов, студентов-психологов с большим объемом рабочей памяти и молодых специалистов в языковой индустрии. Эти данные подтверждаются и другими исследованиями (например, [Stavarakaki et al. 2012]).

Данные Liu, Schaller и Carrol [Liu et al. 2004] демонстрируют противоположное: результаты тестов на объем рабочей памяти (listening span test) статистически не отличаются у переводчиков-профессионалов, студентов старших курсов и первокурсников.

Некоторые исследователи [Shlesinger 2003: 45] отмечают особое использование памяти при синхронном переводе: несмотря на необходимость удерживать в памяти определенный объем текста на языке оригинала до непосредственного начала процесса перекодирования информации на родной язык, синхронные переводчики лишены возможности повторять ее. Сложность в одновременном понимании текста и его производстве можно объяснить через артикуляторное подавление – феномен, при котором артикуляция нерелевантной информации во время вербальной задачи мешает нормальному функционированию фонологической петли. Согласно Baddeley, это происходит, потому что артикуляция подавляет субвокальное повторение вербальной информации (т. е. в данном случае, субвокальное повторение текста оригинала). Сам процесс СП подразумевает несколько факторов, подавляющих мысленное проговаривание текста: во-первых, всего около 70% информации, переданной в языке перевода, совпадает с информацией, переведенной на язык оригинала [Gerver 1975]. Когнитивные затраты на поиск в долгосрочной памяти и извлечение нужных элементов, вероятно, подавляет скрытое повторение элементов речи оригинала, во-вторых, скрытое повторение извлеченных элементов на языке перевода может подавлять повторение поступающих элементов на языке оригинала. Тем не менее, несмотря на отсутствие скрытого повторения как фактора предотвращения забывания, переводчики могут запоминать последовательности текста длиной более двух секунд [Shlesinger 2003: 38].

На забывание влияют и другие факторы: Dillinger [Dillinger 1989], Gile [Gile 1995], Tommola и Helevä [Tommola & Helevä 1998] и Lee [Lee 1999] отмечают, что ключевым фактором в процессе обработки текста оригинала и в успешности перевода является плотность и высокая скорость высказывания (информационные элементы, идущие один за другим без грамматических слов или других групп слов, не содержащих большого количества новой семантической информации).

М. Shlesinger в своем эксперименте [Shlesinger 2003] исследовала влияние ограничений рабочей памяти, скорости зачитываемого текста оригинала и отсутствия мысленного повторения на воспроизведение информации при переводе. Согласно ее гипотезам, припоминание должно быть лучше, если прошло меньше времени между звучанием текста оригинала и производством текста перевода, а извлечение эквивалентов на языке перевода должно быть хуже при большей скорости зачитывания текста. Эксперимент был направлен на изучение способности запоминать существительные с длинной группой прилагательных в препозиции и переводить их на язык с другим порядком слов, где они должны стоять в постпозиции. Тексты читались со скоростью 120 и 140 слов в минуту. По результатам исследования в трети случаев из всех цепочек слов на обеих скоростях предъявления испытуемые не воспроизвели ни одного из прилагательных; и также в трети случаев испытуемые воспроизвели только одно из прилагательных (на скорости 140 слов в минуту – чуть больше, чем на скорости 120 слов в минуту, разница приближается к значимой). Таким образом, автор считает, что успешность СП определяется скорее не объемом рабочей памяти, а стратегиям выделения главного и второстепенного в потоке поступающей информации. Le Ny предполагает, что «забывание несемантической информации текста оригинала (фонетические и до некоторой степени синтаксические характеристики) в фазе

понимания происходит быстрее у опытного переводчика, чем у монолингва», а также что «такое быстрое забывание несемантической информации необходимо для выполнения СП, поскольку упрощает обработку семантической информации» [Le Ny 1978: 292].

Есть данные [Vajo et al. 2000], которые показывают, что синхронные переводчики демонстрируют неизменно лучшие показатели по сравнению с теми людьми, профессия которых подразумевает также высокий уровень владения вторым языком (лингвисты, преподаватели и др.), в таких когнитивных задачах как принятие лексического решения, категоризация и подавление ненужной информации. Такие данные подразумевают, что у переводчиков лучше развит как лексический и семантический доступ, так и рабочая память. Тем не менее, исследование Christoffels, De Groot и Kroll [Christoffels et al. 2006], в котором приняли участие билингвы, синхронные переводчики и преподаватели иностранного языка, показало, что синхронные переводчики более успешны по всем результатам тестов (в данном случае – называние изображений, тест на объём восприятия текста и др.), чем билингвы, однако от преподавателей иностранного языка они отличаются лишь большим объемом рабочей памяти.

Сравниваются и разные виды устного перевода. В частности, было установлено, что в переводе с листа совершается больше ошибок выражения (связанных с формой языка перевода), а в синхронном и последовательном больше ошибок понимания, из чего следует, что визуальная интерференция сильнее аудиальной [Agrifoglio 2004]. Lambert [Lambert 2004] провела похожее исследование ошибок в условиях перевода с листа, СП и СП с опорой на текст и обнаружила, что присутствие текста снижает нагрузку на память в рамках модели усилий [Gile 1988].

Поведенческие характеристики в исследованиях СП

Согласно [Weller 1991; Tommola and Helevä 1998], направление перевода с L2 связывается со большими сложностями в понимании, более подвержено ошибкам и, соответственно, занимает больше времени, чем перевод с L1.

Liu [Liu 2001] в исследовании специфических навыков, используемых во время СП, и их роли в достижении профессионального уровня удалось продемонстрировать, что уровень выполнения СП обеспечивается не общим улучшением навыков обработки информации, а тренировкой навыков, специфичных для СП (выделение главного и второстепенного в поступающем потоке информации, переключаемость между задачами). Данные Yudes et al. [Yudes et al. 2011] демонстрируют, что синхронные переводчики лучше, чем билингвы и монолингвы, справляются с тестом на когнитивную гибкость. Это показывает, что механизмы когнитивного контроля подвергаются изменениям за время обучения СП.

Riccardi, Marinuzzi и Zecchin [Riccardi et al. 1998] попросили профессиональных переводчиков и студентов-синхронистов заполнить ASQ – IPAT Anxiety Scale, CDQ – IPAT Depression Scale и MMPI-2 (Minnesota Multiphasic Personality Inventory) до и после настоящей для экспертов и тренировочной конференции для студентов. Обе группы продемонстрировали более низкие показатели депрессии и тревожности

по сравнению с нормой, а студенты-синхронисты показали значительный разброс значений обоих показателей.

Strobach и коллеги [Strobach et al. 2015] исследовали связь между опытом СП и способностью переключаться между задачами в тесте на одновременное выполнение двух задач (dual-task). Испытуемые с опытом отвечали быстрее по сравнению с контрольной группой, тогда как базовая скорость обработки и выполнение единичной задачи не отличались по группам. Таким образом, синхронные переводчики обладают более совершенными навыками координации нескольких задач в рамках ситуации с двойным заданием.

Sonia Pio [Pio 2003] провела исследование влияния скорости презентации на воспроизведение смысла сообщения в языке перевода и «плавность» перевода на двух группах испытуемых: студентах и профессиональных переводчиках, используя две скорости предъявления текста («быструю» и «медленную»). Этот эксперимент был вариацией классического исследования Gerver 1971 г., которое включало только профессиональных переводчиков. 5 переводчиков выполняли перевод, 5 – эхо-повтор. Gerver исследовал соответствие между текстами оригинала и перевода с помощью таких переменных, как разные виды опущений, подмен и исправлений, а также количество правильно переведённых или воспроизведённых в эхо-повторе слов, отставание, длительность высказывания и незаполненные паузы. Согласно его результатам, качество перевода падает при возрастании скорости предъявления речи. Было также выявлено, что при возрастании темпа предъявления текста испытуемые с задачей перевода увеличивали своё отставание от оратора, продолжая говорить в том же темпе, тогда как испытуемые с задачей эхо-повтора не меняли его, увеличивая скорость речевого производства. Эксперимент Pio показал большее количество лингвистических ошибок (опущений, замен, и т. д.) в обеих группах на быстрой скорости предъявления текста, что согласуется с результатами Gerver (причем студенты в среднем совершали больше ошибок, чем профессионалы). Однако данные Gerver об увеличении отставания при увеличении темпа презентации подтвердить не удалось, поскольку разные испытуемые применяли разные стратегии.

Нейрофизиологические корреляты СП

Основы психофизиологических исследований СП с помощью методов нейровизуализации повторяли методику исследования поздних билингов. Один из главных вопросов СП состоит в том, как и в каких областях мозга происходит перекодирование информации с одного языка на другой [Черниговская 1983; 1984; 1990, Chernigovskaya et al. 1983, Chernigovskaya & Deglin 1986, Chernigovskaya 1993; 1994; 1996, Chernigovskaya & Gavrilova 1996]. Существует множество исследований переключения с языка на язык в мозгу у поздних билингов: в процесс переключения языка включены такие структуры, как левая задняя лобная область [Lehtonen et al. 2005; Price, Green, & Von Studnitz 1999; Abutalebi & Green 2008], надкраевые извилины в обоих полушариях [Price et al. 1999], левое хвостатое ядро [Crinion et al. 2006, Abutalebi & Green 2007], левая передняя поясная кора [Wang, Xue, Chen, Xue, & Dong 2007; Abutalebi & Green 2008] и подкорковые структуры [Lehtonen et al. 2005, Price et al. 1999]. Также показано, что не существует одного

региона, ответственного за переключение, и что направление переключения асимметрично [Lei et al. 2014].

Две современные модели билингвизма находят поддержку у разных исследователей: модель активации целевого языка [Costa, Santesteban & Ivanova 2006] и ингибиционная модель [Green 1986; 1998]. Первая предсказывает наиболее быстрый доступ к леммам целевого языка, тогда как вторая предполагает выбор лемм одного языка только после успешного подавления лемм другого языка. Подавление при этом зависит от двух факторов: уровня активации слов, которые нужно подавить, и уровня владения вторым языком. Была разработана и новая модель когнитивных процессов и нейрональных механизмов переключения языка [Duffau 2008, Moritz-Gassera & Duffau 2009]. Она основана на холистическом, а не на локализационистском подходе к обработке языка и предполагает, что переключение языка базируется на распределенной системе, включающей кортико-кортикальные и кортико-субкортикальные параллельные и распределенные сети. Авторы в особенности подчеркивают присутствие широких языковых подсетей, охватывающие все доли с границами в верхнем продольном пучке, надкраевых и угловых извилинах, а также с зоной Брока, задневисочными отделами и веретеновидной извилиной в качестве узлов. Abutalebi et al. [Abutalebi et al. 2007] считают, что для переключения языка важна левая кортико-субкортикальная сеть, регионы которой также вовлечены в когнитивный и исполнительный контроль в более широком смысле. Эта сеть состоит из префронтальной коры, базальных ганглий и задней теменной доли.

Тем не менее, перечисленные выше данные касаются билингвов в целом и не рассматривают мозг синхрониста как результат обучения и тренировки этого специфического навыка. Первые исследования СП и переводчиков с применением методов нейровизуализации появились только в 1990-х годах. Среди таких методов можно перечислить ЭЭГ [Petsche, Etlinger, and Filz 1993], ПЭТ [Rinne et al. 2000] и фМРТ [Ahrens et al. 2010].

Одно из первых ЭЭГ-исследований СП [Kurz et al. 1996, цит. по Ahrens et al. 2010] было направлено на локализацию обеспечивающих его процессов и определение роли полушарий. Принявшие участие в эксперименте переводчики выполняли перевод про себя и с закрытыми глазами для минимизации артефактов в данных. Контрольными заданиями в этом эксперименте был эхо-повтор (синхронное повторение текста речи за оратором), прослушивание музыки и решение арифметических задач. Согласно результатам, перевод на родной язык требовал меньше активации, чем перевод на иностранный (в профессиональных терминах языка А и В соответственно). Исследование подтвердило ключевую роль левого полушария в языковой обработке, однако наиболее любопытным результатом оказались данные об активной работе правого полушария во время перевода на неродной язык (язык В).

Особый интерес представляет исследование функциональных связей (functional connectivity) в левом дорсальном пути у синхронных переводчиков и мультилингвальной контрольной группы [Elmer & Kühnis 2016]. Испытуемые выполняли простое задание на принятие семантического решения: такие задания, согласно этой статье, обычно вызывают распространение активации

по вентральному пути. Авторы предполагали, что у синхронных переводчиков, в отличие от контрольной группы, в обработку информации будет больше включен дорсальный путь в силу их особой профессиональной тренировки (будет происходить преактивация языковых репрезентаций перевода предъявляемых слов). Данные ЭЭГ подтвердили эту гипотезу: по сравнению с контрольной группой, у синхронных переводчиков была зарегистрирована повышенная синхронизация тета-ритма в левом полушарии. Более того, в группе синхронистов функциональная связность в левом дорсальном пути коррелировала с общим количеством часов профессиональной подготовки и возрастом ее начала.

Koshkin et al. [Koshkin et al. 2017] провели ЭЭГ-исследование по проверке модели СП по версии Gile [Gile 1988]. Это исследование представляет особый интерес, поскольку механизмы внимания во время выполнения СП недостаточно изучены. Модель усилий предполагает, что СП состоит из трех компонентов слушания, памяти и говорения, каждый из которых борется за единый ограниченный ресурс внимания. Согласно этой модели, увеличение нагрузки на рабочую память приведет к снижению качества перевода за счет уменьшения ресурсов, выделенных на слушание. Авторы статьи провели ЭЭГ-исследование, частично подтверждающее эту модель: при увеличении нагрузки на рабочую память снижалась амплитуда компонентов P1 и N1, что может указывать на более поверхностную обработку сообщения, воспринимаемого на слух. Авторы также предполагали, что направление перевода повлияет на результаты экспериментов, поскольку в направлении родного языка нагрузка на рабочую память субъективно представляется более высокой; однако эта гипотеза не подтвердилась.

Klein al. [Klein al. 2018] обнаружили, что даже в состоянии покоя ЭЭГ-ответы синхронных переводчиков и людей, просто владеющих несколькими языками, различаются: у синхронных переводчиков была зарегистрирована большая функциональная связность в альфа-ритме (8-10 Гц), особенно в полях Бродмана 9, 44-46 в обоих полушариях (дорсолатеральная префронтальная кора). Эти данные позволяют осторожно предположить, что обучение и тренировка СП приводят к увеличению количества нейронных связей в отделах мозга, связанных с исполнительным контролем.

В пилотном фМРТ-исследовании Ahrens et al. [Ahrens et al. 2010] 6 студентов-переводчиков в разном порядке выполняли задания на СП на родной язык и свободное говорение. Авторы утверждают, что СП не равняется слушанию и говорению, что подтверждается разным уровнем активации при выполнении двух заданий. Локализация активации во время выполнения СП по сравнению со свободным говорением сводится к зонам, участвующим в восприятии речи, особенно левой верхней височной борозде (поле Бродмана 21/22), левой нижней лобной извилине (поле Бродмана 44) и первичной слуховой коре (поперечная височная извилина, поле Бродмана 41), а также зонам, связанным с распределением визуального восприятия (клин и латеральная затылочно-височная извилина), и моторным зонам (премоторная область коры, области, связанные с обеспечением движений рук, и мозжечок). Наибольшая активация была зарегистрирована в левой верхней височной борозде (поле Бродмана 21/22, обычно ассоциируется с обработкой лексико-семантической информации в речи), из чего авторы заключают, что именно этот участок играет ключевую роль в осуществлении СП.

Hervais-Adelman и коллеги [Hervais-Adelman et al. 2014, 2015] провели лонгитюдное фМРТ-исследование пластичности мозга в результате обучения СП. Данные студентов-переводчиков и студентов, не связанных с обучением языкам, во время выполнения СП, эхо-повтора и восприятия речи на иностранном языке в начале и в конце курса обучения (полтора года). Были обнаружены распределенные паттерны изменений функциональных ответов между первым и вторым сканированиями, которые позволили разделить контрольную группу и группу студентов-синхронистов. Также был обнаружен меньший объем активации в хвостатом ядре правого полушария во время выполнения СП (после прохождения курса обучения). Подобные результаты, вероятнее всего, связаны со снижением затрат на языковой контроль, поскольку выполнение задачи становится все более автоматизированным по мере практики. Так, практика СП влияет на функциональный ответ мозга в структурах, не специфичных для лингвистических функций, но обычно вовлечённых в обучение, моторный контроль и другие функции общего контроля.

Авторам также удалось выявить структуры, вовлеченные в обеспечение СП, которые ранее не упоминались в литературе. Результаты этого исследования предполагают, что во время выполнения СП хвостатое ядро участвует в отборе и контроле лексико-семантической системы, тогда как скорлупа чечевицеобразного ядра принимает участие в текущем контроле языковой продукции. Авторы настаивают на важности неспецифически языковых структур, участвующих в обеспечении СП: исследователи высказывают предположение, что положительные эффекты от практики СП могут стать средством защиты от процессов старения благодаря интенсивной тренировке нейронной сети.

Becker et al. [Becker et al. 2016] интересовало, распространяется ли перенос преимуществ от обладания навыком СП на неязыковые когнитивные способности (как в случае людей, владеющих несколькими языками [Poulin-Dubois et al. 2013]). В этом исследовании синхронные переводчики и билингвы других профессий выполняли задания на когнитивный контроль, находясь внутри магнитно-резонансного томографа. Синхронные переводчики в действительности продемонстрировали меньший эффект интерференции в задании на переключение между задачами и в парадигме двойной задачи. Более того, в группе синхронных переводчиков был обнаружен больший объем серого вещества в лобном полюсе левого полушария (поле Бродмана 10) по сравнению с контрольной группой; эта область у синхронных переводчиков по сравнению с контрольной группой имеет больше функциональных связей с нижней фронтальной извилиной и средней височной извилиной в левом полушарии. Это говорит о том, что когнитивные преимущества СП распространяются на задачи, направленные на измерение когнитивного контроля.

Стресс в синхронном переводе

Для того чтобы понять, в чём именно состоит стрессогенность СП, нам представляется важным подробнее описать роль факторов стресса, с которыми синхронные переводчики сталкиваются в рабочих условиях, и связанные с этой темой исследования. На протяжении всей истории изучения СП ученые отмечают необходимость постоянного сопротивления стрессу, наблюдаемую у синхронистов

[Herbert 1952: 6, van Hoof 1962: 62, Seleskovitch 1978: 41, Tommola and Hyönä 1990: 180, Longley 1989: 106], однако эмпирические исследования на эту тему появились только в 80-х годах XX века [Klonowicz 1991: 446-447]. Выделяют несколько групп факторов рабочего стресса у синхронных переводчиков:

Условия работы: включает такие аспекты, как температура, влажность и качество воздуха [Kurz 1981; 1983a; 1983b, Kurz & Kolmer 1984]. Несмотря на усилия Комитета по технике и здравоохранению АПС (Международная ассоциация синхронных переводчиков) по усовершенствованию дизайна кабин, условия работы в них, особенно в их переносном формате, оставляют желать лучшего. В 2001 г. АПС заказала исследование рабочей нагрузки и «эмоционального выгорания» (см. [Freudenberger 1974]) у синхронных переводчиков [Mertens-Hoffman 2001], которое ставило своей целью исследовать все возможные факторы, влияющие на работу синхронного переводчика (психологические, физиологические, физические и организационные), а также взаимодействие факторов или, напротив, отсутствие такого [Mackintosh 2001]. Исследование состояло из двух частей: опроса по электронной почте (в нем приняло участие 607 респондентов) и исследования условий работы в режиме реального времени (48 кабин). Согласно результатам, температура, относительная влажность и содержание CO² в кабинках не соответствует принятым стандартам ISO (Международной организации по стандартизации): в частности, температура в кабинке к концу конференции или заседания составляет в среднем 26,4°C по сравнению с рекомендуемыми 18-22°C. По [Cooper et al. 1982: 97], более 80% переводчиков недовольны условиями работы в кабинках.

1. Психологический стресс.

Несмотря на то что условия работы в кабинках являются одинаково стрессогенными для всех переводчиков, восприятие стресса остается исключительно субъективным. I. Kurz в исследовании 1997 г. [Kurz 1997] использовала опросник State and Trait Anxiety Inventory (STAI) для определения уровня тревожности у синхронных переводчиков. Результаты подтвердили гипотезу о том, что синхронисты лучше справляются с ситуационной тревожностью и оценивают её положительно. Jiménez и Pinazo [Jiménez & Pinazo 2001] применили ту же методику для выявления связи между уровнем тревожности и качеством выполнения СП у студентов, и не обнаружили отрицательной корреляции между ними: авторы предполагали, что чем ниже будет уровень тревожности у студентов, тем лучше они будут переводить, но эта гипотеза не подтвердилась.

Исследование Cooper и коллег [Cooper et al. 1982], направленное на изучение эмоционального стресса у синхронистов выявило, что более 45% участников связали более 40% стресса в своей жизни с работой, а одна пятая опрошенных утверждала, что для них эти показатели превышают 60%. Согласно результатам опроса, синхронные переводчики находятся в хорошей физической форме, однако могут быть подвержены расстройствам, связанным с психическим здоровьем (одна пятая опрошенных страдает от ночных кошмаров, а 13,8% – от хронической бессонницы). Большинство участников также высказывало недовольство условиями работы (отсутствие времени на подготовку, длительность работы, отсутствие обратной связи со спикером и слушателями).

Существуют ситуации, которые даже опытные синхронисты находят особо сложными: Riccardi, Marinuzzi и Zecchin [Riccardi et al. 1998: 99] предположили, что таковым является удаленный СП, когда переводчик не видит оратора вживую. Эта гипотеза подтвердилась в двух широкомасштабных экспериментах, проведенных Организацией Объединенных Наций в 1999 и 2001 гг. (Отчет Генерального секретаря 2001a, 2001b). Подобный эффект обнаруживается и во время видеоконференций [Mertens-Hofmann 2001], причем 73% специалистов, работавших в этих условиях, отмечают ухудшение качества перевода, и в ходе перевода для большой аудитории, например, СП в прямом эфире [Kurz 2002].

Физиологические аспекты стресса

Zeier [Zeier 1997: 243] приводит интересные сведения о косвенных методах оценки затратности СП: скорость речи оратора колеблется от 100 до 130 слов в минуту (относительно «комфортная» подача) и во время 30-минутной смены переводчик обрабатывает от 3000 до 3900 слов, что составляет примерно 12-15 страниц с двойным межстрочным интервалом. Если оратор говорит быстрее и произносит от 135 до 180 слов в минуту, то количество возрастает до 4050-5400 слов, т.е. 16-22 печатные страницы. Для сравнения, письменные переводчики крупных переводческих бюро или международных организаций делают перевод 3-10 страниц за рабочий день [Moser-Mercer et al. 1998: 48].

Tommola и Hyönä [Tommola & Hyönä 1990] использовали методику регистрации диаметра зрачка (считается показателем роли когнитивной нагрузки [Laeng et al. 2012]) для оценки когнитивной нагрузки в ситуации СП, эхо-повтора (синхронного повторения речи вслед за оратором) и прослушивания текста на иностранном языке и обнаружили, что СП связывается с наибольшим расширением зрачка. Так, СП предполагает наибольший объем когнитивной нагрузки среди исследованных видов деятельности.

Klonowicz [Klonowicz 1991] исследовала уровни кровяного давления и сердечный ритм до и после получасовой смены на протяжении всего дня работы синхронного переводчика: показатели, как и предполагалось, демонстрировали пиковую активность именно во время работы.

В силу того, что СП требует затраты большого количества энергии, переводчики обычно работают в парах. Каждый из них переводит 20-30 минут и затем передает слово коллеге. В пилотном исследовании Moser-Mercer, Künzli и Kogac [Moser-Mercer et al. 1998] предприняли попытку исследовать влияние удлиненных смен (более 30 минут) на качество работы переводчика, регистрируя уровень концентрации кортизола и иммуноглобулина А, известных показателей стресса, в слюне. Поскольку в эксперименте приняло участие всего пять испытуемых, статистический анализ в строгом смысле к этому исследованию не применим. Тем не менее, индивидуальный анализ данных по каждому испытуемому показал, что физиологические показатели стресса после удлинённой «смены» существенно возросли по сравнению с принятыми нормами труда. Более того, после 30 минут непрерывной работы качество перевода существенно ухудшилось (было совершено почти вдвое больше смысловых ошибок, чем в первые 30 минут работы). Любопытно, что сами синхронные переводчики не замечают ухудшения качества перевода (те же наблюдения подтверждаются на студентах).

В начале 2000-х гг. появились исследования стрессогенности у студентов. В частности, Kurz [Kurz 2003] провела пилотный эксперимент, в котором приняли участие студенты и профессиональные переводчики. Используемые психофизиологические параметры были ограничены до регистрации сердечного ритма и уровня кожной проводимости. Естественность условий гарантировала система биологической обратной связи. В исследовании приняло участие два профессиональных синхронных переводчика и три студента. Данные кожной проводимости не позволили провести различия между группами, а данные сердечного ритма не показали эпизодов стресса у профессиональных переводчиков (73-75 ударов в минуту), тогда как все студенты продемонстрировали большой разброс показателей (63-123 удара в минуту). Несмотря на малое количество испытуемых, I. Kurz сделала вывод о следующих факторах стресса при синхронном переводе: постоянная высокая информационная нагрузка, ограниченное пространство переводческой кабинки, усталость, влияние окружающих шумов, необходимость справляться с разными (и зачастую сложными) темами, разные акценты у ораторов, постоянная вероятность неудачи и др.

В настоящее время СП признается исследователями как вид профессиональной деятельности, подверженный различным типам психологического и физического стресса.

Заключение

СП по-прежнему представляет сложность для исследования в рамках разных научных дисциплин в силу своей многосоставности, мимолетности и ограниченного доступа к испытуемым. Последний фактор особенно ограничивает статистический анализ данных и моделирование, поскольку эксперименты проводятся на малых выборках. Исследования СП, начавшиеся в 50-х гг. XX века, пережили крупный взлет в 80-х и конце 90-х гг.; на настоящий момент в мире осталось всего несколько центров экспериментальных исследований в этой области. Несмотря на накопленный объем информации за последние 50 лет, всё еще не существует общепринятой модели СП. Наибольшее внимание в исследованиях стоящих за ним когнитивных механизмов уделялось рабочей памяти, тогда как внимание, переключение между задачами и общий когнитивный контроль также участвуют в этом многокомпонентном процессе. Наибольший прорыв, на наш взгляд, удалось сделать с помощью методов нейровизуализации: большинство перечисленных нами данных указывает на то, что практика СП не сводится к чисто лингвистическим навыкам и потенциально может оказывать положительное влияние на другие когнитивные навыки. К сожалению, в настоящий момент методологические ограничения ЭЭГ- и фМРТ-исследований практически исключают экологичное изучение СП.

Литература

Черниговская Т.В., Балонов Л.Я., Деглин В.Л. Билингвизм и функциональная асимметрия мозга // Ученые записки Тартуского Университета, Труды по знаковым системам. Тарту. 1983. №. 16. С. 62-83.

Черниговская Т.В., Балонов Л.Я., Деглин В.Л. Нейропсихологические особенности обеспечения билингвизма в светифункциональной асимметрии мозга // Физиология человека. 1984. Т.10. №4. С. 525-530.

Черниговская Т.В. Латерализация языков у билингва // Вестник МГУ, Москва. 1990. №2. С. 15-25.

Abutalebi, J., & Green, D. (2007). Bilingual language production: The neurocognition of language representation and control. *Journal of neurolinguistics*, 20(3), 242-275.

Abutalebi, J., & Green, D. W. (2008). Control mechanisms in bilingual language production: Neural evidence from language switching studies. *Language and cognitive processes*, 23(4), 557-582.

Agrifoglio, M. (2004). Sight translation and interpreting. *Interpreting*, 6(1), 43-67.

Ahrens, B., Kalderon, E., Krick, C. M., & Reith, W. (2010). fMRI for exploring simultaneous interpreting. *Why translation studies matters*, 88, 1.

Alexieva, B. (1985). Semantic analysis of the text in simultaneous interpreting. In: Bühler, Hildegund (ed.). *Der Übersetzer und seine Stellung in der Öffentlichkeit*. Kongressakte. X., 1985.

Alexieva, B. (1988). Analysis of the simultaneous interpreter's output. In *Translation, our future*. Proceedings, XIth world congress of FIT, Maastricht, Euroterm, 484-488.

Baddeley, A. D., & Hitch, G. (1974). Working memory. In *Psychology of learning and motivation* (Vol. 8, pp. 47-89). Academic press.

Baddeley A.D., Logie, R.H. Working memory: The multiple-component model. In: Miyake, A., & Shah, P. (Eds.). (1999). *Models of working memory: Mechanisms of active maintenance and executive control*. Cambridge University Press.

Bajo, M. T., Padilla, F., & Padilla, P. (2000). Comprehension processes in simultaneous interpreting. *Benjamins translation library*, 39, 127-142.

Becker, M., Schubert, T., Strobach, T., Gallinat, J., & Kühn, S. (2016). Simultaneous interpreters vs. professional multilingual controls: group differences in cognitive control as well as brain structure and function. *Neuroimage*, 134, 250-260.

Chernigovskaya, T. V., Balonov, L. J., & Deglin, V. L. (1983). Bilingualism and brain functional asymmetry. *Brain and language*, 20(2), 195-216.

Chernigovskaya, T. V., & Deglin, V. L. (1986). Brain functional asymmetry and neural organization of linguistic competence. *Brain and language*, 29(1), 141-153.

Chernigovskaya, T. (1993). Die Lateralisierung von Sprachen bei Bilingualen. *Psychosemiotik-Neurosemiotik*'Dr. N. Brockmeyer, Bochum, 15-36.

Chernigovskaya, T. V. (1994). Cerebral lateralization for cognitive and linguistic abilities. *Studies in Language Origins*, 3, 55.

Chernigovskaya, T. V. (1996). Cerebral asymmetry – a neuropsychological parallel to semiogenesis. *Language in the Wurm Glaciation: Acta Coloquii*. Ed Figge U. (Ser. Bochum Publications in Evolutionary Cultural Semiotics. Ed Koch W.), 27, 53-75.

Chernigovskaya, T., Gavrilova, T. (1996). Modelling hemispheric contribution to language faculty: 'bilingual brain' and learning strategies. Reports of the II International Conference on Mathematical Linguistics (ICML'96), Terragona, Spain, 1996, 25-26.

Chincotta, D., & Underwood, G. (1998). Simultaneous interpreters and the effect of concurrent articulation on immediate memory: A bilingual digit span study. *Interpreting*, 3(1), 1-20.

Christoffels, I. K., De Groot, A. M., & Kroll, J. F. (2006). Memory and language skills in simultaneous interpreters: The role of expertise and language proficiency. *Journal of Memory and Language*, 54(3), 324-345.

Cooper, C. L., Davies, R., & Tung, R. L. (1982). Interpreting stress: Sources of job stress among conference interpreters. *Multilingua-Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication*, 1(2), 97-108.

Costa, A., Santesteban, M., & Ivanova, I. (2006). How do highly proficient bilinguals control their lexicalization process? Inhibitory and language-specific selection mechanisms are both functional. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 32(5), 1057.

Crinion, J., Turner, R., Grogan, A., Hanakawa, T., Noppeney, U., Devlin, J. T., & Usui, K. (2006). Language control in the bilingual brain. *Science*, 312(5779), 1537-1540.

Darò, V., & Fabbro, F. (1994). Verbal memory during simultaneous interpretation: Effects of phonological interference. *Applied Linguistics*, 15(4), 365-381.

De Groot, A. M., & Christoffels, I. K. (2006). Language control in bilinguals: Monolingual tasks and simultaneous interpreting. *Bilingualism: Language and Cognition*, 9(2), 189-201.

Dillinger, M.L. (1989). *Component Processes of Simultaneous Interpreting*, Unpublished PhD Thesis, Montreal. McGill University.

Duffau, H. (2008). The anatomo-functional connectivity of language revisited: new insights provided by electrostimulation and tractography. *Neuropsychologia*, 46(4), 927-934.

Elmer, S., & Kühnis, J. (2016). Functional connectivity in the left dorsal stream facilitates simultaneous language translation: an EEG study. *Frontiers in human neuroscience*, 10, 60.

Freudenberger, H.J. (1974). «Staff burnout». *Journal of Social Issues*. 30: 159-165.

Gerver, D. (1975). A psychological approach to simultaneous interpretation. *Meta: Journal des traducteurs/Meta: Translators' Journal*, Vol. 20, №. 2, 119-128.

Gerver, D. (1976). *Empirical Studies of Simultaneous Interpretation. Translation. Applications and Research*. Ed. by R.W. Brislin. New York, Gardner Press, 164-207.

Gile, D. (1988) Le partage de l'attention et le 'Modèle d'efforts' en interprétation simultanée. *The Interpreters Newsletter*. Scuola Superiore di Lingue Moderne per Interpreti e Traduttori, Università degli studi di Trieste, №. 1, 4-22.

Gile, D. (1991). Methodological aspects of interpretation (and translation) research. *Target. International Journal of Translation Studies*, 3(2), 153-174.

Gile, D. (1995). *Basic concepts and models for interpreter and translator training* (Vol. 8). John Benjamins Publishing.

Gile, D. (1999). Testing the Effort Models' tightrope hypothesis in simultaneous interpreting-A contribution. *HERMES-Journal of Language and Communication in Business*, 12(23), 153-172.

Green, D. W. (1986). Control, activation, and resource: A framework and a model for the control of speech in bilinguals. *Brain and language*, 27(2), 210-223.

Green, D. W. (1998). Mental control of the bilingual lexico-semantic system. *Bilingualism: Language and cognition*, 1(2), 67-81.

Hauenschild, C., & Heizmann, S. (Eds.). (2011). *Machine translation and translation theory* (Vol. 1). Walter de Gruyter.

Herbert, J. (1952). *The interpreter's handbook: How to become a conference interpreter*. Librairie de l'Université.

Hervais-Adelman, A., Moser-Mercer, B., Michel, C. M., & Golestani, N. (2014). fMRI of simultaneous interpretation reveals the neural basis of extreme language control. *Cerebral Cortex*, 25(12), 4727-4739.

Hervais-Adelman, A., Moser-Mercer, B., & Golestani, N. (2015). Brain functional plasticity associated with the emergence of expertise in extreme language control. *NeuroImage*, 114, 264-274.

Injoque-Ricle, I., Barreyro, J. P., Formoso, J., & Jaichenco, V. I. (2015). Expertise, working memory and articulatory suppression effect: their relation with simultaneous interpreting performance. *Advances in cognitive psychology*, 11(2), 56.

Jiménez Ivars, A., & Pinazo Calatayud, D. (2001). «I failed because I got very nervous». Anxiety and performance in interpreter trainees: an empirical study.

Klein, C., Metz, S. I., Elmer, S., & Jäncke, L. (2018). The interpreter's brain during rest – Hyperconnectivity in the frontal lobe. *PloS one*, 13(8).

Klonowicz, T. (1991). The effort of simultaneous interpretation: It's been a hard day.... *FIT Newsletter*, 10(4), 446-457.

Koshkin, R., Ossadtschi, A., & Shtyrov, Y. (2017). Attention, Working Memory and Listening in Simultaneous Interpretation. *The Russian Journal of Cognitive Science*, 4(4), 7-13.

Kroll, J. F., & De Groot, A. M. (Eds.). (2009). Handbook of bilingualism: Psycholinguistic approaches. Oxford University Press.

Kurz, I. (1981). Temperatures in Interpreters' Booths—A Hot Iron? *AIIC bulletin*, 9(4), 39-43.

Kurz, I. (1983a). Temperatures inside and outside booths—a comparative study. *AIIC bulletin*, 11(2), 67-72.

Kurz, I. (1983b). CO2 and O2 Levels in Booths at the End of a Conference Day—A Pilot Study. *AIIC Bulletin*, 11(3), 86-93.

Kurz, I., & Kolmer, H. (1984). Humidity and temperature measurements in booths. *AIIC Bulletin*, 12(2), 42-43.

Kurz, I. (1997). Interpreters: stress and situation-dependent control of anxiety. In *Transfere Necesse Est. Proceedings of the 2nd International Conference on Current Trends in Studies of Translation and Interpreting*, 201-206.

Kurz, I. (2002). Physiological stress responses during media and conference interpreting. *Benjamins Translation Library*, 43, 195-202.

Kurz, I. (2003). Physiological stress during simultaneous interpreting: A comparison of experts and novices. *The Interpreters' Newsletter*, № 12, 50-72.

Lambert, S. (2004). Shared attention during sight translation, sight interpretation and simultaneous interpretation. *Meta: Journal des traducteurs/Meta: Translators' Journal*, 49(2), 294-306.

Laeng, B., Sirois, S., & Gredebäck, G. (2012). Pupillometry. *Perspectives on Psychological Science*, 7(1), 18-27.

Le Ny, J. F. (1978). Psychosemantics and simultaneous interpretation. In *Language interpretation and communication*. Springer, Boston, MA, 289-298.

Lee, T. H. (1999). Speech proportion and accuracy in simultaneous interpretation from English into Korean. *Meta: Journal des traducteurs/Meta: Translators' Journal*, 44(2), 260-267.

Lehtonen, M. H., Laine, M., Niemi, J., Thomsen, T., Vorobyev, V. A., & Hugdahl, K. (2005). Brain correlates of sentence translation in Finnish–Norwegian bilinguals. *NeuroReport*, 16(6), 607-610.

Lei, M., Akama, H., & Murphy, B. (2014). Neural basis of language switching in the brain: fMRI evidence from Korean–Chinese early bilinguals. *Brain and language*, 138, 12-18.

Lin, Y., Lv, Q., & Liang, J. (2018). Predicting Fluency with Language Proficiency, Working Memory, and Directionality in Simultaneous Interpreting. *Frontiers in psychology*, 9.

Liu, M. (2001). Expertise in Simultaneous Interpreting: A Working Memory Analysis, Unpublished Ph.D. Dissertation. The University of Texas at Austin.

Longley, P. (1989). Aptitude testing of applicants for a conference interpretation course. In *The Theoretical and Practical Aspects of Teaching Conference Interpretation*, 241-243.

Mackintosh, J. (2002). Workload Study. Main results and what they mean. *AIIC Bulletin*, 32(1), 15-16.

Massaro, D. W. (Ed.). (2014). *Understanding language: An information-processing analysis of speech perception, reading, and psycholinguistics*. Academic Press.

Mertens-Hoffman, A. (2001). *Study of Workload and Burnout in Simultaneous Interpreting*. Integrative Summary Report, Tel-Aviv.

Mizuno, A. (1994). Doojitsuuyakudootaimoderu no tenkai (I). The Dynamic Model of Simultaneous Interpretation (I)», *Interpreting Research*, 7(4/2), 13-25.

Moritz-Gasser, S., & Duffau, H. (2009). Cognitive processes and neural basis of language switching: proposal of a new model. *Neuroreport*, 20(18), 1577-1580.

Moser, B. (1976). *Simultaneous Translation: Linguistic, psycholinguistic, and human information processing aspects*. Universitat Innsbruck.

Moser-Mercer, B., Künzli, A., & Korac, M. (1998). Prolonged turns in interpreting: Effects on quality, physiological and psychological stress (Pilot study). *Interpreting*, 3(1), 47-64.

Moser-Mercer, B. (2000). The rocky road to expertise in interpreting: Eliciting knowledge from learners. *Translationswissenschaft. Festschrift für Mary Snell-Hornby zum 60. Geburtstag*.

Padilla, P., Bajo, M.T., Cañas, J.J. (1995). Cognitive Processes of Memory in Simultaneous Interpretation. *Topics in Interpreting Research*. Ed. by J. Tömmola. University of Turku Press, 61-71.

Padilla, P. (2005). Cognitive implications of the English-Spanish direction for the quality and the training of simultaneous interpreting.

Paradis, M. (1994). Neurolinguistic Aspects of Implicit and Explicit Memory: Implications for Bilingualism and SLA. *Implicit and Explicit Language Learning*. Ed. by N. Ellis. London, Academic Press, 393-419.

Petsche H., Etlinger S. C., Filz O. Brain electrical mechanisms of bilingual speech management: an initial investigation // *Electroencephalography and Clinical Neurophysiology*. 1993. T. 86. №. 6. C. 385-394.

Pio, S. (2003). The relation between ST delivery rate and quality in simultaneous interpretation. *EUT - Edizioni Università di Trieste*, №12, 69-99.

Poulin-Dubois, D., Bialystok, E., Blaye, A., Polonia, A., & Yott, J. (2013). Lexical access and vocabulary development in very young bilinguals. *International Journal of Bilingualism*, 17(1), 57-70.

Price, C. J., Green, D. W., & Von Studnitz, R. (1999). A functional imaging study of translation and language switching. *Brain*, 122(12), 2221-2235.

Report of the Secretary General (2001a): «Provision of interpretation services to other locations from permanent interpretation structures in New York, Geneva, Vienna and Nairobi», United Nations General Assembly, 54th Session A/54/176, 21 July 1999, *The Interpreters' Newsletter* 11, 153-162.

Report of the Secretary General (2001b): «Remote interpretation», United Nations General Assembly, 56th Session A/56/188, 16 July 2001, *The Interpreters' Newsletter* 11, 163-180.

Riccardi, A., Marinuzzi, G., Zecchin, S. (1998). Interpretation and stress. *The Interpreters' Newsletter*, №.8, 93-106.

Rinne, J. O., Tommola, J., Laine, M., Krause, B. J., Schmidt, D., Kaasinen, V., ... & Sunnari, M. (2000). The translating brain: cerebral activation patterns during simultaneous interpreting. *Neuroscience letters*, 294(2), 85-88.

Wang, Y., Xue, G., Chen, C., Xue, F., & Dong, Q. (2007). Neural bases of asymmetric language switching in second-language learners: An ER-fMRI study. *NeuroImage*, 35(2), 862-870.

Seeber, K. G., & Kerzel, D. (2012). Cognitive load in simultaneous interpreting: Model meets data. *International Journal of Bilingualism*, 16(2), 228-242.

Seleskovitch, D. (1978). Interpreting for international conferences: Problems of language and communication. Pen & Booth.

Setton, R. (1997). A Pragmatic Model of Simultaneous Interpretation. Unpublished PhD Thesis, Chinese University of Hong Kong.

Shlesinger, M. (2003). Effects of presentation rate on working memory in simultaneous interpreting. *The Interpreters' Newsletter*, 12, 37-49.

Stavrakaki, S., Megari, K., Kosmidis, M. H., Apostolidou, M., & Takou, E. (2012). Working memory and verbal fluency in simultaneous interpreters. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 34(6), 624-633.

Strobach, T., Becker, M., Schubert, T., & Kühn, S. (2015). Better dual-task processing in simultaneous interpreters. *Frontiers in psychology*, 6, 1590.

Squire, L. R., & Zola, S. M. (1996). Structure and function of declarative and nondeclarative memory systems. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 93(24), 13515-13522.

Timarova, S. (2008). Working memory and simultaneous interpreting.

Tommola, J., & Helevä, M. (1999). Language direction and source text complexity. Unity in diversity? *Current trends in Translation Studies*, 177-186.

Tommola, J., & Hyönä, J. (1990). Mental Load in Listening, Speech Shadowing and Simultaneous Interpreting: A Pupillometric Study.

Van Hoof, H. (1962). Théorie et pratique de l'interprétation: avec application particulière à l'anglais et au français. M. Hueber.

Weller, G. (1991). The influence of comprehension input on simultaneous interpreter's output. In *Proceedings of the 12th World Congress of FIT* (pp. 391-401).

Yudes, C., Macizo, P., & Bajo, T. (2011). The influence of expertise in simultaneous interpreting on non-verbal executive processes. *Frontiers in psychology*, 2, 309.

Zeier, H. (1997). Psychophysiological stress research. *Interpreting*, 2(1), 231-249.

SIMULTANEOUS INTERPRETING AS AN EXTREME COGNITIVE ACTIVITY (EXPERIMENTAL STUDIES REVIEW)

Alena A. Konina

Laboratory for Cognitive Studies
St. Petersburg State University
a.konina@spbu.ru

Tatiana V. Chernigovskaya

Prof., PhD, DSc
Department of Theoretical and Experimental Linguistics
Division for Convergent Studies in Natural Sciences and Humanities
Laboratory for Cognitive Studies
St. Petersburg State University
t.chernigovskaya@spbu.ru

Simultaneous interpreting, one of the most challenging professional activities, is of particular interest for cognitive science. Its potential in assessing the impact of stress on speech perception and speech production, in studying cognitive mechanisms underlying complex motor activity can hardly be overestimated. The history of experimental research on simultaneous interpreting began soon after it emerged, in the 1950s, then it experienced a surge in the 80s and late 90s and almost disappeared in the 2000s. One of the main reasons for this decline are the methodological difficulties faced by researchers in their attempt to study simultaneous translation empirically. To the best of our knowledge, today there exists no general theoretical model for simultaneous interpreting. It was long believed that the main cognitive ability behind simultaneous interpreting was working memory, however, the experimental data are contradictory and do not provide a definite answer to this question. Neuroimaging helped achieve the greatest breakthrough in the area: most data indicate that practicing simultaneous interpreting is not limited to purely linguistic skills and can potentially have a positive impact on other cognitive skills.

Keywords: simultaneous interpreting, cognitive processes, stress, working memory

References

Chernigovskaya T.V., Balonov L.YA., Deglin V.L. (1983) Bilingvizmi funkcional'naya asimmetriya mozga [Bilingualism and Brain Functional Asymmetry] // *Uchenye zapiski Tartuskogo Universiteta, Trudy po znakovym sistemam* [Tartu University Letters. Sign Systems Studies]. (16): 62-83. Tartu Print. (In Russian).

Chernigovskaya T.V., Balonov L.YA., Deglin V.L. (1984) Nejropsihologicheskie osobennosti obespecheniya bilingvizma v svete funkcional'noj asimmetrii mozga [Neurophysiological Peculiarities of Bilingualism and Brain Functional Asymmetry] // *Fiziologiya cheloveka* [Human Physiology]: Vol 10 (4): 525-530. Print. (In Russian)

Chernigovskaya T.V. (1990) Lateralizaciya yazykov u bilingva [Languages Lateralization with Bilinguals] // Vestnik MGU. [MSU Bulletin] 2: 15-25. Moscow, 1990. Print. (In Russian)

Abutalebi, J., & Green, D. (2007). Bilingual language production: The neurocognition of language representation and control. *Journal of neurolinguistics*, 20(3), 242-275. Print.

Abutalebi, J., & Green, D. W. (2008). Control mechanisms in bilingual language production: Neural evidence from language switching studies. *Language and Cognitive Processes*: 23(4): 557-582. Print.

Agrifoglio, M. (2004). Sight translation and interpreting. *Interpreting*, 6(1): 43-67. Print

Ahrens, B., Kalderon, E., Krick, C. M., & Reith, W. (2010). fMRI for exploring simultaneous interpreting. *Why Translation Studies Matters*, 88, 1. Print.

Alexieva, B. (1985). Semantic analysis of the text in simultaneous interpreting. In: Bühler, Hildegund (ed.). *Der Übersetzer und seine Stellung in der Öffentlichkeit*. Kongressakte. X., 1985. Print

Alexieva, B. (1988). Analysis of the simultaneous interpreter's output. In *Translation, Our Future*. Proceedings, XIth World Congress of FIT, Maastricht, Euroterm, 484-488. Print

Baddeley, A. D., & Hitch, G. (1974). Working Memory. In *Psychology of Learning and Motivation*. Vol. 8: 47-89. Academic press. Print

Baddeley A.D., Logie, R.H. Working Memory: The Multiple-component Model. In: Miyake, A., & Shah, P. (Eds.). (1999). *Models of working memory: Mechanisms of active maintenance and executive control*. Cambridge University Press. Print

Bajo, M. T., Padilla, F., & Padilla, P. (2000). Comprehension Processes in Simultaneous Interpreting. *Benjamins translation library*, 39: 127-142. Print

Becker, M., Schubert, T., Strobach, T., Gallinat, J., & Kühn, S. (2016). Simultaneous interpreters vs. professional multilingual controls: group differences in cognitive control as well as brain structure and function. *Neuroimage*, 134: 250-260. Print

Chernigovskaya, T. V., Balonov, L. J., & Deglin, V. L. (1983). Bilingualism and brain functional asymmetry. *Brain and Language*, 20(2):195-216. Print

Chernigovskaya, T. V., & Deglin, V. L. (1986). Brain functional asymmetry and neural organization of linguistic competence. *Brain and Language*, 29(1): 141-153. Print

Chernigovskaya, T. (1993). Die Lateralisierung von Sprachen bei Bilingualen. *Psychosemiotik-Neurosemiotik* Dr. N. Brockmeyer, Bochum: 15-36. Print

Chernigovskaya, T. V. (1994). Cerebral lateralization for cognitive and linguistic abilities. *Studies in Language Origins*, 3, 55. Print

Chernigovskaya, T. V. (1996). Cerebral asymmetry – a neuropsychological parallel to semiogenesis. *Language in the Wurm Glaciation: Acta Coloquii*. Ed Figge U. (Ser. Bochum Publications in Evolutionary Cultural Semiotics. Ed Koch W.), 27: 53-75. Print

Chernigovskaya, T., Gavrilova, T. (1996). Modelling hemispheric contribution to language faculty: 'bilingual brain' and learning strategies. *Reports of the 2nd International Conference on Mathematical Linguistics (ICML'96)*, Terragona, Spain, 1996: 25-26. Print

Chincotta, D., & Underwood, G. (1998). Simultaneous interpreters and the effect of concurrent articulation on immediate memory: A bilingual digit span study. *Interpreting*, 3(1): 1-20. Print

Christoffels, I. K., De Groot, A. M., & Kroll, J. F. (2006). Memory and language skills in simultaneous interpreters: The role of expertise and language proficiency. *Journal of Memory and Language*, 54(3): 324-345. Print

Cooper, C. L., Davies, R., & Tung, R. L. (1982). Interpreting stress: Sources of job stress among conference interpreters. *Multilingual Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication*, 1(2): 97-108. Print

Costa, A., Santesteban, M., & Ivanova, I. (2006). How do highly proficient bilinguals control their lexicalization process? Inhibitory and language-specific selection mechanisms are both functional. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 32(5), 1057. Print

Crinion, J., Turner, R., Grogan, A., Hanakawa, T., Noppeney, U., Devlin, J. T., & Usui, K. (2006). Language control in the bilingual brain. *Science*, 312(5779): 1537-1540. Print

Darò, V., & Fabbro, F. (1994). Verbal memory during simultaneous interpretation: Effects of phonological interference. *Applied Linguistics*, 15(4): 365-381. Print

De Groot, A. M., & Christoffels, I. K. (2006). Language control in bilinguals: Monolingual tasks and simultaneous interpreting. *Bilingualism: Language and Cognition*, 9(2): 189-201. Print

Dillinger, M.L. (1989). *Component Processes of Simultaneous Interpreting*, Unpublished PhD Thesis, Montreal. McGill University. Print

Duffau, H. (2008). The anatomo-functional connectivity of language revisited: new insights provided by electrostimulation and tractography. *Neuropsychologia*, 46(4): 927-934. Print

Elmer, S., & Kühnis, J. (2016). Functional connectivity in the left dorsal stream facilitates simultaneous language translation: an EEG study. *Frontiers in Human Neuroscience*, 10, 60. Print

Freudenberger, H.J. (1974). «Staff burnout». *Journal of Social Issues*. 30: 159-165. Print

Gerver, D. (1975). A psychological approach to simultaneous interpretation. *Meta: Journal des traducteurs/Meta: Translators' Journal*, Vol. 20 (2) : 119-128. Print

Gerver, D. (1976). *Empirical Studies of Simultaneous Interpretation. Translation. Applications and Research*. Ed. by R.W. Brislin. New York, Gardner Press, 164-207. Print

Gile, D. (1988) Le partage de l'attention et le 'Modèle d'efforts' en interprétation simultanée. *The Interpreters Newsletter*. Scuola Superiore di Lingue Moderne per Interpreti e Traduttori, Università degli studi di Trieste, 1: 4-22. Print

Gile, D. (1991). Methodological aspects of interpretation (and translation) research. *Target. International Journal of Translation Studies*, 3(2): 153-174. Print

Gile, D. (1995). *Basic concepts and models for interpreter and translator training* (Vol. 8). John Benjamins Publishing. Print

Gile, D. (1999). Testing the Effort Models' tightrope hypothesis in simultaneous interpreting-A contribution. *HERMES-Journal of Language and Communication in Business*, 12(23): 153-172. Print

Green, D. W. (1986). Control, activation, and resource: A framework and a model for the control of speech in bilinguals. *Brain and Language*, 27(2): 210-223. Print.

Green, D. W. (1998). Mental control of the bilingual lexico-semantic system. *Bilingualism: Language and Cognition*, 1(2): 67-81. Print.

Hauenschild, C., & Heizmann, S. (Eds.). (2011). *Machine Translation and Translation Theory* (Vol. 1). Walter de Gruyter. Print.

Herbert, J. (1952). *The Interpreter's Handbook: How to become a conference interpreter*. Librairie de l'Université. Print.

Hervais-Adelman, A., Moser-Mercer, B., Michel, C. M., & Golestani, N. (2014). fMRI of simultaneous interpretation reveals the neural basis of extreme language control. *Cerebral Cortex*, 25(12): 4727-4739. Print.

Hervais-Adelman, A., Moser-Mercer, B., & Golestani, N. (2015). Brain functional plasticity associated with the emergence of expertise in extreme language control. *NeuroImage*, 114 : 264-274. Print.

Injoque-Ricle, I., Barreyro, J. P., Formoso, J., & Jaichenco, V. I. (2015). Expertise, working memory and articulatory suppression effect: their relation with simultaneous interpreting performance. *Advances in Cognitive Psychology*, 11(2): 56. Print.

Jiménez Ivars, A., & Pinazo Calatayud, D. (2001). «I failed because I got very nervous». Anxiety and performance in interpreter trainees: an empirical study. Print.

Klein, C., Metz, S. I., Elmer, S., & Jäncke, L. (2018). The interpreter's brain during rest - Hyperconnectivity in the frontal lobe. *PloS one*, 13(8). Print.

Klonowicz, T. (1991). The effort of Simultaneous Interpretation: It's been a hard day.... *FIT Newsletter*, 10(4): 446-457. Print.

Koshkin, R., Ossadtschi, A., & Shtyrov, Y. (2017). Attention, Working Memory and Listening in Simultaneous Interpretation. *The Russian Journal of Cognitive Science*, 4(4): 7-13. Print.

Kroll, J. F., & De Groot, A. M. (Eds.). (2009). *Handbook of Bilingualism: Psycholinguistic approaches*. Oxford University Press. Print.

Kurz, I. (1981). Temperatures in Interpreters' Booths—A Hot Iron? *AIIC bulletin*, 9(4): 39-43. Print.

Kurz, I. (1983a). Temperatures inside and outside booths—a comparative study. *AIIC bulletin*, 11(2): 67-72. Print.

Kurz, I. (1983b). CO₂ and O₂ Levels in Booths at the End of a Conference Day—A Pilot Study. *AIIC Bulletin*, 11(3): 86-93. Print.

Kurz, I., & Kolmer, H. (1984). Humidity and temperature measurements in booths. *AIIC Bulletin*, 12(2): 42-43. Print.

Kurz, I. (1997). Interpreters: stress and situation-dependent control of anxiety. In *Transferte Necesses Est. Proceedings of the 2nd International Conference on Current Trends in Studies of Translation and Interpreting*, 201-206. Print.

Kurz, I. (2002). Physiological stress responses during media and conference interpreting. *Benjamins Translation Library*, 43: 195-202. Print.

Kurz, I. (2003). Physiological stress during simultaneous interpreting: A comparison of experts and novices. *The Interpreters' Newsletter*, 12: 50-72. Print.

Lambert, S. (2004). Shared attention during sight translation, sight interpretation and simultaneous interpretation. *Meta: Journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal*, 49(2): 294-306. Print.

Laeng, B., Sirois, S., & Gredebäck, G. (2012). Pupillometry. Perspectives on Psychological Science, 7(1): 18-27. Print.

Le Ny, J. F. (1978). Psychosemantics and simultaneous interpretation. Language Interpretation and Communication, 289-298. Springer, Boston, MA. Print.

Lee, T. H. (1999). Speech proportion and accuracy in simultaneous interpretation from English into Korean. Meta: Journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal, 44(2): 260-267. Print.

Lehtonen, M. H., Laine, M., Niemi, J., Thomsen, T., Vorobyev, V. A., & Hugdahl, K. (2005). Brain Correlates of Sentence Translation in Finnish–Norwegian Bilinguals. NeuroReport, 16(6): 607-610. Print.

Lei, M., Akama, H., & Murphy, B. (2014). Neural basis of language switching in the brain: fMRI evidence from Korean–Chinese early bilinguals. Brain and Language, 138: 12-18. Print.

Lin, Y., Lv, Q., & Liang, J. (2018). Predicting Fluency with Language Proficiency, Working Memory, and Directionality in Simultaneous Interpreting. Frontiers in Psychology, 9. Print.

Liu, M. (2001). Expertise in Simultaneous Interpreting: A Working Memory Analysis, Unpublished Ph.D. Dissertation. The University of Texas at Austin. Print.

Longley, P. (1989). Aptitude testing of applicants for a conference interpretation course. The Theoretical and Practical Aspects of Teaching Conference Interpretation, 241-243. Print.

Mackintosh, J. (2002). Workload Study. Main results and what they mean. AIIC Bulletin, 32(1): 15-16. Print.

Massaro, D. W. (Ed.). (2014). Understanding Language: An information-processing analysis of speech perception, reading, and psycholinguistics. Academic Press. Print.

Mertens-Hoffman, A. (2001). Study of Workload and Burnout in Simultaneous Interpreting. Integrative Summary Report, Tel-Aviv. Print.

Mizuno, A. (1994). Doojitsuuyakudootaimoderu no tenkai (I). The Dynamic Model of Simultaneous Interpretation (I)», Interpreting Research, 7(4/2): 13-25. Print.

Moritz-Gasser, S., & Duffau, H. (2009). Cognitive processes and neural basis of language switching: proposal of a new model. NeuroReport, 20(18): 1577-1580. Print.

Moser, B. (1976). Simultaneous Translation: Linguistic, psycholinguistic, and human information processing aspects. Universität Innsbruck. Print.

Moser-Mercer, B., Künzli, A., & Korac, M. (1998). Prolonged turns in interpreting: Effects on quality, physiological and psychological stress (Pilot study). Interpreting, 3(1): 47-64. Print.

Moser-Mercer, B. (2000). The rocky road to expertise in interpreting: Eliciting knowledge from learners. Translationswissenschaft. Festschrift für Mary Snell-Hornby zum 60. Geburtstag. Print.

Padilla, P., Bajo, M.T., Cañas, J.J. (1995). Cognitive Processes of Memory in Simultaneous Interpretation. Topics in Interpreting Research. Ed. by J. Tömmola. University of Turku Press, 61-71. Print.

Padilla, P. (2005). Cognitive Implications of the English-Spanish Direction for the Quality and the Training of Simultaneous Interpreting. Print.

Paradis, M. (1994). Neurolinguistic Aspects of Implicit and Explicit Memory: Implications for Bilingualism and SLA. *Implicit and Explicit Language Learning*. Ed. by N. Ellis. London, Academic Press, 393-419. Print.

Petsche H., Etlinger S. C., Filz O. Brain electrical mechanisms of bilingual speech management: an initial investigation // *Electroencephalography and Clinical Neurophysiology*. 1993. T. 86 (6.): 385-394. Print.

Pio, S. (2003). The relation between ST delivery rate and quality in simultaneous interpretation. *EUT - Edizioni Università di Trieste*, 12: 69-99. Print.

Poulin-Dubois, D., Bialystok, E., Blaye, A., Polonia, A., & Yott, J. (2013). Lexical access and vocabulary development in very young bilinguals. *International Journal of Bilingualism*, 17(1): 57-70. Print.

Price, C. J., Green, D. W., & Von Studnitz, R. (1999). A functional imaging study of translation and language switching. *Brain*, 122(12): 2221-2235. Print.

Report of the Secretary General (2001a): «Provision of interpretation services to other locations from permanent interpretation structures in New York, Geneva, Vienna and Nairobi», United Nations General Assembly, 54th Session A/54/176, 21 July 1999, *The Interpreters' Newsletter* 11: 153-162. Print.

Report of the Secretary General (2001b): «Remote interpretation», United Nations General Assembly, 56th Session A/56/188, 16 July 2001, *The Interpreters' Newsletter* 11: 163-180. Print.

Riccardi, A., Marinuzzi, G., Zecchin, S. (1998). Interpretation and stress. *The Interpreters' Newsletter*, 8: 93-106. Print.

Rinne, J. O., Tommola, J., Laine, M., Krause, B. J., Schmidt, D., Kaasinen, V., ... & Sunnari, M. (2000). The translating brain: cerebral activation patterns during simultaneous interpreting. *Neuroscience Letters*, 294(2): 85-88. Print.

Wang, Y., Xue, G., Chen, C., Xue, F., & Dong, Q. (2007). Neural bases of asymmetric language switching in second-language learners: An ER-fMRI study. *NeuroImage*, 35(2): 862-870. Print.

Seeber, K. G., & Kerzel, D. (2012). Cognitive load in simultaneous interpreting: Model meets data. *International Journal of Bilingualism*, 16(2): 228-242. Print.

Seleskovitch, D. (1978). *Interpreting for International Conferences: Problems of language and communication*. Pen & Booth. Print.

Setton, R. (1997). *A Pragmatic Model of Simultaneous Interpretation*. Unpublished PhD Thesis, Chinese University of Hong Kong. Print.

Shlesinger, M. (2003). Effects of presentation rate on working memory in simultaneous interpreting. *The Interpreters' Newsletter*, 12: 37-49. Print.

Stavrakaki, S., Megari, K., Kosmidis, M. H., Apostolidou, M., & Takou, E. (2012). Working memory and verbal fluency in simultaneous interpreters. *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, 34(6): 624-633. Print.

Strobach, T., Becker, M., Schubert, T., & Kühn, S. (2015). Better dual-task processing in simultaneous interpreters. *Frontiers in psychology*, 6, 1590. Print.

Squire, L. R., & Zola, S. M. (1996). Structure and function of declarative and nondeclarative memory systems. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 93(24): 13515-13522. Print.

Timarova, S. (2008). *Working Memory and Simultaneous Interpreting*. Print.

Tommola, J., & Helevä, M. (1999). Language direction and source text complexity. Unity in diversity? *Current Trends in Translation Studies*, 177-186. Print.

Tommola, J., & Hyönä, J. (1990). Mental Load in Listening, Speech Shadowing and Simultaneous Interpreting: A Pupillometric Study. Print.

Van Hoof, H. (1962). *Théorie et pratique de l'interprétation: avec application particulière à l'anglais et au français.* M. Hueber. Print.

Weller, G. (1991). The influence of comprehension input on simultaneous interpreter's output. In *Proceedings of the 12th World Congress of FIT*: 391-401. Print.

Yudes, C., Macizo, P., & Bajo, T. (2011). The influence of expertise in simultaneous interpreting on non-verbal executive processes. *Frontiers in psychology*, 2, 309. Print.

Zeier, H. (1997). Psychophysiological stress research. *Interpreting*, 2(1): 231-249. Print.

УДК 304.2

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-4-204-219

**ИНФОРМАЦИОННЫЙ ОБЗОР:
КАТЕГОРИИ *ТОЛЕРАНТНОСТЬ/ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ*
КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ**

Романова Татьяна Владимировна

доктор филологических наук, профессор департамента прикладной лингвистики и иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 603155, Нижний Новгород ул. Большая Печерская, д.15/12, каб. 310
tromanova@hse.ru

В обзоре представлен анализ содержания и исследовательских подходов к изучению категорий толерантность, политкорректность с лингвокультурологической и философской точек зрения; определены основные направления, тенденции и приоритеты развития исследований указанных категорий в отечественной и мировой науке.

Проблема выработки инструмента измерения толерантности встала на повестку дня российского исследовательского сообщества сравнительно недавно. Политологи, социологи, этнографы, историки, подчеркивая актуальность языка, на котором говорят с обществом средства массовой информации и политические деятели, отмечают проявление этнической, расовой, религиозной толерантности или интолерантности в этом языке, прямо или косвенно провоцирующие агрессию. Известно, что «безопасность» и «геополитика» как артикуляционные практики тоже соответствуют социополитическим и социолингвистическим параметрам интолерантного речевого поведения: они позиционируют «Другого» в качестве угрозы базовым ценностям, определяющим коллективную идентичность «Я», и поэтому выводят эти ценности из сферы политического.

В условиях решения задач этноконфессиональной безопасности, противодействия ксенофобии и развития толерантности на территории России как полиэтничного и поликонфессионального государства необходимым является осмысление толерантности как культурного, психологического, политического феномена. Вместе с тем, лингвистический феномен толерантности в аспекте культуры речи, стилистики, риторики, теории коммуникации, дискурсивных практик, оценки недостаточно изучен. В обзоре указаны исследования, посвященные, главным образом, лингвистическому аспекту толерантности, в которых выявляются коммуникативные технологии толерантности; измеряется и анализируется современная лингвокультурная ситуация в Российской Федерации.

Сегодня без знания коммуникационных закономерностей невозможно эффективно осуществлять управление. Применение коммуникативных моделей помогает созданию действенных механизмов взаимодействия в информационном пространстве. Толерантность становится необходимым социальным регулятивом. Ее роль возрастает по мере развития новых коммуникативных технологий и новых регулятивов.

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, политкорректность, язык политкорректности

Введение

Понятия толерантность и политкорректность, вошедшие в русский язык относительно недавно, используются в тезаурусе разных наук и сфер жизни. Считается, что цель этого социального регулятива – способствовать комфортному существованию людей разных национальностей, верований, статусов и убеждений в мультикультурном обществе, в российском в частности. Ведь именно с 90-х гг. XX в. (провозглашение М. Горбачевым «нового мышления» можно считать отправной точкой развития понятия и появления для него соответствующего термина) наблюдается плюрализм ценностей и размытость этических норм в культуре. Однако толерантность так и не стала для российского общества социальной и культурной ценностью. В первую очередь, как нам кажется, по причине манипулятивной природы данного регулятива.

С другой стороны, в условиях решения задач этноконфессиональной безопасности, противодействия ксенофобии толерантность становится необходимым социальным регулятивом. Ее роль возрастает по мере развития новых коммуникативных технологий и новых регулятивов, одним из которых является возникшая в конце 40 гг. XX века тенденция политкорректности. Профессор политологии Лондонской школы экономики Чандрани Кукатас в своем труде «Либеральный архипелаг» называет толерантность явлением, «имеющим фундаментальное значение» в современном «мире, полном разногласий» [Кукатас 2011: 210]. Этим объясняется исследовательский лингвистический интерес к названным категориям, обусловленный необходимостью выработки инструмента измерения толерантности. Задача данного обзора – привлечь внимание читателя к содержанию публикаций по указанной проблеме и исследовательским подходам к ее изучению, определить *основные направления, тенденции и приоритеты развития исследований в отечественной и мировой науке.*

Исследование толерантности как коммуникативной и философской категории в мировой науке

Согласно гипотезе Эдуарда Сепира и Бенджамина Уорфа, в определенном смысле социальная реальность конструируется и категоризируется в языке [Sapir 1949; Whorf 1972]. Это значит, что название Других в дискурсивной практике устанавливает и/или укрепляет границы между группами в социальной реальности. Так, классическими стали исследования Ван Дейка и его школы о дискурсивных стратегиях и объяснительных моделях, где в качестве Мы-группы выступает этническое большинство, а в качестве Они-группы – этнические меньшинства [Dijk van Teun 1997]. Одной из основных особенностей текстов «большинства» является так называемая поляризованная репрезентативность, то есть надделение Мы-группы и Они-группы прямо противоположными признаками, как правило, создающими бинарные оппозиции. Оппозиции «Я» – «не Я», «свой» – «чужой» рассматриваются в свете проблемы идентичности и в трудах по социальной психологии [Шеффер, Скарабис, Шледер 2004].

Во второй половине XX века наблюдается развитие когнитивно-коммуникативных теорий в языкознании, ключевыми среди которых являются работы Пола Грейса о постулатах (максимах) коммуникации и разговорных импликатурах [Grice 1975], теория речевых актов Джона Остина [Austin 1975], те-

ория сохранения лица и теория вежливости Брауна и Левинсона [Brown, Levinson 1996]. Согласно их разделению вежливости на позитивную и негативную, в позитивной вежливости необходимо использовать средства, которые располагают коммуниканта к себе, то есть покажут, что он относится к группе «своих». С точки зрения негативной вежливости от высказывания и, следовательно, от коммуниканта можно дистанцироваться. За основу берется учение И. Канта о доброй воле как автономной, самоопределяющейся, свободной способности морального субъекта.

В XX столетии толерантность выступает как самостоятельная проблема, которая рассматривается в сопоставления с интолерантностью. Философские убеждения Дж. Локка, сформулированные им в «Послании о веротерпимости» и «Опытах о веротерпимости», позволяют осмыслить понятие толерантности как философскую категорию. Однако современная разнонаправленность содержательных характеристик, видящих в толерантности, во-первых, жизненный принцип, способствующий выживанию человека в современной цивилизации (А.Г. Асмолов, Р.Р. Валитова, С.К. Бондырева, Н.П. Медведев, Б.Б. Шалин и др.), и, во-вторых, прикрытия для реального безразличия, раскола, доминирующего в современном сообществе и характеризующего противоречивость понятия, парадоксальность его как ценности (М.Б. Хомяков, В.М. Золотухин, П. Николсон, Б. Уильямс и др.), дает основание для выделения в научной мысли ряда подходов, определяющих толерантность/интолерантность как ценностные позиции современного общества.

В зарубежной традиции, во-первых, выделяют так называемую «кажущаяся толерантность», которая мыслится как уклонение от разрешения конфликта исходя из соображений выгоды, лени или риска; истинная толерантность мотивируется признанием приоритета прав других над тем, что «я сам считаю благом» (политические исследования Фонда Бертельсманн, Мюнхенский университет). Понимание толерантности как принятой установки или умонастроения (Майкл Уолцер, Институт передовых исследований при Гарварде) предполагает некоторые различия: а) религиозная терпимость предполагает отстраненно-смирненное отношение к различиям во имя спасения мира; б) толерантность как позиция пассивности, расслабленности; в) толерантное отношение как принципиальное признание права иного, «даже если такой способ пользования этими правами вызывает неприязнь»; г) толерантность как возможность открытого отношения к другим, выражающаяся в проявлении интереса, любопытства, желания прислушаться и учиться; д) толерантность как восторженное, эстетическое одобрение различий [Жукатас 2011].

Второй тип, «благодарная» толерантность описывается Джоном Стюартом Миллем в эссе «О свободе». Согласно Миллю, толерантность ограничивается вредом, наносимым другим членам общества, и моральной зрелостью человека и общества. Однако это определение границ толерантности является весьма сложным, неопределенным и размытым. Первая сложность заключается в том, что есть две модели понимания вреда: слабая модель, по которой в понятие вреда включается «любой моральный ущерб, всякое оскорбительное деяние»; и сильная модель, согласно которой понятие вреда включает в себя только физическое воздействие. Эти модели очень сильно различаются, кроме того, неопределенно и

само понятие вреда. Вторая сложность состоит в том, что критерий «моральной зрелости» сам по себе является неопределенным, что «делает теорию Милля попросту нелиберальной» [Кукатас 2011:117].

Третий тип понимания толерантности – это толерантность как «благо-в-себе». На возможность такого понимания указывал Питер Николсон, который в то же время крайне мало упоминает о практической возможности существования толерантности как самостоятельного блага, не нуждающегося в каком-либо обосновании. Именно благодетельность толерантности является наиболее дискуссионной характеристикой этого понятия. В связи с подобными сложностями в официальных документах (к примеру, в Декларации принципов толерантности ЮНЕСКО) используется замена понятия «толерантность» другим, хоть и близким по смыслу, но все же другим понятием, к примеру, «уважение к личности человека» или «уважение к разнообразию культур» [Шефер, Скарабис, Шледер 2004].

Каждый из данных подходов к определению толерантности имеет свои достоинства и недостатки, и дискуссии об определении понятия «толерантность» и о толерантности как одной из ценностей современного общества все еще продолжаются.

Отечественная традиция рассмотрения категории толерантность

Что касается отечественной традиции рассматриваемой категории, то, например, О.А. Михайлова указывает на то, что лексическая единица толерантность не зафиксирована ни в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, ни в других толковых словарях XVIII-XIX вв., т. е. слово толерантность в его «ментальном», а не «биологическом, медицинском» значении является недавним заимствованием [Михайлова 2005: 101]. И.А. Стернин предполагает, что соответствующее понятие до недавнего времени не существовало в русской концептосфере. «Оно только начинает формироваться в русском сознании и заполнило собой в языке мотивированную лакуну» [Стернин, Шилихина 2005: 5]. О.А. Михайлова же считает, что отсутствие в русском языке слова толерантность еще не говорит об отсутствии понятия [Михайлова 2005].

Авторы монографии «Коммуникативные аспекты толерантности» предлагают рассматривать толерантность с лингвокультурологической точки зрения как часть культурного концепта, а именно как ядро лингвокультурного поля, в которое, кроме прочего, входят слова, связанные на ассоциативном и семантическом уровне с терпимостью, терпением и ненасилием [Стернин, Шилихина 2000]. Говоря о терпимости как о свойстве души, авторы упомянутой выше монографии рассматривают ее как психологическую черту личности и ставят ее в один ряд с такими высокими душевными качествами, как великодушие, добро, сердечность, чуткость, отзывчивость, душевность, мягкость и готовность помочь. По мнению исследователей, перечисленные личностные качества являются составляющими «русской идеи», которая, в свою очередь, предполагает такие концептуальные признаки, как сочувствие и доброта.

Надо заметить, что терпимость предполагает пассивное восприятие субъектом реальности. Получается, что между понятиями толерантность и терпимость не стоит ставить знак равенства. Все-таки толерантность подразумевает активное отношение к «другому». Именно поэтому определение толерантности

в «Толковом словаре иностранных слов» [Крысин 1998: 701] не является исчерпывающим. В этом определении не учитывается такой концептуальный признак, как 'поведенческий аспект толерантности'. Толерантность предполагает умение находить согласие с людьми других мнений, убеждений, национальностей, социальных слоев, политических взглядов. По той же причине (отсутствие активного субъекта) толерантность нельзя отождествлять с ненасилием. Ненасилие означает в первую очередь «отказ от принуждения, притеснения», т. е. не подразумевает признак 'деятельность'.

Толерантность – это «взгляд на мир без устойчивых негативных эмоций и оценок» [Стернин, Шилихина 2000: 5-6]. Толерантность руководствуется противопоставлением «свой — чужой», а не категориями терпимости «хорошо — плохо». Толерантное поведение основывается на принципе: «никто не может быть судьей в вопросах добра и зла». Она «не предполагает обязательного разделения мнения другого человека и тем более одобрения этого мнения или поступка. Толерантный человек фиксирует в своем сознании и собственное негативное отношение к идеям или поступкам других, но не высказывает этого несогласия в резкой или агрессивной форме...» [Там же: 16].

Согласно позиции Т.А. Воронцовой, изложенной в статье «Типология речевого поведения (коммуникативно-прагматический аспект)», толерантность, наряду с агрессией и вежливостью, является одним из типов речевого поведения [Воронцова 2009: 4], который характеризуется подавлением речевой агрессии, сохранением неприкосновенности коммуникативного пространства говорящих, сбалансированным диалогом с последовательной сменой коммуникативных ролей. Толерантное речевое поведение направлено на паритетный диалог, познание «чужого». Толерантность может выражаться через тактику ухода от конфликтных тем или через представление предмета речи с разных позиций [Там же: 6].

С когнитивной точки зрения толерантность можно определить как сложный формат междисциплинарного знания, имеющий социокультурную основу, который можно представить в виде матричной структуры. Компоненты такой матрицы будут определяться «областями толерантности». Так, социолог М.С. Мацковский предложил классификацию толерантности, которая закрепились в научной среде [<http://www.tolerance.ru/VT-3-4-toler-kak.php?PrPage=VT>].

Толерантность и политкорректность

Принцип толерантности является идеологической основой политкорректности и политкорректного языка. Термин «политическая корректность», «политкорректность» (от англ. political correctness, сокр. PC) начал использоваться в США в конце XX века, а затем появился и в других странах мира. Однако точное время появления выражения политическая корректность до сих пор остается невыясненным.

Не сложилось единого мнения и об определении содержания понятия «политическая корректность», что, по-видимому, связано с широким спектром его применения в публицистике, на страницах прессы и на телевидении. В зарубежных изданиях авторы в основном акцентируют внимание на социальных и идеологических предпосылках политической корректности [Кукатас 2011]. Так, британская энциклопедия «The Hutchinson» дает следующее определение:

«Политическая корректность – разговорный термин, использующийся для определения либерального отношения к проблемам образования и общественного положения и всего с этим связанного. Чтобы быть политически корректным, надо реагировать на проявления расизма, сексуального насилия, проявлять беспокойство об окружающей среде» [The Hutchinson 1995: 357]. Нельзя также не обратить внимание на частотность негативной оценки данного явления, например: «политическая корректность – полуфашистское идеолого-политическое движение в 80–90-е годы в США, распространяемое главным образом либеральными группами и заключающееся в навязывании строгого соблюдения нейтрального языка применительно к полу, возрасту, сексуальной ориентации, расовой принадлежности, гражданским правам и ограничению свободы слова при обсуждении вышеперечисленных тем» [Raymond 1995: 312].

В российской гуманитарной науке существуют разные точки зрения на рассматриваемое явление, в том числе и на наличие отрицательной коннотации у слова политкорректность [Ионин 2010, Лобанова 2015 и др.]. Политкорректность как социальный регулятив часто связывают с «лицемерием, стремлением уйти от реальных общественных проблем, замалчиванием острых противоречий, с дискриминацией большинства, насильственной маргинализацией устоявшихся традиций» [Большая актуальная политическая энциклопедия 2009: 242]: «политкорректность – специфическая форма цензуры смыслов <...> Не столько система запретов на высказывания и самовыражение, сколько метод реформирования внутреннего мира человека и самой структуры мышления путем выведения ряда слов и понятий из языка либо мутации их значений» [Строев 2015]. Политкорректность – «мировоззрение, формулируемое сегодня различными меньшинствами, образовавшими мягкую коалицию «потерпевших»... Их общий признак состоит в том, что они считают себя в первую очередь жертвами, поскольку подвергались дискриминации в том или ином виде» [Лобанова 2015].

Л.Г. Ионин, автор работ по различным проблемам социологии, убежден в том, что *«политкорректность – это идеология современной массовой демократии, служащая, с одной стороны, обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой – подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса»* [Ионин 2010: 210].

Для лингвистов, как и в случае с толерантностью, важной является лингвистическая составляющая рассматриваемого регулятива, а именно язык политкорректности. В.В. Майба в статье «О структуре языка политкорректности (на примере английского и русского языков)» пишет: «Под языком политкорректности естественно понимать словарь, «очищенный», «правильный» вариант языка, который исключает или сводит к минимуму дискриминацию социальных групп, находящихся в невыгодном положении» [Майба 2012: 102]. Исследователь рассматривает язык политкорректности как двухуровневое образование, включающее идеологемы, то есть слова и выражения, которые непосредственно выражают ценности и установки политкорректности, и собственно политкорректные языковые единицы, представляющие собой результат применения идеологем политкорректности к языковой системе. Идеологема – слово или выражение, смысловое содержание которых «неодинаково понимается сторонниками различных политических

взглядов, особенно часто эти различия связаны с эмоциональной окраской слова, на которое переносится оценка соответствующего явления» [Майба 2012: 102]. Идеологемы политкорректности выполняют функцию регулятивов, формирующих в сознании носителей языка картину мира и определяющих их действия. Политкорректность представляет общественную жизнь полярной, выделяет в ней «хорошее» и «плохое», «правильное» и «неправильное», «добро» и «зло». С помощью таких оппозиций задаются базовые ценности политкорректности. В качестве примеров можно привести такие лексемы, как равноправие/дискриминация, терпимость/нетерпимость, уважение/унижение, единство в разнообразии/ иерархичность.

Манипулятивный аспект рассматриваемых регулятивов

В сфере внимания исследователей находится манипулятивный аспект рассматриваемых регулятивов. Так, о манипулятивном потенциале понятия толерантность пишет А.В. Рязанов [Рязанов 2007], рассматривающий толерантность как «слово без корня», удобное для манипуляции в силу своей размытой универсальности. По наблюдениям исследователя, термин толерантность используется в парадигме с другими терминами, образующими лексико-тематическую сетку текста (например, социальное партнерство, гражданское общество). Исследователь приходит к выводу, что манипуляция термином толерантность приводит к снижению социальной, экономической и политической активности населения. Справедливости ради, скажем, что толерантность оценивается неоднозначно не только современным российским обществом и не только на бытовом уровне. Критика толерантности допускается и в современной мировой философии. Ярким представителем критической мысли является словенский философ Славој Жижек. С. Жижек критикует не собственно толерантность, а ее «фальшивую либеральность и мультикультурализм» [Жижек 2007: 9-37]. Критике подвергается, скорее, не понятие и не термин толерантность, а практика реализации понятия в европейских государствах. В интерпретации Жижека толерантность превращается в свою противоположную сущность – нетолерантность – за счет отчуждения «меня» от «другого», то есть обособления индивида и определенных групп в обществе при строгом соблюдении дистанции с другими индивидами и группами. Философ считает, что «уважение мультикультуралиста к личности Другого и есть форма утверждения собственного превосходства» [Жижек 2005: 110]. Кроме того, по мнению автора, толерантность встает на пути естественного взаимодействия, не допуская возможности конфликта, который со времен античной философии признается действенным способом познания. Толерантность, по мнению философа, отсылает нас к идеальному представлению об обществе, где нет места исключениям.

Методы исследования проблемы толерантности в отечественной науке

Российские исследования проблемы толерантности опираются на качественные методы, в большей мере анализируя типы и виды объяснительных моделей или дискурсивных стратегий. Они могут дать характеристику дискурсу в целом, но не позволяют ни оценить масштаб явления, ни сравнить различные издания, региональную специфику и т.д. Однако такая методика позволяет исследовать именно влияние дискурса на дискриминационные социальные практики. Наиболее важным в таких исследованиях является анализ языкового

поведения как этнического большинства, так и меньшинства, причем наиболее важный их вывод – это то, что в дискурсах и большинства, и меньшинств используются общие модели. Одним из важных результатов этой работы явился вывод о сложности отделения доминирующих объяснительных моделей в языке радикальных текстов (например, теория заговора) от принятого в обществе нормального дискурса, языка большинства. Основные дискурсы, господствующие в обществе («классический», «этнический», «хозяйский», «культурный» расизм [Карпенко 2002]), в той же мере распространены и используются как в общественном дискурсе, так и в маргинальных слоях общества. Отличие состоит в способах презентации этих моделей. Например, в общепринятых текстах будет отсутствовать экспрессивная лексика, которая в радикальных текстах используется только в дискриминационных дискурсивных моделях [Дубровский, Карпенко, Кольцова, Торчинский, Шпаковская 2003].

Примером других работ, посвященных толерантности, являются исследования, в которых основной упор делается на типологию форм высказываний. Согласно В. Мальковой, «этническая» информация распространяется по «этническим каналам». Сама же информация делится на «концентрированную», которую несут СМИ этнических диаспор и меньшинств, и «рассеянную», которую распространяют «наднациональные издания». Особой проблемой при этом называется «содержание и направленность» этнической информации, а также ее «потенциальный эффект». В частности, В. Малькова указывает на существование «этнопозитивной» и «этноконфликтной» этнической информации [Малькова 2002].

Исследовательская группа правозащитных организаций (среди которых – Центр «Панорама», Фонд защиты гласности, Центр развития демократии и прав человека и Московская Хельсинкская группа), которые проводили мониторинг уровня ксенофобии на страницах печатных СМИ в различных регионах России, предложила определять уровень интолерантности по принципу наличия дискриминации по отношению к определенным группам (объекты языка вражды) и по шкале выраженности дискриминационных лозунгов и призывов [Язык вражды против общества 2007]. Весь спектр текстов был разделен на три категории: жесткий язык вражды (прямые и непосредственные призывы к насилию, призывы к насилию в виде общих лозунгов, прямые и непосредственные призывы к дискриминации, призывы к дискриминации в виде общих лозунгов, завуалированные призывы к насилию и дискриминации), не столь жесткий, средний язык вражды (оправдание исторических случаев насилия и дискриминации, публикации, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации, утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической группы и т.д.), относительно мягкий язык вражды (создание негативного образа этнической группы, упоминание названия этнической группы в уничижительном контексте, утверждения о неполноценности той или иной этнической группы как таковой, утверждения о моральных недостатках той или иной этнической группы и т.д.).

Данный обзор показывает, что последние проведенные исследования толерантности/ интолерантности относятся, в основном, к первому десятилетию 21в. Очевидно, что на сегодняшний день картина изменилась, и это требует нового научного осмысления.

Комплексное исследование феномена толерантности

Проведенный обзор также показал отсутствие комплексного исследования феномена толерантности на основе интеграции методологии и эмпирических данных лингвокультурологии и социолингвистики.

Примером такого исследования является коллективная научная монография: Т.В. Романова А.Ю. Малафеев, Н.Н. Морозова, М.А. Климова (М.А. Фокина). Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема (*анализ материалов СМИ и политического дискурса*). Монография / Научный редактор: доктор филологических наук, профессор Т. В. Романова. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2017. 304 с. Монография подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00534 «Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема (анализ материалов СМИ и политического дискурса)».

Исследование, результаты которого представлены в монографии, было посвящено, главным образом, лингвистическому аспекту толерантности: посредством анализа регионального и федерального политического дискурса, материалов федеральных и региональных СМИ и др. источников выявлены коммуникативные технологии толерантности/интолерантности; в качестве противопоставления толерантности проанализированы экстремистские, конфликтные речевые стратегии и тактики; определено и описано содержание понятия языковая толерантность; измерена и проанализирована лингвокультурная ситуацию на территории Российской Федерации и Нижегородской области как субъекта Российской Федерации.

Новизна решенной исследовательской задачи связана с рассмотрением политкоммуникации и толерантности как отражения современных социальных реалий. В исследовании ускорившаяся динамика языковой ситуации описана с учетом факторов, ранее на язык не воздействовавших, среди них: трансформация и даже упадок традиционных и возникновение новых ценностей и регулятивов, включая институт семьи, школы, армии, государственной власти, церкви и межконфессионального взаимодействия и др.; расстановка политических сил в мире и связанное с ней изменение системы ценностей и новых идеологий; крупномасштабные миграционные процессы. Факты, обнаруженные эмпирическим путем, получили методологическое обоснование: осмыслены трансформации этнического самосознания и социальной идентичности под воздействием мультикультурализма и глобализационной экономики с иными ценностными ориентирами. Все это конкретизировано на примере полиэтничной территории Нижегородской области с использованием предлагаемых подходов к анализу речевой коммуникации. Кроме того, новизна проведенного исследования определяется использованием корпусных и компьютерных технологий для обработки и хранения данных на естественном языке.

В монографии представлен сравнительный анализ концептов Толерантность и Tolerance/Toleration на материале собственных корпусов на русском и английском языках. Для этого был создан специализированный корпус интернет-текстов о толерантности, состоящий из двух подкорпусов: русского и английского. Собранный мини-корпус доступен для использования в исследовательских целях по следующей ссылке: <https://sites.google.com/site/toleranceresearchproject/#corpus>.

По собранному материалу описаны типы толерантности/интолерантности: политическая, религиозная, этническая. Выявлены и проанализированы метафорические модели, посредством которых в публичных выступлениях и СМИ проявляется религиозная, сексуально-ориентационная, расовая, политическая, социальная толерантность / интолерантность.

В тексте монографии представлен лингвокогнитивный анализ экспликации отношения к толерантности в текстах, опубликованных в сети Интернет: в результате чего выявлены характерные языковые средства и речевые приемы выражения отрицательного отношения к толерантности и наиболее часто речевые приемы выражения отрицательного отношения к толерантности и наиболее часто критикуемые концептуальные признаки ТОЛЕРАНТНОСТИ: «западность» толерантности, ее противопоставление русским ценностям; агрессивное навязывание толерантности; индифферентный характер толерантности; «лукавство» толерантности, ее опора на двойные стандарты, манипулирование людьми; размытость понятия; стремление исказить существующие ценности; парадоксальность толерантности, ее внутренние противоречия.

В результате анализа количественных показателей работы компьютерной программы по определению интолерантности комментариев к блогам политиков и причин расхождений в результатах экспертной и автоматической оценки авторами монографии были разработаны рекомендации по работе с программами автоматического анализа тональности текста на материале политического дискурса. Пополнение базы данных и результаты исследования (публикации) отражены на информационном ресурсе, посвященном проекту (<https://sites.google.com/site/tolera nceresearchproject/#publications>) и в мини-корпусе <https://sites.google.com/site/tolera nceresearchproject/#corpus>.

На материале экспресс-опросника «Индекс толерантности» (Г.У. Солдатова, О.А. Кравцова, Л.А. Шайгерова) проведен анализ уровня толерантности студентов нижегородских вузов, НИУ ВШЭ, НИУ ННГУ им. Н.В. Лобачевского, НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Проведено анкетирование студентов нижегородских вузов (в опросе принял участие 231 человек) на предмет выявления общего уровня толерантности, а также уровня этнической, социальной и личностной толерантности. Охарактеризована выборка (гендерная и возрастная специфика респондентов, аффилиация и т.д.), количественные данные анкет студентов нижегородских вузов обработаны с помощью компьютерного обеспечения Excel и SPSS. Определено процентное соотношение респондентов, демонстрирующих высокий, средний и низкий уровень каждой из анализируемых субшкал толерантности: этнической, социальной и личностной толерантности. Определено процентное соотношение ответов, демонстрирующих высокий, средний и низкий уровень толерантности, на каждый из 22 предложенных вопроса. Проведен расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена с помощью программы SPSS на предмет анализа связей между различными субшкалами толерантности.

В результате проведенного исследования авторы монографии пришли к выводу о том, что студенты нижегородских вузов демонстрируют средний уровень толерантности. Так, преимущественно средний уровень толерантности респондентов выявлен в отношении социальной толерантности (76%), этнической

толерантности (71%) и личностной толерантности (62%). Субшкала «этническая толерантность» выявляет отношение человека к представителям других этнических групп и его установки в сфере межкультурного взаимодействия. Субшкала «социальная толерантность» позволяет исследовать толерантное и интолерантное проявления в отношении различных социальных групп (социальных меньшинств, преступников, психически больных и др.). Субшкала «толерантность как черта личности» включает пункты, диагностирующие личностные черты, установки и убеждения, которые в значительной степени определяют отношение человека к окружающему миру.

Уровень этнической толерантности студентов оказался в среднем выше уровня социальной толерантности (25% респондентов продемонстрировали высокий уровень этнической толерантности, и только 9% продемонстрировали высокий уровень социальной толерантности). Наибольший уровень социальной дистанции был продемонстрирован в отношении социальных групп (беженцев и психически больных людей), наименьший – в отношении религиозных групп и течений. На основе проведенного расчета коэффициента ранговой корреляции Спирмена с помощью программы SPSS сделан вывод о наличии значимой связи между толерантностью как чертой личности и этнической толерантности, а также вывод об отсутствии значимой связи между этнической и социальной толерантностью.

Монография может быть использована преподавателями вузов, студентами, исследователями в смежных областях знания, административными и общественными структурами, занимающимися проблемами толерантности.

Заключение

Назовем еще ряд авторов, опубликовавших в последние годы результаты своего исследования феномена толерантности: Бакулина С.Д., Белозерова А.С., Бюзелева Т.В., Шелемова Г.М., Исаева З.Ш., Купина Н.А., Михина О.В., Михин А.Н., Петухова Т.Н., Рыжкова Ж.Б., Синельникова Л.Н., Шаповалова Т.А., Хруненко А.В., Южакова Ю.В. и др.

Литература

Большая актуальная политическая энциклопедия/ Под общ. ред. А. Белякова и О. Матвейчева. М.: Эксмо, 2009.

Воронцова Т. А. Типология речевого поведения (коммуникативно-прагматический аспект) // Cuadernos de Rusística Española. 2009. № 5. С. 21–31.

Дубровский Д.В., Карпенко О.В., Кольцова Е.Ю., Торчинский Ф.И., Шпаковская Л.Л. Язык вражды в русскоязычном Интернете: материалы исследования по опознаванию текстов ненависти. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2003.

Жижек С. Интерпассивность, или Как наслаждаться посредством Другого. Санкт-Петербург: Алетейя, 2005.

Ионин Л.Г. Апдейт консерватизма [Текст] М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010.

Карманная энциклопедия The Hutchinson. М.: Внешсигма, 1995.

Карпенко О. «И гости нашего города» // Отечественные записки. 2002. № 6.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз, 1998.

Кукатас Ч. Либеральный архипелаг: Теория разнообразия и свободы. Пер. с англ. Н. Эдельмана под науч. ред. А. В. Куряева. Москва: Мысль, 2011.

Лобанова Л. П. Осторожно: политкорректность// [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.polemics.ru/articles/?articleID=7334&hideText=0&itemPage=1> (21.02.2015).

Майба В.В. О структуре языка политкорректности (на примере английского и русского языков)// Политическая лингвистика, 2012, №2. С.102–108.

Малькова В. Остановитесь! Оглянитесь! К вопросу об этнической толерантности и конфликтности в российской прессе. М.: ИЭА РАН. 2002.

Малькова В. Российская пресса и проблемы этнической толерантности и конфликтности // Мы – сограждане (СМИ и общество). М.: Бонфи, 2002. Т. 2. С. 296–313.

Малькова В. Российская пресса и проблемы этнической толерантности и конфликтности // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. М.: НИК, 2002. С. 158–159.

Мацковский М. Толерантность как объект социологического исследования // Век толерантности. 2003. № 4. URL: <http://www.tolerance.ru/VT-3-4-toler-kak.php?PrPage=VT> (дата обращения: 07.12.2014).

Михайлова О.А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллектив. моногр. / отв. ред. Н.А. Купина и М.Б. Хомяков. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 99–111.

Мультикультурализм или интеркультурализм? Опыт Австрии, России, Европы / Отв. ред.: В.Г. Сибирцева; науч. ред.: В.Г. Зусман, Т.Б. Сиднева, Н.Э. Гронская, В.С. Ахамер, Т.П. Понятина. Т. 9. Н. Новгород: Деком, 2013.

Понарин Э., Дубровский Д., Толкачева А., Акифьева Р.Н. Индекс (ин) толерантности прессы // В кн.: Язык вражды против общества / Сост.: А. Верховский. М.: Центр «Сова», 2007. С. 72–106.

Романова Т.В., Малафеев А.Ю., Морозова Н.Н., Климова М.А., Фокина М.А. Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема (анализ материалов СМИ и политического дискурса). Монография. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2017.

Рязанов А.В. Манипулятивный потенциал концепта «толерантность» // Философия и общество. Волгоград, 2007. №1(45). С. 82–98.

Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2000.

Строев С.А. В чем смысл политкорректности? // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nechtoportal.ru/mirovaya/v-chem-smysl-politkorrektnosti.html> (13.01.2015).

Шефер Б., Скарабис М., Шледер Б. Социально-психологическая модель восприятия чужого: идентичность, знание, амбивалентность. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 1. С. 24–51.

Язык вражды против общества / Сост.: А. Верховский. М.: Центр «Сова», 2007.

Austin John L. How to do things with words: [the William James lectures delivered at Harvard University in 1955]. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1975.

Brown Penelope, Levinson S.C. Politeness: some universals in language usage. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996. C. 61–91.

Dijk van Teun. Discourse as structure and process. London: Sage, 1997.

Dijk van Teun. Discourse as social interaction. London: Sage, 1997.

Grice H. Paul. Logic and Conversation. // Syntax and semantics 3: Speech arts, Cole et al. «Logic and conversation», 1975. C. 41–58.

Gurochkina Alla. Conflict and Tolerance in Communication // Sino USEnglish Teaching. Volume 9, Number 2, February 2012. David Publishing Company, USA, 2012. C. 946–951.

Kämper Heidrun. Duldung Toleranz Respekt. Leitwörter des interkulturellen Diskurses // Aptum 3/2008. Zeitschrift für Sprachkritik und Sprachkultur, Bremen: Hempfen, 2008. C. 242–256.

Levinson Stephen C. Presumptive meanings: the theory of generalized conversational implicature. Cambridge, Mass: MIT Press, 2000. C. 11–42.

Raymond W.J. Dictionary of Politics. – Brunswick Publishing Co., Lawrenceville, Virginia, 1995.

Sapir Edward. In Language, Culture, and Personality // Selected Writings of Edward Sapir. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1949. P. 162.

Whorf Benjamin. The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language // Classic Contribution to Social Psychology. N.Y.: Oxford University Press. L.: Toronto, 1972. P. 242–243.

**INFORMATIONAL REVIEW:
CATEGORIES *TOLERANCE* / *POLITICAL CORRECTNESS*
AS AN OBJECT OF LINGUISTIC STUDY**

Tatiana V. Romanova

Doctor of Science in Philology

Professor of Department of Applied Linguistics and Foreign Languages

National Research University “Higher School of Economics”

310, 15/12, Bolshaya Pechiorskaya Street

603155, Nizhniy Novgorod

tromanova@hse.ru

The review presents the analysis of the content and linguo-cultural and philosophical investigation approaches to the categories of tolerance and political correctness, along with the main directions, trends and priorities for the development of relevant categories research in Russian and world science.

The need to develop a tool to measure tolerance has recently appeared on the agenda of the Russian scientific community. While emphasizing the relevance of the language used by mass media and politicians, political scientists, sociologists, ethnographers, historians, register the manifestation of ethnic, racial, religious tolerance or intolerance in the language, thus directly or indirectly provoking aggression. It is known

that the notions of “security” and “geopolitics” also correspond to the sociopolitical and sociolinguistic parameters of intolerant speech behavior: they position “the Other” as a threat to the basic values that define the collective identity, and therefore derive these values from the political sphere.

In the context of solving problems of ethno-confessional security, countering xenophobia and developing tolerance in multi-ethnic and multi-religious Russia, it is necessary to regard tolerance as a cultural, psychological, political phenomenon. At the same time, the approach embracing linguistic phenomenon of tolerance via culture of speech, stylistics, rhetoric, communication theory, discursive practices, and assessment has not been sufficiently investigated. The review refers to studies devoted mainly to the linguistic aspect of tolerance, in which communicative technologies of tolerance are identified; the present-day cultural situation in the Russian Federation is measured and analyzed.

Keywords: tolerance, intolerance, political correctness, language of political correctness

References

Bol'shaja aktual'naja politicheskaja jenciklopedija. Pod obshh. red. A. Beljakova i O. Matvejcheva. (2009) [Most Current Political Encyclopedia. Ed. A. Beljakov & O. Matvejchev] M.: Jeksmo. Print. (In Russian).

Voroncova T. A. (2009) Tipologija rechevogo povedenija (kommunikativno-pragmaticeskij aspekt) [Speech Behavior Typology (Communicatively Pragmatic Aspect)]: 5: 21-31. Cuadernos de Rusística Española. Print. (In Russian).

Dubrovskij D.V., Karpenko O.V., Kol'cova E.Ju., Torchinskij F.I., Shpakovskaja L.L. (2003) Jazyk vrazhdy v russkojazychnom Internete: materialy issledovanija po opoznavaniju tekstov nenavisti [Hostility language in the Russian Internet: research materials on the identification of texts which contain hatred]. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. Print. (In Russian).

Zhizhek S. (2005) Interpassivnost', ili Kak naslazhdat'sja posredstvom Drugogo [Interpassivity, or How to Enjoy Using the Other]. Sankt-Peterburg: Aletejja. Print. (In Russian).

Ionin L.G. (2010) Apdejt konservatizma [The Update of Conservatism] [Tekst]. M.: Izd. dom Gos. un-ta Vysshij shkoly jekonomiki, Print. (In Russian).

Karmannaja jenciklopedija. The Hutchinson (1995) [Pocket Encyclopedia. The Hutchinson]. M.: Vneshsigma. Print. (In Russian).

Karpenko O. (2002) «I gosti nashogo goroda» [“And the guests of our city”] // Otechestvennye zapiski [Russian Letters]: 6. Print. (In Russian).

Krysin L. P. (1998) Tolkovyj slovar' inozazychnyh slov [The Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Rus.jaz. Print. (In Russian).

Kukatas Ch. (2011) Liberal'nyj arhipelag: Teorija raznoobrazija i svobody. Per. s angl. N. Jedel'mana pod nauch. red. A. V. Kurjaeva. [Liberal Archipelago: The Theory of Diversity and Freedom. A translation from English]. Moskva: Mysl'. Print. (In Russian).

Lobanova L.P. Ostorozhno: politkorrektnost' [Caution: Political Correctness] Web.URL:<http://www.polemics.ru/articles/?articleID=7334&hideText=0&itemPage=1> (Retrieval date: 21.02.2015).

Majba V.V. (2012) O strukture jazyka politkorrektnosti (na primere anglijskogo i ruskogo jazykov) [On the structure of the language of political correctness (A case study of the English and Russian languages)] // Politicheskaja lingvistika [Political Linguistics]: 2: 102-108. Print. (In Russian).

Mal'kova V. (2002) Ostanovites'! Ogljanites'! K voprosu ob jetnicheskoj tolerantnosti i konfliktnosti v rossijskoj presse [Stop! Take a look! On the issue of ethnic tolerance and conflict in the Russian press]. M.: IJeA RAN. Print. (In Russian).

Mal'kova V. (2002) Rossijskaja pressa i problemy jetnicheskoj tolerantnosti i konfliktnosti [The Russian Press and the Problems of Ethnic Tolerance and Proneness to Conflict] // My – sograzhdane (SMI i obshhestvo) [We are fellow citizens (media and society)], Vol.2: 296-313. M.: Bonfi. Print. (In Russian).

Mal'kova V. (2002) Rossijskaja pressa i problemy jetnicheskoj tolerantnosti i konfliktnosti [The Russian Press and the Problems of Ethnic Tolerance and Proneness to Conflict]. // Rossijskaja pressa v polikul'turnom obshhestve: tolerantnost' i mul'tikul'turalizm kak orientiry professional'nogo povedenija [Russian Press in a Multicultural Society: Tolerance and Multiculturalism as Guidelines for Professional Behavior]: 158-159. M.: NIK. Print. (In Russian).

Mackovskij M. (2003) Tolerantnost' kak ob#ekt sociologicheskogo issledovanija [Tolerance as an object of sociological research] // Vek tolerantnosti [Age of Tolerance]: 4. Web. URL:<http://www.tolerance.ru/VT-3-4-toler-kak.php?PrPage=VT> (Retrieval date: 07.12.2014).

Mihajlova O. A. (2005) Tolerantnost' i terpimost': vzgljad lingvista [Tolerance and Indulgence: A Linguistic Viewpoint] // Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti: kollektiv. Monogr / otv. red. N. A. Kupina i M. B. Homjakov. [Philosophical and Linguocultural Issues of Tolerance: A Collective Monograph. Ed. by N. A. Kupina & M. B. Homjakov.]: 99-111. M.: OLMA-PRESS. Print. (In Russian).

Mul'tikul'turalizm ili interkul'turalizm? Opyt Avstrii, Rossii, Evropy (2013) / Otv. red.: V. G. Sibirceva; nauch. red.: V. G. Zusman, T. B. Sidneva, N. Je. Gronskaja, V. S. Ahamer, T. P. Ponjatina. [Multiculturalism or interculturalism? Experience of Austria, Russia, Europe. Ed. by V. G. Sibirceva; scientific editors: V. G. Zusman, T. B. Sidneva, N. Je. Gronskaja, V. S. Ahamer, T. P. Ponjatina]. Vol. 9. N. Novgorod: Dekom. Print. (In Russian).

Ponarin Je., Dubrovskij D., Tolkacheva A., Akif'eva R. N. (2007) Indeks (in)tolerantnosti pressy [Index of press (in)tolerance] // V kn.: Jazyk vrazhdy protiv obshhestva / Sost.: A. Verhovskij. [In: Language of Enmity Against Society. A compilation by A. Verhovskij]: 72-106. M. Centr «Sova». Print. (In Russian).

Romanova T. V., Malafeev A. Ju., Morozova N. N., Klimova M. A. (Fokina M. A.) (2017) Tolerantnost' kak kul'turnaja, politicheskaja, lingvisticheskaja problema (analiz materialov SMI i politicheskogo diskursa) Monografija. [Tolerance as a Cultural, Political, Linguistic Phenomenon (An Analysis of Mass Media Materials and Political Discourse)]. Nizhnij Novgorod: DEKOM. Print. (In Russian).

Rjazanov A.V. (2007) Manipuljativnyj potencial koncepta «tolerantnost'» [The manipulative potential of the concept of tolerance] // Filosofija i obshhestvo [Philosophy and Society]1 (45): 82-98. Volgograd. Print. (In Russian).

Sternin I. A., Shilikhina K. M. (2000) Kommunikativnye aspekty tolerantnosti [Communicative Aspects of Tolerance]. Voronezh: Voronezh. gos. un-t. Print. (In Russian).

Stroev S.A. V chem smysl politkorrektnosti? [What Is the Essence of Political Correctness?] Web. URL:<http://nechtoportal.ru/mirovaya/v-chem-smysl-politkorrektnosti.html> (Retrieval date: 13.01.2015).

Shefer B., Skarabis M., Shljoder B. (2004) Social'no-psihologicheskaja model' vosprijatija chuzhogo: identichnost', znanie, ambivalentnost' [Socio-psychological model of the perception of stranger: identity, knowledge, ambivalence] // Psihologija. Zhurnal Vyshej shkoly jekonomiki [Psychology. Journal of Higher School of Economics]: Vol. 1: 1: 24–51. Print. (In Russian).

Jazyk vrazhdy protiv obshhestva / Sost.: A. Verhovskij (2007) [Language of Hostility Against Society. A compilation by A. Verhovskij] M. Centr «Sova». Print. (In Russian).

КРУГЛЫЙ СТОЛ «СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ В КОММУНИКАЦИИ-2»

Дьяченко Галина Викторовна

научный сотрудник отдела психолингвистики

Института языкознания РАН

Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д 1 стр. 1

galya.dyachenko@gmail.com

**Статья подготовлена при поддержке РФФ, грант № 17-18-01642
«Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях
кризиса языковой модели», в Институте языкознания РАН**

15 ноября 2018 года во второй раз состоялся ежегодный Круглый стол «Смыслообразование в коммуникации», в котором приняли участие члены научно-исследовательской группы, работающей в рамках проекта РФФ № 17-18-01642 «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели». Организаторы Круглого стола (А. В. Вдовиченко, Е. Ф. Тарасов) предоставили участникам научной группы возможность предъявить результаты годовой работы.

В кратких сообщениях докладчиков (А. В. Вдовиченко, Е. Ф. Тарасова, А. А. Нистратова, И. В. Журавлева и Ю. В. Журавлевой, Д. В. Маховикова, А. А. Степановой, М. О. Матвеева, Г. В. Дьяченко) был представлен анализ ряда психолингвистических экспериментов и наблюдений, обобщение опыта участия в зарубежных и отечественных научных конференциях, авторские теоретические разработки и т. д. Развернувшаяся в ходе обсуждения дискуссия позволила исследователям глубже осмыслить обоснованность собственных позиций и наметить перспективы дальнейшей совместной деятельности в рамках проекта.

Проблематика Круглого стола, как, впрочем, и всей работы научной группы, задается принципиально иным (отличным от лингвистического «мейнстрима») видением как самих источников смыслообразования в естественной вербальной коммуникации, так и в целом феномена слова человека. Согласно языковому подходу, смысл, возникающий в ходе коммуникации, порождается содержанием самих языковых единиц. Согласно коммуникативному подходу, смысл – реальность сугубо антропологическая, возникающая в сознании коммуниканта, который производит воздействие – предпринимает попытку изменить когнитивное состояние мыслимого адресата (при этом сами единицы, не вовлеченные в личное действие, не могут производить никаких изменений и поэтому вне индивидуальной семиотической процедуры не могут иметь смысла или значения). Естественно, что свою исследовательскую задачу научный коллектив видит в том, чтобы обосновать преимущества коммуникативной модели вербальных данных, раскрыв противоречивость и недостаточность языкового к ним подхода.

В ходе дискуссии, как и на рабочих встречах участников научной группы, проявлялись определенные несовпадения теоретических позиций, вызванные, прежде всего, различием исходных методологических посылок.

Открывшее заседание Круглого стола выступление А. В. Вдовиченко «В поисках источников смыслообразования: семиотическое действие со словами, без слов и несемiotическое действие» преследовало целью представить еще одну иллюстрацию того, что порождается и понимается не слово и не язык, а действие. По убеждению исследователя, к этому выводу приводит простое рассуждение, опирающееся на очевидное положение дел.

Предъявляя это рассуждение, А. В. Вдовиченко изначально предлагает рассмотреть два варианта семиотического воздействия, производимого коммуникантом: с использованием слов и с использованием иных каналов. В такой постановке вопроса, по мнению автора, уже содержится неправомерное признание, что понимается какой-то изолированный канал (вербальный или какой-то иной – жестовый, звукоподражательный, «музыкальный», «танцевальный», пиктографический, и пр.), в то время как любое семиотическое действие является комплексным (многоканальным). Поэтому противопоставление словесного и иного нужно считать искусственным и слишком условным. Тем не менее, такую неточность автор предлагает пока не замечать и продолжает рассматривать эту оппозицию традиционно, соглашаясь на изолированность каналов («словесный язык», «язык жестов», «язык телодвижений», и пр.).

На этом этапе, замечает А. В. Вдовиченко, следует признать, что семиотическое действие как с использованием слов, так и с использованием иных каналов, может провоцировать рассуждения о каком-то языке (языках): языке слов, танца, пиктограмм, жестов, цветов, и пр. Таким образом, в случае семиотического действия доказать выход за пределы какого-то языка и понимания его знаков оказывается невозможным: всегда есть возможность признать какой-то язык в качестве средства коммуникации (при условии признания изолированности каналов).

Опровергнуть распространенную иллюзию (согласно которой смысл порождается в результате понимания «знаков языков») позволяет один бесспорный факт, прямо указывающий на подлинный источник смыслообразования в семиотическом действии. А именно: пониматься может не только семиотическое, но и несемiotическое действие. В последнем, как указал в своем сообщении А.В. Вдовиченко, заведомо не присутствует никаких «языков», которые бы использовал объект интерпретации (если, конечно, не впасть в странность и не признавать, что, скажем, при рубке дров используется «язык топора и грубой силы», и пр.). Очевидно, делает вывод автор, что понимать несемiotическое действие можно только за пределами знаков и языков. Что же, в таком случае, объединяет столь различные объекты понимания и интерпретации – говорение, пиктографию и рубку дров? Их объединяет единое основание – совершаемое действие. Таким образом, делается вывод о том, что и в случае семиотического действия (говорение, жестикулирование, пиктография и пр.) понимаются не собственно знаки, а само личное действие посредством знаков, служащее источником смысла их самих.

В ходе обсуждения идея А. В. Вдовиченко о принципиальном единстве когнитивных операций понимания семиотического и несемиотического действий нашла единодушную поддержку. В том и другом случае интерпретатор осуществляет восхождение от «телесной» стороны знаков или поступков автора к его когнитивному состоянию. Была уточнена также правомерность применения к указанной операции понимания термина «интериоризация». Е. Ф. Тарасов отметил специфичность данного термина для психологических штудий школы Выготского и достаточность для указания на понимание общего термина «восприятие».

Е. Ф. Тарасов (в соавторстве с А. А. Нистратовым) выступил с докладом «Онтологические предпосылки теории речевого общения». Теория речевого общения (ТРО) мыслится авторами как теория, объясняющая речевую и неречевую интеракцию сотрудничающих партнеров в рамках совместной деятельности. Онтологической картиной, в структуре которой разворачивается речевая и неречевая интеракция коммуникантов, естественным образом (по крайней мере, для теории речевой деятельности А. А. Леонтьева) является деятельность, которая включает в себя субъекта-человека, объект-предмет, орудия-предметы, потребность, побуждающую субъекта к действиям, направленным на ее удовлетворение, мотив-предмет, удовлетворяющий потребности и объединяющий несколько действий в деятельность. При этом авторы подчеркнули тот факт, что деятельности человека существуют только в обществе и неотрывны от него.

По мнению докладчиков, для исследователя, изучающего речевое общение, знаковое по своей сути, при котором в межсубъектном пространстве происходит только производство и восприятие тел языковых знаков (звуков и графем), важно указать на предпосылку знакового общения – общность сознаний коммуникантов, так как именно эта общность позволяет при помощи речевых действий «указывать» друг другу на идентичные структуры и схемы образов в своем сознании, которое является общим в той степени, в какой они присвоили общую для них этническую культуру.

Кроме того, полагают докладчики, необходимо учесть, что любой акт деятельности укоренен в прошлом, настоящем и будущем того социума, в котором он разворачивается. Укорененность в прошлом следует понимать как детерминированность сознания (языкового и неязыкового) предметной, деятельностной и идеальной формами этнической культуры, присвоенной коммуникантами. Именно присвоенная культура устраняет до определенной степени индивидуальные качества коммуникантов, императивно уравнивая их человеческие качества, превращающие их в личности и создавая тем самым предпосылку для взаимопонимания. Укорененность в настоящем означает, что в своей активности коммуниканты реализуют те модели деятельности, которые имеют социальную легитимность и функциональную целесообразность в конкретном обществе и в конкретное время. Укорененность в будущем целесообразно понимать, как проекцию современных моделей с необходимыми модификациями в будущее.

В дискуссии А. В. Вдовиченко обратил внимание на существующее де-факто различие сознаний коммуникантов, хотя и принадлежащих к одной культуре и говорящих на одном языке. Этот факт выдвигает на передний план вопрос, что же в действительности обеспечивает речевое общение и понимание, если не

тождество сознаний. Е. Ф. Тарасов, настаивая, что без предпосылки общности сознаний понимание абсолютно невозможно, согласился на компромиссную формулировку, что общего в сознаниях у нас больше, чем различного. В свою очередь, он адресовал А. В. Вдовиченко вопрос: что же дает конструктивного для научной модели коммуникации данное подчеркивание различия между индивидуальными сознаниями? В ответ А.В. Вдовиченко указал на невозможность объяснить факт коммуникации общностью сознаний («говорить и совершать иные семиотические поступки было бы как минимум бесполезно, – если не постулировать индивидуально мыслимое изменение чего-то, некую новизну – новое состояние, достигаемое в результате семиотического воздействия»). Констатация различия сознаний, обладающих, как минимум, индивидуальными планами нарушать status quo, дает возможность осознать динамику коммуникации как процесса постоянных когнитивных операций, целенаправленных изменений когнитивных (психических) состояний.

И. В. Журавлев, со своей стороны, заметил, что феномен индивидуального сознания, который столь часто воспринимается как некая данность, должен быть в принципе проблематизирован, поскольку кристаллизация индивидуального сознания и филогенетически, и онтогенетически происходит поздно. Так, ребенок, по его мнению, не является носителем индивидуального сознания. На этот пункт, однако, можно возразить, что ребенок не является носителем зрелого и развитого индивидуального сознания, но носителем сознания как разумной природы он, будучи человеком, является от рождения. Так и у представителей первобытных обществ, не мыслящих себя носителями индивидуального Я, но некоего коллективного Мы, такая коллективная схема миропонимания тем не менее является свободным актом мышления конкретного индивида.

Г. В. Дьяченко попыталась подойти к проблеме смыслообразования в коммуникации с исторической точки зрения, представив доклад «Об источнике смыслообразования в контексте опровержения Евномия свт. Григорием Нисским». По мнению автора, в лингвистических воззрениях можно найти три различных ответа на вопрос об источнике смыслообразования – это 1) сами предметы, 2) имена, то есть язык, и, наконец, 3) сам человек. Поучительным эпизодом, проливающим свет на современное решение этой проблемы, является полемика христианских богословов IV в. – святителей Василия Великого, Григория Нисского, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Епифания Кипрского и др – с лингвогносеологической концепцией Евномия (богословские взгляды которого в итоге признаны еретическими).

Согласно Евномию, имена «соприродны» предметам и вложены в них Богом при сотворении. Человеческому разуму даровано ведение всей совокупности «соприродных» предметам имен. «Соприродное» имя выражает саму сущность предмета, оно неразрывно связано с сущностью и является как бы ее энергией. Тогда как имена, данные предметам людьми по своему «примышлению», только условно указывают на вещи и никакого объективного знания об их природе не содержат. Достаточно поэтому отбросить имена, «примышленные» человеком, чтобы по «соприродному» предмету имени познать его сущность. Очевидно, что

в евномиянской лингвогносеологической модели человек не просто устранен от производства смысла и имен, но и признан источником их негативным. Тогда как подлинным источником смысла здесь провозглашаются имена и порождающие их предметы.

Автор отметила, что Евномий в своих лингвогносеологических взглядах был вполне традиционен и двигался в русле доминирующих в античности лингвистических воззрений. В качестве источников его учения об именах свт. Григорий Нисский называет философские взгляды Платона, Аристотеля и Эпикура. Св. отцы, борясь с Евномием, по сути, выступили против платоновского учения о том, что имена имеют божественное происхождение, что они врождены предметам и заключают в себе значение их сущности. Г. В. Дьяченко полагает, что основные принципы лингвогносеологической модели св. отцов могут быть сведены к следующим: 1. Имя не дается предмету Богом. 2. Имя не содержится в самом предмете. 3. Имя не тождественно сущности предмета. 4. Имя «примышляет» («создает своим умом») человек. 5. Через посредство человеческого понятия имя истинно соответствует предмету. Автор заключает, что в споре с Евномием христианские богословы отстаивали силу человеческого ума как единственного источника происхождения имен и их значений. Поэтому можно согласиться с мнением, высказанным ранее А. В. Вдовиченко, что «когнитивная революция» в лингвистических воззрениях произошла не в XX веке, а на семнадцать столетий раньше – в творениях Каппадокийских отцов.

В ходе обсуждения А. В. Вдовиченко обратил внимание на то, что в рассматриваемой богословской полемике IV в. все было намного драматичнее, чем проявление простого лингвогносеологического интереса к теме слова. В действительности на основании своего языкового аргумента Евномий приходил к отрицанию Божества Сына – Второго Лица Пресвятой Троицы. Так, если имя выражает сущность, а имя Бога Отца – преимущественно «Нерожденный» (*ἀγέννητος*), то Сын, носящий имя «Рожденного» (*γεννητός*), оказывается обладающим иной сущностью – не Божественной, а тварной. Поэтому, опровергая тринитарную ересь, святым отцам пришлось продумать и изложить учение о словесной деятельности человека. А. В. Вдовиченко заметил при этом, что именно Филон Александрийский, платоник прежде всего, навязал историю о прозревании Адамом сущностей вещей при наречении им имен. Однако богословие святых отцов той эпохи в том числе содержит ясно разработанное учение о непознаваемости человеком сущностей вещей.

В совместном выступлении «Общение и обобщение: старая проблема в новом контексте» И. В. Журавлев и Ю. В. Журавлева признали отчасти верным тезис о том, что в естественной коммуникации порождаются и понимаются не лингвистические единицы, а действия, совершаемые коммуникантами. Поскольку общение происходит между людьми, вовлеченными в совместную деятельность, источником смысла «передаваемых» сообщений являются ни в коем случае не средства их «передачи», а действия людей, направленные на предмет их деятельности или (если говорить о деятельности общения) на самих коммуникантов. Именно действие первично нагружено смыслом, хотя сам человек чаще всего воспринимает смысл своего действия как смысл предмета, с которым он действует. Действия

человека остаются осмысленными и вне любой актуальной коммуникации (если не касаться вопроса о коммуникации человека с самим собой).

Однако авторы задаются вопросом, правомерно ли проводить жестко различие между порождаемым/понимаемым действием и порождаемым/понимаемым словом (знаком)? По их мнению, здесь дает о себе знать ключевой для формируемой модели коммуникативного процесса вопрос – вопрос о сущности знака. В связи с этим, по их мнению, следует вспомнить идею Л. С. Выготского о том, что знак есть единство общения и обобщения. И. В. Журавлев и Ю. В. Журавлева отстаивают точку зрения, согласно которой знак следует понимать не как сосюроевское «означающее», не как акустический/зрительный/кинестетический образ и даже не как единство этого образа с «означаемым», а как превращенный предмет. В этом предмете «свернута» форма деятельности с любым реальным предметом, который обозначается данным знаком. Словом «чашка» можно обозначить любую чашку (обобщение). При этом слово «чашка» означает не предмет как таковой (зачем его обозначать?!), а действие с ним. Генезисом действия является «обмен деятельностями» (А. Н. Леонтьев), т. е. любое действие по своему происхождению связано с совместной деятельностью (любое обобщение есть обобществление). Соответственно, употребление знака в общении уже неизбежно подразумевает обмен деятельностями, т. е. обобщение и обобществление.

Кроме того, докладчики обратили внимание на то, что в ходе общения коммуникантами порождаются/понимаются и знаки, и действия, поскольку между знаком и действием невозможно провести жесткую границу. Основанием для проведения подобной границы может быть лишь узколингвистический взгляд на знак, игнорирующий его деятельностную природу. Как будто мы смотрим на мир, в котором уже есть действия сами по себе и знаки сами по себе. Это взгляд «с конца». Если же начинать «сначала», то видна будет иная картина. Порождая действие, мы порождаем знак. Порождая знак, мы порождаем действие.

Принципиальные возражения коллег касались не обобщающей функции знака и не общественного характера его генезиса, но правомерности понимания знака как превращенного предмета. Знак – это не предмет. Он не существует вне психики производящего или воспринимающего его человека. Хотя телом знака может быть какой-либо предмет, но вне психики человека данный предмет не будет телом знака. Поскольку знака как самостоятельно существующего предмета нет, то форма деятельности не может быть «свернута» в нем. Она и «свернута» не в знаке, а в мыслительной деятельности ума человека. При этом тенденция авторов не к предметному, а к деятельностному пониманию знака встретила со стороны коллег поддержку и заинтересованное внимание.

А. А. Степанова выступила с докладом «Смыслообразование при восприятии фотографий». Актуальность проблемы докладчица видит в современной тенденции к визуализации культуры и процесса коммуникации, для результативности которого необходимы зачастую или бесконечное количество слов или всего лишь одно изображение. В отличие от текста, изображение имеет метасвойства, но для использования его как средства коммуникации (канала трансляции смысла) необходимы определенные условия: наличие в нем кода и ключа для расшифровки одновременно.

В докладе подчеркнута, что фотография как канал трансляции смысла имеет значительные отличия от живописи. Она передает реальность полностью, не упрощая деталей и не разбивая ее на части, не кодирует ее с помощью принятых и устоявшихся знаков. В то же время фотография тоже закодирована. На этот факт указывает наличие в ней двух сообщений: денотативного (буквального) и коннотативного (символического, метафорического). Благодаря денотативному сообщению, мы понимаем и распознаем то, что изображено. Коннотативное подключается в тот момент, когда мы пытаемся предположить, что стоит за тем, что изображено. Денотативное сообщение становится означающим для означаемого, которым выступает коннотативное сообщение. Обращаясь к анализу взаимодействия языка и изображения, А. А. Степанова констатирует, что изображение, его «язык» обладает самоценностью и смысл возникает при наличии одного изображения, а не только после перевода его на естественный вербальный язык. Данный факт свидетельствует о невербальности смыслообразования в сознании человека.

В процессе обсуждения было уточнено, что если денотативное сообщение отчасти является «кодом» самой фотографии, то коннотативное (символическое, метафорическое) сообщение не является ее принадлежностью, но только сознания человека, воспринимающего фотографию. Вне восприятия человеком денотативное сообщение не является само по себе означающим коннотативного означаемого. Таковые планы сообщений усматривает в фотографии лишь индивидуальная когниция реципиента.

В сообщении М. О. Матвеева «Зависимость понимания слова от образов сознания, репрезентированных этим словом (экспериментальное исследование)» было проанализировано влияние образов сознания (образов восприятия и воспоминания) на понимание значения слова, оречевляющего данный образ. Автор охарактеризовал методику и представил некоторые результаты экспериментального исследования, проведенного им с целью выяснения механизма смыслового восприятия речевых высказываний.

По мнению М. О. Матвеева, использование понятий *образ восприятия*, *воспоминания* и *представления* в ходе анализа процесса оречевления мысли создает предпосылку для формирования более детальных знаний о невербальной основе мысли и, соответственно, ставит перед исследователями задачу уточнить зависимость понимания одного и того же слова от типа используемого образа сознания. Проведенный эксперимент был призван верифицировать гипотезу о существовании связи между пониманием слова и образами сознания, оречевляемыми данным словом. Данная верификация, полагает докладчик, возможна при помощи психосемантических методов исследования, которые позволяют получить материал для анализа обыденного сознания, то есть выявить глубинные критерии оценки исследуемых объектов. Экспериментатор пришел к выводу, что показатели образов сознания зависят от нескольких факторов: от типа предоставляемого респондентам текста, от типа образующихся у них образов сознания, а также от типа предъявляемых изображений. Процессы восприятия и смыслообразования несловесны и связаны с языком опосредованно.

В завершение заседания Круглого стола Д. В. Маховиков представил доклад о «Речемыслительной деятельности в восприятии абстрактной живописи». В своем

исследовании он ставил целью выяснить роль языковой картины мира в структуре речемыслительной деятельности. Отталкиваясь от идеи В. Ф. Петренко об образе как перцептивном высказывании о мире (что позволяет рассматривать образ как текст и использовать методы психосемантики применительно к анализу визуальных изображений), Д. В. Маховиков разработал и провел психосемантический эксперимент, шкалы в котором задавались самими испытуемыми, а материалом для оценки выступили экспериментальные тексты-описания произведений абстрактной живописи. Однако, по признанию исследователя, результаты, полученные в ходе эксперимента, заставили его задуматься не только о стратегиях, используемых испытуемыми при восприятии произведений абстрактной живописи, но и о собственном исходном представлении о речемыслительной деятельности в целом.

Выразив поддержку исследованию докладчика, А. В. Вдовиченко подчеркнул, что произведение живописи также является особой разновидностью коммуникативного действия, и смысл его, как и любого личного действия, задается замыслом автора. Однако если К. Малевич, абстрактные картины которого были предложены респондентам, сознательно ставил перед собой задачу не вкладывать «фигуративного» (определенного) смысла в свои семиотические действия, а просто катализировать работу сознания реципиента, и если, как показывают результаты исследования Д. В. Маховикова, эта задача К. Малевичу блестяще удалась, то не абсурдно ли тогда вообще какой-то конкретный смысл там искать? Естественно, что расхождение между принципами коммуникативной модели (наличием смысла в коммуникативном действии) и результатами исследования потребует либо корректировать саму модель, к чему и пришел докладчик, либо отказать материалу в осмысленном статусе.

В целом по итогам общения в формате Круглого стола можно констатировать, что видение участниками исследовательской группы проблемы смыслообразования стало более панорамным, более отчетливо обозначились спорные места коммуникативной теории. При этом обозначилось общее концептуальное достижение и позитивный сдвиг в теоретическом сознании научной группы в сторону акционального (деятельностного) и условного понимания знака, который по своему статусу представляет собой всецело антропологический, но не онтологический (присущий самим предметам) феномен.

Конференция полиглотов 2018 г. в Любляне

Polyglot Conference 2018 in Ljubljana

26-28 октября 2018 г. в Любляне (Словения) состоялась 6-я ежегодная Конференция полиглотов (Polyglot Conference). Предыдущие конференции проходили в Будапеште (2013), Нови-Саде (2014), Нью-Йорке (2015), Салониках (2016) и Рейкьявике (2017). Главными организаторами события выступили известные полиглоты Р. Симкотт, А. Аргуэльес и А. Роулингс. Форум проходил в конференц-центре гостиницы «Grand Hotel Union» (крупнейшем в Любляне) и собрал порядка 500 участников со всего мира (большинство при этом составляли представители европейских стран).

Основной программе конференции предшествовала серия мастер-классов по практическому изучению иностранных языков, в ходе которых полиглоты Ю. Майер, Л. Уильямс, Г. Попкинс, К. Харрис, К. Кейбл, О. Ричардс, Т. Кили, М. Миллуорд и Э. Полезе поделились своим опытом и идеями относительно разработки учебных курсов по языкам, развитию навыков письма, роли чтения и мотивации при изучении языка. В тот же день состоялся приветственный вечер для участников конференции.

Первая (основная) секция конференции действовала в режиме двухдневного пленарного заседания, где выступали только приглашенные докладчики.

Руководитель секции турецкого языка кафедры перевода и коммуникации Гентского университета (Бельгия), победитель конкурса полиглотов Фландрии 1987 г. Й. Ванделалле (PhD) в докладе «Creating and using bilingual texts for learning a diversity of languages» рассказал о том, как эффективность использования двуязычных (параллельных) текстов как способа подготовки к самостоятельному чтению на иностранном языке зависит от особенностей конкретных языков. К лингвистическим факторам такого влияния автор отнес типологическое сходство языков, соотношение между произношением и орфографией и выводимость словарной формы слова из текстовой. В числе экстралингвистических факторов были названы доступность переводов между известным и изучаемым языком и степень их буквальности, наличие двуязычных или многоязычных интернет-сайтов с идентичным содержанием, представленность текстов на изучаемом языке во всемирной компьютерной сети и качество работы систем машинного перевода для данной пары языков.

Американский полиглот А. ДеЛео в выступлении «An anthropological perspective on language learning: Whorf, cryptotypes, and relativity» представил обзор идей о взаимосвязи языка, мышления и культуры по работам Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа, Л. Выготского, Н. Хомского и С. Уортама, особенно остановившись на понятии крипто типов (скрытых категорий) и важности их изучения для владения языком на высоком уровне.

Ирландский дипломат Ш. О'Райан (PhD) в сообщении «Language Accelerator: description of an innovative language-learning programme» описал новую образовательную программу Европейского Союза, направленную на усовершенствование обучения иностранным языкам через введение кратких

пропедевтических курсов международного языка эсперанто, а также привел данные о современном положении ирландского языка, сравнив его с айсбергом, вершиной которого является небольшое количество ежедневно говорящих на нем людей (2%), а подводной частью – значительная доля ирландского населения (40%), знающая его пассивно (на уровне понимания телепередач).

Словацкий преподаватель-консультант Л. Махова (PhD), выступая на тему «The ultimate cure for the undisciplined learner: a system!» подчеркнула необходимость планирования для достижения хороших результатов в самостоятельном изучении иностранного языка и представила модель учебной самоорганизации, состоящую из факторов успеха (терпение, удовольствие, методы, система), элементов разработки собственной системы (осознание своих потребностей, понимание возможностей в отношении затрат времени, определение времени занятий, поиск способов мотивации) и приемов самодисциплины (найти товарища по изучению языка, вести учет занятий, делать себе регулярные напоминания, устанавливать сроки, найти сильную внешнюю причину для изучения языка).

Доктор английского языкознания (PhD) Г. А. Казаков в докладе «A diversity of sounds: the chief findings of audiolinguistics» предложил и обосновал введение термина «аудиолингвистика» для обозначения новой комплексной сферы научного знания и исследований, объединяющей акустические, биологические и психолингвистические данные о взаимосвязях между слухом, речью, работой мозга и системой языка, накопленные существующими более специальными дисциплинами (фонетикой, фонологией, психоакустикой, физиологией речи), а также обсудил ее основные положения применительно к изучению иностранных языков (прямая связь между слухом и голосом, звуковые особенности отдельных языков, влияние музыки на слуховое восприятие и усвоение речевого материала).

Организатор первых Съездов полиглотов (Polyglot Gathering) и автор пособий по иностранным языкам Ю. Майер (Германия) в сообщении «How to learn any exotic script» представила свою методику овладения незнакомого письмом, основанную на распознавании слов (в первую очередь интернационализмов, имен и географических названий), содержащих ту или иную иноязычную букву (письменный знак), и в чем-то схожую с чтением зашифрованного текста.

Нидерландский писатель Г. Доррен, автор нескольких научно-популярных книг по лингвистике (в т.ч. «Лингво: языковой пейзаж Европы»), в выступлении «10 reasons to study Vietnamese (and 5 to regret it)» на основе собственного опыта рассказал о привлекательных (письмо на основе латиницы, большое количество общей для азиатских языков лексики китайского происхождения и др.) и трудных (таких, как наличие тонов и недостаток учебных материалов) для западного человека сторонах изучения вьетнамского языка.

Британский публицист и разработчик учебных мобильных приложений А. Роулингс, автор книги «Как заговорить на любом языке», выступая на тему «Languages for a world without “Grenzen”» (отсылка к словам Л. Витгенштейна *Die Grenzen meiner Sprache bedeuten die Grenzen meiner Welt* «границы моего языка означают границы моего мира»), подчеркнул важность развития многоязычия и изучения иностранных языков для международного взаимопонимания и призвал меньше использовать английский язык в пользу других языков.

Доктор филологических наук, профессор Д. Б. Никуличева, автор двух книг в серии «Лингвистические и психологические стратегии полиглотов», в докладе «Modeling polyglots in search for the diversity of learners: personality-focused training in second language acquisition» представила результаты экспериментального исследования по выявлению индивидуальных особенностей запоминания иноязычной лексики, акцентируя в рамках антропоцентрического подхода к изучению языковой личности полиглота те ее черты, которые могут быть смоделированы в широкой лингводидактической практике (см. «Вопросы психолингвистики» №18, с. 90-97, №26, с. 136-143, №36, с. 70-83).

Американский лингвист, адъюнкт-профессор Американского университета в Эмиратах А. Аргуэльес (PhD) в сообщении «The character traits of language learners: how do those of polyglots differ from those of average learners?» представил предварительные результаты опроса 640 респондентов, целью которого было обнаружение характерных черт полиглотов в сравнении с «обычными» людьми. Так, исследование показало, что среди полиглотов в 3-4 раза больше людей с ученой степенью и в 6 раз больше амбидекстров, чем в среднем в обществе, а также что есть прямая корреляция между количеством изученных языков с одной стороны и чувством пространственной ориентации, способностью к самодисциплине и успехами в учебе с другой.

В параллельных секциях состоялись доклады об окситанском языке в контексте средневекового движения катаров, о языке пираха в Амазонии, о шрифте Брайля, об использовании миноритарных языков в современных художественных произведениях и другие, а также семинары по венгерскому, словенскому, французскому, цыганскому языкам и эсперанто.

Конференция закончилась круглым столом под руководством А. Аргуэльеса с участием Й. Ванделлале, А. Дюфей, Г. А. Казакова, Л. Маховой, Ю. Майер и Д. Б. Никуличевой, обсуждавшими во взаимодействии с аудиторией, являются ли современные полиглоты общественным движением, как можно квалифицировать языковые знания и какие возможности существуют для развития полиглотики как академической дисциплины.

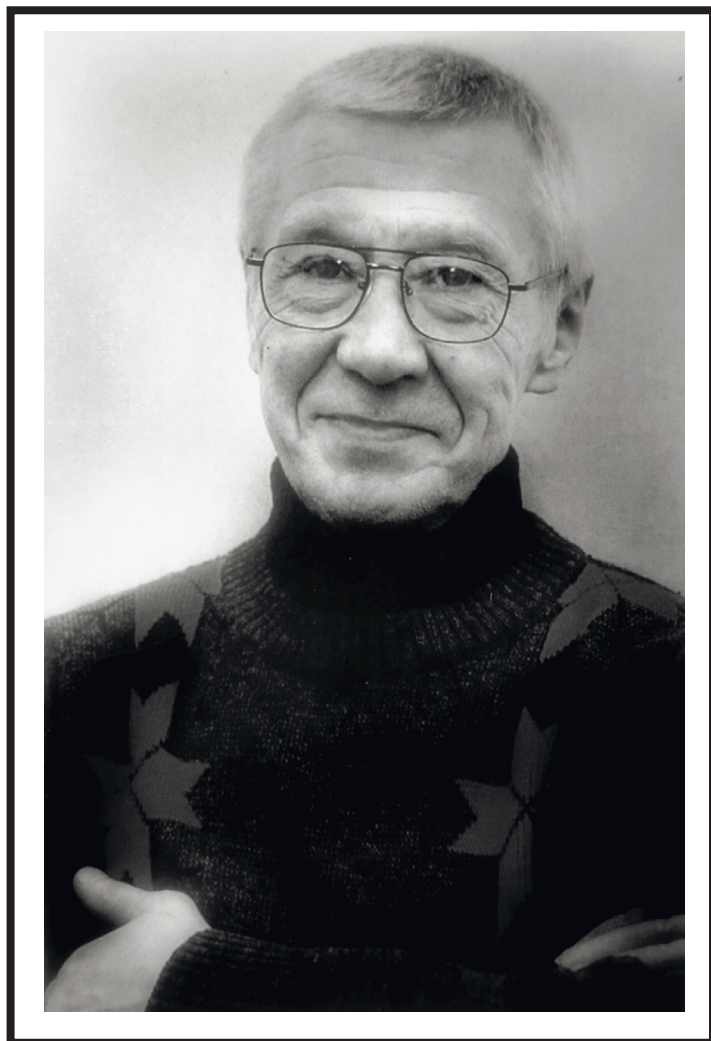
Опираясь на научно-практические достижения последних лет (см. «Вопросы психолингвистики» №18, с. 65, №33, с. 258-260, №37, с. 176-178), конференция открыла новые ракурсы изучения феномена полиглотики:

– за языковым материалом в сознании полиглота стоят более общие принципы высокоэффективной (высокофункциональной) работы нормального мозга, т.е. когнитивные навыки, обеспечивающие достижение многоязычных знаний, позволяют добиваться выдающихся результатов и в других областях деятельности (отсюда примеры полиглотов как успешных ученых, преподавателей, переводчиков, журналистов, предпринимателей);

– в исследованиях сознательного индивидуального многоязычия обозначились два направления: психолингвистическое (полиглот как языковая личность и источник данных о процессе овладения языком) и социолингвистическое (полиглот как модель решения проблем международного общения и языковой политики), объединяемые антропоцентрическим взглядом на актуальные задачи прикладной лингвистики.

Конференция также (вновь) показала, что тема полиглотики обладает большим потенциалом практического применения и широко востребована в образовательной сфере, что за рубежом растет интерес к российским исследованиям в этой области (отсюда необходимость в переводе отечественных работ на иностранные языки), а само сообщество полиглотов являет собой уникальный пример социокультурной среды, где разнообразие языков не разъединяет, а объединяет людей.

Г. А. Казаков

15 июля 1946 – 10 октября 2018
ВИТАЛИЙ ИВАНОВИЧ БАТОВ

ПАМЯТИ ВИТАЛИЯ ИВАНОВИЧА БАТОВА

10 октября 2018 года не стало нашего давнего друга, коллеги и соратника Виталия Ивановича Батова, талантливого ученого, кандидата психологических наук, доктора культурологии.

В 1970 году Виталий Иванович закончил Московский государственный университет, факультет психологии. В 1974 году там же защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Юридическая психология», в 2003 году – докторскую диссертацию по специальности «Культурология». С 1995 года Виталий Иванович работал старшим научным сотрудником в Российском институте культурологии Министерства культуры РФ. С 2009 года являлся профессором Российской государственной специализированной академии искусств.

Виталий Иванович близко дружил и сотрудничал с Юрием Александровичем Сорокиным, участвовал во многих наших конференциях и сборниках, часто появлялся в Группе психолингвистики и теории коммуникации еще в старом нашем здании во дворе Института философии РАН, а последний раз он был у нас летом 2016 года. И всегда приходил с интересными, неординарными идеями, со своими новыми книгами. Одна из них – «Мой друг Глеб Арсеньев», памятник его дружбе с Ю.А. Сорокиным.

Он оставил нам более 150 научных статей и монографий. Среди них: «Другому как понять тебя?» (1991 г.), «По ту сторону Слова. Очерки психогерменевтики» (2001 г.), «Владимир Высоцкий: художник и человек» (2011 г.), «Сальвадор Дали изнутри и снаружи. Опыт психогерменевтики и психоанализа рисунка» (2013 г.), «Психосоматика и творчество. Хроники РГСАИ» (2015 г.) – о проблемах современного творческого инклюзивного образования, и последняя - «Три музы Александра Чижевского. Психогерменевтика холизма» (2016 г.).

И на прощанье словами Юрия Сорокина: «Еще вспомнят о нас. Будут вглядываться в фотографии и письма, пытаясь представить людей блистательного развала империи».

Что осталось? Тоталитарная пыль и обломки? Отнюдь.

Интеллект и искусство».

Вечная память ДРУГУ...

Коллеги-психолингвисты

Вышел из печати двухтомник:

Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова

Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России).

Том 1. От стимула к реакции М.: Московская международная академия, 2018. – 560 с.

Том 2. От реакции к стимулу. М.: Московская международная академия, 2019. – 704 с.

Русский региональный ассоциативный словарь (ЕВРАС) — словарь, созданный по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями европейской части РФ. Испытуемыми по традиции были студенты вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Воронежа, Твери, Сыктывкара, Ростова-на-Дону, Владимира, Калуги, Рязани, Курска, Мурманска, Ижевска, Ульяновска в возрасте от 17 до 25 лет с родным языком русским – всего около 5500 человек. Эксперимент проводился с группами испытуемых в письменной форме с помощью анкет, которые включали 100 слов-стимулов из списка 1000 наиболее частотных слов русского языка с некоторым числом «экспериментальных» стимулов. Авторы сознательно включили в список 700 слов-стимулов из списка стимулов Русского ассоциативного словаря, чтобы иметь возможность изучать изменения, которые произошли в обыденном сознании русских в начале XXI века.

ЕВРАС включает Прямой словарь – от стимула к реакции (40,5 а.л.) и Обратный словарь – от реакции к стимулу (55,5 а.л.).

Словарь предназначен для широкого круга пользователей: ученых лингвистических и нелингвистических специальностей, студентов, изучающих русский язык в России и за ее пределами, преподавателей и всех, кто интересуется живым русским языком. Ассоциативный словарь может найти практическое применение в области журналистики, социального проектирования, рекламной и иных сферах гуманитарной деятельности, где востребованы знания о русском языке и культуре его носителей.

Заказать словарь можно в ММА:

телефон +7(495) 616-43-23, e-mail: info@mmamos.ru

и в секторе этнопсихолингвистики Института языкознания РАН.